

А Л А Н Б Е Й К Е Р

ПЕРЕВАЛ ДЯТЛОВА

ГОНZO

Annotation

Зимой 1959 года в горах Северного Урала при загадочных обстоятельствах погибают девять молодых людей. Начавшееся расследование через несколько месяцев закрыто, материалы дела засекречены в архивах КГБ. Это происшествие так и осталось загадкой, объяснить которую пытались действием природных, мистических и сверхъестественных сил.

Американский писатель Алан Бейкер предлагает свою версию случившегося. Герой истории, журналист Виктор Стругацкий, спустя пятьдесят лет после трагедии волею судьбы оказывается на перевале Дятлова и идет по следам погибшей группы со своей экспедицией.

- [Алан Бейкер](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Часть I](#)
 - [Рассказывает доктор Басков](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Рассказывает доктор Басков](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Рассказывает доктор Басков](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Рассказывает доктор Басков](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Часть II](#)

- [Рассказывает доктор Басков](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Рассказывает доктор Басков](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Рассказывает доктор Басков](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Рассказывает доктор Басков](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Часть III](#)
 - [Рассказывает доктор Басков](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Рассказывает доктор Басков](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)
 - [Рассказывает доктор Басков](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Приложение](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Алан Бейкер

«Перевал Дятлова»

*С холма на холм скользит мой
взор унылый
И гаснет медленно в ужасной
пустоте...*

*Федор
Одиночество*

Тютчев.

Предисловие

Я долго пытался подобрать подходящее определение для данного опуса. Изначально предполагалось, что это будет отчет психиатра, но теперь, когда в него вошли длинные фрагменты моих размышлений о беседах с пациентом Виктором Стругацким и странные, тревожные умозаключения, к которым я пришел в результате проверки его психического состояния, назвать это отчетом будет неточно и неверно.

Само собой разумеется, поведение психиатра оказывается одним из важнейших моментов в лечении пациента; однако я осознаю, что, работая со Стругацким, копнул глубже, чем собирался, и сам стал частью его истории. И это не дает мне покоя, как и отдельные факты самой истории.

Здесь необходимо указать обстоятельства, которые предшествовали случившемуся, и рассказать, как я оказался во все это вовлечен. В понедельник 23 февраля 2009 года в Первоуральскую психиатрическую больницу, в пригороде Екатеринбурга, где я работаю, приехали представители уголовного розыска с просьбой помочь в расследовании дела о возможном убийстве нескольких человек.

Девять дней назад в поселке Юрта Анямова, к северу от уральского города Ивделя, появился человек. В поселке живут манси — коренное население края. Мужчина явно находился в состоянии сильного шока, его била лихорадка, оправиться от которой ему помог лишь тщательный уход местных жителей.

Неделей раньше, в воскресенье, он проходил через Юрту Анямову в компании еще трех человек. Это были 68-летний Вадим Константинов, бывший профессор

антропологии, 28-летняя Вероника Ивашева, работавшая в милиции на опознаниях (рисовала по словесным описаниям портреты подозреваемых), и Алиса Черникова, преподаватель физики в Уральском государственном политехническом университете.

По словам Романа Бахтиярова, главы поселка, группа эта заявила, что ведет расследование так называемого «происшествия на перевале Дятлова», которое случилось пятьдесят лет назад, в феврале 1959 года, неподалеку от тех мест, на горе Холат-Сяхыл. Факты случившегося хорошо известны местным историкам, и я не буду их пересказывать в предисловии по причинам, которые вскоре станут понятны.

Бахтияров рассказал, что один из деревенских старожилов, Прокопий Анямов, шаман неопределенного возраста, вызвался проводить Стругацкого с его группой. Через пять дней после того, как они ушли из Юрты Анямова, в поселок вернулся один Стругацкий. Он был в бреду и говорил бессвязно, но в редкие моменты прояснения сознания он утверждал, что всех остальных убили в сосновом бору южнее горы Холат-Сяхыл.

Начальник Первоуральской больницы доктор Федор Плетнер согласился обследовать Стругацкого и поручил пациента мне. Стругацкого разместили в палате тюремного отделения больницы.

Поскольку Стругацкий был сильно ослаблен физически и истощен от голода (жителям деревни так и не удалось заставить его съесть хоть что-нибудь ни во время лихорадки, ни после) и ему требовалось пройти восстановительный курс лечения, встречу с ним я отложил до среды, 25 февраля.

Что последовало дальше — как я уже упомянул в самом начале — трудно поддается описанию. Думаю, что лучше всего назвать мой труд хроникой медицинского обследования Виктора Стругацкого или, как говорится, личными мемуарами. Но по сути это

история моего постепенного осознания истинной природы того, что он увидел в том лесу, и причины его психического состояния. Полагаю, что люди, с которыми он отправился на Холат-Сяхыл, на самом деле мертвы, но я не верю, что их убил Стругацкий.

Уверен, что многим данный рассказ покажется сомнительным по ряду причин. Специалисты в области психиатрии, без сомнения, начнут комментировать стиль письма. Но данный стиль отвечает моим намерениям написать личную хронику. Представители более широких научных кругов, очевидно, выразят недоверие и даже презрение к изложенным фактам. На это я могу ответить лишь, что предоставляю данный материал исключительно ради него самого.

И последнее замечание: подробности истории Стругацкого раскрывались в течение нескольких сеансов, которые записывались на пленку. Из этих записей я собрал целостную картину событий, которые он пережил, и ради ясности изложения пересказал их от третьего лица. Также я включил сюда множество мелких деталей и наблюдений, сделанных во время бесед со Стругацким. Чтобы изложение получилось по возможности связным, я его отредактировал. Как я уже сказал, здесь есть и мои личные умозаключения и размышления.

Какую ценность эти умозаключения представляют для остального мира и общества, я сказать не могу, но верю, что вы сделаете серьезные и значительные выводы из того, что сейчас прочтете.

Анатолий Басков

Первоуральская
больница

психиатрическая

Июнь 2009 года

Часть I

Расследование

Рассказывает доктор Басков

[1]

Я прошел в тюремное отделение больницы к палате Стругацкого. Двух охранников, которые провели меня, я попросил подождать снаружи. Они заверили, что будут готовы по моему сигналу немедленно вмешаться.

Палата была маленькой, обставленной по-спартански, но чистой и светлой. Никаких признаков погрома, которые довольно часто можно наблюдать в случае с пациентами, психическое состояние которых находится под вопросом и которым вменяют в вину серьезное преступление. Кровать, кресло, умывальник, небольшой стол и деревянный стул.

— Доброе утро, Виктор, — приветствовал я его, улыбаясь. — Я Басков.

Стругацкий лежал на кровати. Он тотчас сел, спустив ноги на пол.

— Доброе утро, доктор Басков.

Он не улыбнулся в ответ, но и враждебности его лицо не выражало. По правде говоря, на нем вообще отсутствовало какое-либо выражение. Разве что лоб был слегка наморщен, словно бы он обдумывал какую-то малозначительную проблему. Я обратил внимание, что лицо у него было загорелым (это было отмечено еще при первом физическом осмотре и говорило о том, что он провел долгое время на открытом воздухе), а в волосах мелькала седина, отчего он казался намного старше своих двадцати восьми лет.

Я показал на стул возле стола:

— Я присяду?

— Пожалуйста.

— Как вы себя чувствуете сегодня?

— Хочу выбраться отсюда.

— Боюсь, пока это невозможно, — мягко возразил я.

— Пока вы не определите, сумасшедший я или убийца, — он улыбнулся невесело, показывая, что смирился с ситуацией, и пытаюсь скрыть страх перед неопределенностью своего будущего.

— Верно, — ответил я, кладя на стол диктофон.

— У меня тоже есть такой, — сказал Стругацкий, — такая же модель.

— Ах да, вы ведь журналист?

Он снова повторил:

— Да, у меня тоже есть такой. По крайней мере раньше был. Он все еще там.

— Там — где?

— В лесу. А может, от него уже ничего не осталось.

— Почему ничего не осталось?

Стругацкий не ответил.

— Не возражаете, если я буду записывать этот разговор?

— А если возражаю — неужели не станете записывать?

— Это обычная процедура.

— Тогда не могу возразить.

— Спасибо, — сказал я, включая прибор, — как долго вы занимаетесь журналистикой?

— Года четыре. Вы ведь думаете, это я их убил, так? Думаете, что я сумасшедший и поэтому убил их.

Он сказал это так спокойно и ровно, как если бы констатировал какой-нибудь общеизвестный факт — вроде того, например, что утром всходит солнце.

— Нет, — возразил я, — я этого не говорил. На самом деле я ничего не знаю. Поэтому я здесь и беседую с вами.

— Если я не сумасшедший, зачем меня заперли в психбольнице?

— Вы здесь, чтобы мы смогли выяснить, что произошло с вами и вашими товарищами.

— Их убили.

— Каким образом?

Стругацкий молчал, глядя на меня, но я успел заметить промелькнувший в его взгляде страх, даже ужас.

— Все хорошо, Виктор, — мягко сказал я, — мне можно доверять.

— В том-то и проблема, доктор, — ответил он очень тихо, — я не знаю, могу ли я вам доверять.

— А почему нет?

Он вновь сильно нахмурил лоб:

— Я не знаю, кому доверять, а кому нет. Вы правда хотите мне помочь или?..

— Или что? — Мы оба замолчали. — Да, я хочу вам помочь, Виктор. Все здесь хотят помочь. Мы на вашей стороне, вы в безопасности.

— В безопасности? — усмехнулся он.

Я попробовал зайти с другой стороны:

— Не могли бы вы рассказать немного о себе?

— Что вы хотите узнать?

— Ну... Вы родом из Екатеринбурга?

— Да.

— Работаете в екатеринбургской «Газете»?

— Да.

Два односложных ответа подряд. Ясно: о себе и своей работе Стругацкому рассказывать скучно.

— И вас интересует трагедия, случившаяся на Дятловском перевале, — сказал я.

Он тут же вскинул голову.

— Не сразу, но я оказался замешанным.

— Замешанным в чем?

Он снова улыбнулся, на этот раз даже слишком широко.

— В событиях, из-за которых я здесь оказался, доктор Басков.

— Можете рассказать, с чего все началось? Стругацкий медленно поднялся с кровати. Я уже чуть не крикнул охранников, но он всего лишь подошел к креслу и сел.

— Не беспокойтесь, доктор, — сказал он, — я не опасный человек.

Мне потребовалась пара секунд, чтобы понять, что он разгадал мое намерение позвать на помощь.

— Вы очень проницательны, — заметил я.

— Спасибо.

— Хорошо, — сказал я, — расскажите же, с чего все началось.

Стругацкий вздохнул и произнес:

— Так и быть, доктор.

Глава первая

Виктор сидел за письменным столом, подперев рукой подбородок, и просматривал материалы, которые удалось собрать по случаю Боровского. Шум и суматоха издательства ужасно действовали ему на нервы. Он только что говорил по телефону еще с одним возможным свидетелем по делу, но тот отказывался быть замешанным, несмотря на все обещания сохранить его анонимность. Екатеринбургская «Газета» — серьезное издание, уговаривал Виктор, беспокоиться не о чем, его имя останется в тайне. Но человек был напуган до смерти — Виктор слышал это по голосу. «Извините, но ничем не могу помочь. Пожалуйста, не звоните больше». И он отключился, оставив Виктора сидеть с монотонно гудящей трубкой над бесполезными теперь материалами, разбросанными по столу.

Внезапный хриплый смех за спиной заставил его оглянуться. Черевин, вальяжно развалившись на стуле, разговаривал с кем-то по телефону — скорее всего с одной из своих многочисленных подружек.

— Вот дерьмо! — пробормотал Виктор, поднимаясь.

С досады сунув руки в карманы, он шел по коридору к автомату с напитками. Когда он проходил мимо открытой двери кабинета редактора Максимова, тот крикнул ему:

— Стругацкий! Зайди!

«Черт, — подумал Виктор, — что опять я сделал не так? Или чего не сделал?»

Он остановился на пороге кабинета:

— Да, я слушаю.

Максимов жестом попросил зайти:

— Присядь-ка, Витя.

Виктору не нравилось, когда Максимов называл его неполным именем — от этого он чувствовал себя как школьник на ковре у сердитого директора. Виктор неохотно прошел в кабинет и сел.

Грузный, лысеющий Максимов очень часто бывал не в духе, но сейчас он улыбался. Виктору стало не по себе.

— Как дела?

— Нормально.

— Над чем работаешь сейчас? — поинтересовался Максимов, как будто сам не знал.

— Случай Боровского.

— Ах да.

Максимов откинулся на высокую спинку стула, заставив его жалобно заскрипеть, и в задумчивости заложил руки за голову, словно большой начальник, обдумывающий стратегию своей компании.

— Это тот арендодатель, который выкидывает жильцов из бараков на улицу, чтоб продать землю застройщикам?

— Верно.

— И как далеко ты продвинулся?

Виктор нервно заерзал на стуле.

— Ну, трудно вытащить из свидетелей хоть какую-то информацию. Шестерки Боровского так и шнырят и давят на них психологически. Нелегко получить сведения из первых уст, когда люди так запуганы...

Максимов вздохнул:

— Другими словами, а воз и ныне там.

— Знаете...

— Послушай, Витя, за что я тебе плачу? Ты уже месяц с этим делом возишься, а в итоге что? — Максимов ткнул своим толстым пальцем в Виктора. — Я дал тебе это задание, потому что полагал, тебе оно по плечу! Я верил в тебя, думал, что у тебя есть потенциал...

— Я же стараюсь... — возразил Виктор, оправдываясь — и сам себя ненавидя за эти жалобные интонации.

Больше всего в тот момент ему хотелось сказать Максиму, чтобы тот засунул эту гребаную работу в свою жирную задницу. С каким бы удовольствием он выплеснул все, что наболело... но ему нужны были деньги на еду и жилье.

Максимов подался вперед, ставя свои толстые локти на стол:

— Сколько ты работаешь в «Газете»?

— Два года, — тихо ответил Виктор, уже готовясь услышать о своем увольнении и жалея, что упустил шанс послать Максимова куда подальше. Куда лучше самому громко хлопнуть дверью, чем быть бесцеремонно уволенным.

— Знаешь, Витя, журналист ты неплохой. Я все еще верю, что ты это докажешь...

— Вы так думаете?

— Да. Просто история, которой ты занимаешься, видимо, не для тебя. Это моя ошибка, не твоя. Мне казалось, ты справишься, я думал, чем больше будет препятствий, тем упорнее ты будешь докапываться до истины, но... — Максимов сокрушенно покачал головой, словно отец, чей непутевый сын совершил неблаговидный поступок, и, снова откинувшись на спинку стула, сказал: — Отдай свои материалы Черевину — все, что у тебя на данный момент есть. Посмотрим, может, ему больше повезет.

— Черевину? Но он же...

— Он же что? — резко оборвал его Максимов.

Виктор вздохнул:

— Ничего, я отдам ему свои материалы, — а в голове пронеслось: «Сволочь! Ведь ни за что не позволит мне реабилитироваться».

Он уже хотел встать и выйти — спасибо хоть, что работу не потерял, но тут Максимов произнес:

— У меня для тебя есть кое-что другое.

— Только не об открытии очередного магазина!

— Витя, не искушай судьбу, — улыбнулся редактор.

— Извините. Что за дело?

— Подумываю организовать историческую тему.

— Какую?

— Происшествие на Дятловском перевале.

— Никогда не слышал о нем.

Максимов засопел:

— И меня это почему-то не удивляет. Ладно, краткая историческая справка. Это случилось в 1959 году на Северном Урале. Группа лыжников-любителей из Екатеринбурга отправилась в поход по пересеченной местности. Их целью была гора Отортен... Но они так и не дошли до нее.

— Что же произошло?

— Что-то их убило.

— Что-то? — с недоверием переспросил Виктор.

Максимов кивнул.

— И что же это?

— Власти назвали это «стихийной силой непреодолимого характера».

— И что это, черт побери, значит?

Максимов усмехнулся:

— Это значит, что ни у кого нет ни малейшего понятия, что произошло с этими туристами, но все были настолько напуганы, что участок местности вокруг Отортена закрыли на три года — по крайней мере для гражданских. Из всей группы выжил только один человек, да и то только потому, что заболел в самом начале пути и был вынужден вернуться домой. Его зовут Юрий Юдин, он живет в Соликамске. — Максимов выдержал паузу. — Предлагаю тебе съездить и взять у него интервью.

Виктор посмотрел на редактора и понял, что это его последний шанс, иначе он окажется на улице.

— Значит, все произошло в пятьдесят девятом?

Максимов кивнул.

— То есть случаю на перевале Дятлова уже пятьдесят лет?

— Именно. Так что ты думаешь?

— Думаю, это будет сенсацией, — ответил Виктор, стараясь придать голосу как можно больше энтузиазма: от Екатеринбурга до Соликамска километров пятьсот.

Редактор кивнул одобрительно и кинул на стол бумажку:

— Адрес Юдина.

Виктор взял бумажку, прочел.

— А телефона нет?

Максимов покачал головой:

— Ни у нас, ни в телефонном справочнике Соликамска нет.

Виктор вздохнул:

— Значит, мне к нему ехать без предупреждения?

— Хорошая практика для тебя, — многозначительно заметил Максимов и посмотрел на часы: — Сегодняшний поезд до Соликамска отправляется в 10:35. Если поторопишься, то успеешь.

«Черт, — подумал Виктор, — как же тебе не терпится меня выпроводить».

Он кивнул, поднялся и пошел к двери.

— Витя?

— Да?

— Это тебе не Уотергейт и даже не Антон Боровский с его шестерками. Я бы настоятельно посоветовал на этот раз не возвращаться с пустыми руками. Ясно?

— Ясно.

Глава вторая

Виктор собрал все свои записи и отнес их на стол Черевину.

— Вот, — сказал он, — Максимов передает это дело тебе.

Черевин, вскинув брови, принял кипу бумаг и бегло их пролистал.

— Боровский, да? Что, Витек, не справиться тебе одному?

— Не угадал ты, Жора. Он поручил мне дело посерьезней. Извини, что сваливаю это на тебя.

— Да? И что же он тебе поручил?

Виктор пожал плечами в знак извинения:

— Сейчас не могу ничего рассказать — опаздываю на поезд.

— И куда же? — спросил Черевин, но Виктор уже развернулся.

Максимов прав: ему надо поторапливаться, чтобы успеть на поезд. Он бы мог поехать на машине, но, честно говоря, не был уверен, что его старенькая «Лада» осилит дорогу туда и обратно.

Из редакции «Газеты» он поехал в свою квартиру на Сибирском тракте, чтобы упаковать сумку и поискать в Интернете хоть какую-нибудь информацию по происшествию на перевале Дятлова. Ссылок о трагедии было много, но в основном сайты излагали ее очень кратко. Впрочем, попался один сайт, где происшествие описывалось детально.

Виктор сделал с него распечатку и сунул листы в сумку вместе с диктофоном, блокнотом и парой сменного белья на случай, если придется задержаться дольше, чем на день.

Через час он уже сидел в дребезжащем вагоне, глядя в окно на грязно-белый замерзший мир. Виктор всегда любил город больше, чем природу. Он никогда не доверял ее дикому нраву, ночной темноте, от которой начинаешь задыхаться, когда нет даже луны, а блеск далеких звезд не дает никакого света.

Он думал о Нике, вспоминал, сколько раз она пыталась уговорить его поехать с ней на Южный Урал в поход или покататься на лыжах. Он всегда отказывался, а она притворялась обиженной и уезжала с друзьями. Только потом он понял, что обида эта была настоящей, и оснований для нее было много, но самым серьезным стало его последнее «нет», когда она предложила ему жить вместе. Виктор промямлил что-то невнятное о том, что он еще не готов к такому развитию отношений, своих слов в тот момент он не мог вспомнить. Но Ника поняла так, что она ему больше не интересна. Они повздорили, наговорили друг другу много обидного, и она решила разорвать их отношения. А может, это сделал он, даже не осознавая, что хочет расстаться.

Достав из сумки распечатку, он начал читать про перевал Дятлова. К его расследованию статья не имела почти никакого отношения, но ему, по крайней мере, нужно было от чего-то отталкиваться в разговоре с Юдиным. Он вздохнул, качая головой. «Что я вообще делаю? Еду на интервью с неизвестным стариком говорить о загадке пятидесятилетней давности, на которую все чихать хотели. Господи!»

Он проклинал Максимова за это дело. Оно было словно жалкая подачка человеку, который не справился с предыдущим заданием, только и всего. Унизительнее всего было осознавать, что он это заслужил.

Статья была озаглавлена: «Необъяснимая загадка перевала Дятлова».

Туристы отправились, как и говорил Максимов, в лыжную экспедицию — нормальное явление для

пятидесятых годов. Тогда, после смерти Сталина, жизнь в Союзе начала понемногу налаживаться, суровая действительность послевоенных лет смягчалась.

Это повлекло за собой всплеск «спортивного туризма», который был способом уйти, хотя бы ненадолго, от давления, тяжелой работы и всевозможных ограничений общества. Тысячи людей использовали возможность этой «маленькой свободы», чтобы вырваться на несколько дней из серых городов, отправиться на природу пешком или на лыжах, исчезнув из поля зрения всевидящего государственного ока.

В группе было десять студентов и выпускников Уральского политехнического института (ныне университета). Дойдя через гору Отортен до Вижая, группа должна была отправить спортклубу телеграмму и двинуться в обратный путь. До Вижая планировалось дойти к 12 февраля, но, по словам сошедшего с дистанции Юрия Юдина, лидер группы Дятлов высказывал опасение, что они могут задержаться на несколько дней. Ничего необычного: задержки во время лыжных экспедиций были нередким явлением.

Поэтому, когда 12 февраля телеграмма не пришла, никто не забеспокоился. И только 20 февраля, когда по прошествии восьми дней никаких вестей от Дятлова так и не поступило, семьи туристов забили тревогу и потребовали, чтобы на поиски отправилась спасательная команда от института. В нее вошли преподаватели и студенты. Позже к спасательной операции подключилась милиция, военные самолеты и вертолеты.

Как и сказал Максимов, группа Дятлова так и не добралась до Отортена. Поисковая группа обнаружила их лагерь на восточных склонах близлежащей горы Холат-Сяхыл — в переводе с языка коренного населения манси «гора мертвецов».

Лагерь был оставлен туристами в беспорядке. Палатка была разорвана и наполовину занесена снегом, внутри никого не было, хотя все вещи, в том числе обувь и почти вся одежда, оказались на месте.

Последующее расследование доказало, что палатку разрезали изнутри, словно бы находившиеся в ней люди отчаянно пытались выбраться из нее, не теряя лишних секунд. Рядом с палаткой были обнаружены следы 8–9 человек, ведущие из лагеря в сторону близлежащего леса и пропадавшие через пятьсот метров.

У кромки леса, под высокой сосной, один из спасателей нашел тела Георгия Кривонищенко и Юрия Дорошенко. Оба были босыми, из одежды на них было только нижнее белье. Рядом на снегу обнаружили остатки костра и несколько сломанных веток. Ветки были отломлены с дерева на высоте пяти метров: скорее всего, кто-то туда залез, чтобы осмотреть окрестность. Создавалось впечатление, что Кривонищенко и Дорошенко пытались разбить здесь новый лагерь взамен покинутого ими, но умерли от переохлаждения.

На участке между этой сосной и лагерем спасатели нашли еще три тела — Игоря Дятлова, Зинаиды Колмогоровой и Рустема Слободина. Судя по их расположению, люди двигались по направлению к лагерю, когда их настигла смерть.

После обнаружения первых пяти тел власти возбудили уголовное дело, которое заключило, что туристы умерли от гипотермии. В черепе Рустема Слободина была обнаружена небольшая трещина, но она не являлась причиной смерти. Остальные четыре тела бесследно исчезли. Потребовалось еще два месяца, чтобы найти их погребенными под четырехметровым слоем снега в овраге на расстоянии семидесяти пяти метров от лагеря.

Вскрытие показало, что Людмила Дубинина, Александр Золотарев, Николай Тибо-Бриньоль и Александр Колеватов погибли вовсе не от гипотермии: череп Николая Тибо-Бриньоля был разможжен, у Дубининой и Золотарева были переломаны ребра, а у Дубининой отсутствовал язык.

Дойдя до этого места, Виктор остановился. Отсутствовал язык? Господи... Возможно, они попали в лавину и Дубинина перекусила себе язык, лавина же могла разможить череп Тибо-Бриньоля. Однако Максимов сказал, что власти понятия не имеют о причинах гибели группы Дятлова, поэтому эти гипотезы, вероятно, впоследствии были отвергнуты.

Несмотря на сильные внутренние повреждения, тела, найденные через два месяца, при первом осмотре поверхностных ран не имели. По-видимому, те, кто оставался в живых дольше, снимал одежду с уже мертвых. На Александре Золотареве были шуба и меховая шапка, принадлежавшие Людмиле Дубининой, а у самой Дубининой ноги были обмотаны куском шерстяных штанов Кривонищенко.

Виктор с трудом представлял, как сход лавины мог стать виной всему. Но в абзаце ниже он прочитал следующее. Анализ одежды двух человек из группы показал высокий уровень радиоактивного облучения. Вот тоже непонятная вещь. Ведь в диком лесу, где, кроме гор, снега и сосен, ничего нет, не могло быть и никаких источников радиации — разве что совсем небольшой природный радиационный фон земли. Может быть, Дятлов со спутниками нечаянно набрали на секретный военный объект, где проводились испытания? Вполне правдоподобная версия — распад Союза пролил свет на многие нелицеприятные вещи, о которых государство умалчивало. Может, этот случай как раз такого рода?

Официальное расследование длилось несколько месяцев, но никаких свидетельств преступления оно не выявило. Предполагали даже, что группу убили манси в наказание за посягательство на их территорию. Позже эту версию отклонили, так как ни Отортен, ни Холат-Сяхыл не считались священными у манси, которые во всех отношениях всегда были дружелюбным и мирным народом.

По заключению судебного врача, осматривавшего тела, нанести подобные тяжкие повреждения не под силу ни одному человеку — они больше напоминают последствия автокатастрофы при столкновении на высоких скоростях. Еще более странные и тревожные заявления делали те, кто присутствовал на похоронах погибших: цвет лица их был таким, как будто они подверглись тепловому или радиационному излучению. Снова радиация, подумал Виктор.

Он перечитал статью, стараясь запомнить как можно больше фактов. Поезд уже был на подходе к Соликамску. Стругацкий сложил бумаги в сумку и стал смотреть в окно на проплывающие мимо здания. В голове так и вертелось: что же, черт возьми, произошло с этими людьми?

Глава третья

От вокзала Виктор поехал на такси по тому адресу, который дал ему Максимов. Это оказалось убогое строение в конце глухой улочки. Все вокруг казалось серым: от снега под ногами до зданий, придавленных нависшим небом цвета сигаретного пепла. Здесь словно бы и не было последних двадцати лет — отсюда казалось, что страна по-прежнему сгибается под тяжестью отмирающей идеологии. Это место, брошенное и позабытое всеми, кроме тех, кто остался, угнетало.

Пряча подбородок от холода в меховой воротник, Виктор поднялся на крыльцо. Домофонный щиток выглядел так, будто им не пользовались уже много лет. Найдя номер квартиры Юдина, Стругацкий нажал кнопку. К его удивлению, послышался металлический щелчок, шипение и мужской голос спросил:

— Кто там?

— Извините, это Юрий Ефимович?

— Да.

— Меня зовут Виктор Стругацкий.

— Что вам нужно?

— Я работаю в екатеринбургской «Газете». Мне бы хотелось поговорить с вами.

После небольшой паузы Юдин спросил:

— О чем поговорить?

— О трагедии на перевале Дятлова.

Ответа не последовало, и только слабое шипение домофона давало понять, что Юдин не отключился.

— Юрий Ефимович?

— Я не хочу с вами разговаривать.

— Но... погодите...

— Убирайтесь.

Шипение прекратилось — связь прервалась.

— Проклятье!

Виктор снова нажал кнопку.

Снова раздался щелчок, и голос Юдина произнес:

— Молодой человек, если вы не оставите меня в покое, я вызову милицию. Вы хотите этого?

— Юрий Ефимович, это займет всего несколько минут, это все, что я прошу.

— Зачем вы хотите поговорить о Дятловском перевале?

— Мне поручили написать статью к пятидесятилетней годовщине со дня трагедии.

— Какая годовщина? — фыркнул Юдин в домофон. — Всем давно наплевать на это.

— Почему вы так уверены?

Снова наступила пауза, но Юдин не отключался. Очередной свидетель, который не хочет говорить. В животе у Виктора неприятно засосало. Если он не возьмет это интервью, с работой можно распрощаться. Его будущее находится в руках старика, который даже не подозревает об этом. В такие моменты жизнь кажется особенно несправедливой.

Виктор знал, что встретиться с Юдиным можно, только если тот сам этого захочет. Поэтому он решил давить на жалость.

— Юрий Ефимович, послушайте, я вам честно скажу, если я не напишу эту статью, меня уволят.

— Это разве мои проблемы?

— Нет, мои.

— Вам не обязательно со мной говорить. Вы можете сами все придумать. Вы ведь часто так делаете, да?

«Господи, — подумал Виктор, — дай мне сил!»

— Я не хочу ничего придумывать. Я хочу рассказать правду, как все было.

— И тогда вы не потеряете работу?

Виктор вздохнул:

— Да, чтобы не потерять работу.

— Это было так давно... Как, вы говорите, вас зовут?

— Стругацкий. Виктор Стругацкий. Согласен, давно. В этом месяце пятьдесят лет, как все случилось.

— Пятьдесят лет... — повторил голос, а затем примирительно сказал: — Хорошо, молодой человек, я поговорю с вами о перевале Дятлова, если это единственный способ от вас избавиться.

Виктор вздохнул, на этот раз с облегчением. Он не мог припомнить, как давно испытывал подобное облегчение.

— Спасибо!

— Четвертый этаж, квартира сорок восемь, — сказал Юдин и отключился.

Входная дверь открылась с тяжелым щелчком. Виктор толкнул ее и вошел в подъезд, в котором было не многим теплее, чем на улице. Лифт не работал, поэтому на четвертый этаж он поднялся по лестнице. В конце плохо освещенного грязного коридора он нашел дверь с номером сорок восемь и постучал.

Дверь распахнулась практически сразу, и перед ним предстал Юрий Юдин.

Виктор протянул руку и представился:

— Виктор Стругацкий.

— Вы уже говорили, — ответил старик, с неохотой отвечая на рукопожатие. Он оглядел Виктора с ног до головы, презрительно кривя тонкие губы и раздувая ноздри, как будто чуя что-то неприятное: — Входите.

Он развернулся и зашаркал по коридору, ведя Виктора в гостиную.

— Хотите чаю? — спросил он, даже не оглянувшись.

— Можно, если вас не затруднит.

— Конечно же, не затруднит, — пробормотал Юдин.

Виктор прошел за ним в комнату и сел на стул, на который ему указали. Комната была маленькая, но чистая, мебель старая, но в хорошем состоянии. Все то

немногое, что нажито за долгие годы и бережно сохраняется.

Юдин скрылся на кухне и вернулся через некоторое время с подносом, который поставил на столик перед Виктором.

— Спасибо, что согласились меня принять, Юрий Ефимович, — произнес Виктор, наливая чай в обе кружки.

Старик только буркнул что-то в ответ.

Виктор достал диктофон.

— Вы не возражаете, если я запишу наш разговор?

Юдин пожал плечами, даже не взглянув на прибор, поэтому Виктор включил его и поставил рядом с подносом на столик.

— Из какой вы, говорите, газеты? — спросил Юдин, усаживаясь на старый диван, залатанный в нескольких местах.

— Издание «Газета», город Екатеринбург. Редактор хочет опубликовать статью, в память о том происшествии...

Юдин рассмеялся — коротко и зло:

— Происшествие! Что за дрянное определение!

Виктор сделал глоток — чай был горячий и крепкий.

— А как бы вы это назвали?

Юдин посмотрел на него, взгляд его был блестящим, не старчески мутным.

— Совершенно определенно трагедия, — ответил он. — Возможно, даже убийство. А возможно, и... что-то настолько странное, что мы даже назвать не в состоянии.

— Что вы имеете в виду?

Юдин лишь бросил на Виктора цепкий взгляд — такой неожиданно молодой для его морщинистого лица. У него было почти пятьдесят лет, чтобы тысячи раз обдумать произошедшее той ночью, и Виктор мог

только догадываться, какие мысли мучили его все это время.

Юдин поднес чашку ко рту — рука еле заметно дрожала, — сделал глоток.

— А вы что знаете о перевале Дятлова?

Виктор решил рассказать все начистоту:

— Мало что, должен признаться. Только самое основное. На самом деле до сегодняшнего утра, когда редактор дал мне задание, я даже не слышал об этом.

Юдин усмехнулся и кивнул:

— Понятное дело. У каждого свои проблемы, о которых голова болит... Куда страна катится, куда мир движется... В каком-то отношении все лучше, чем было раньше, в каком-то хуже. Никогда не было такой неопределенности, как сейчас, правда? Во время холодной войны мы по крайней мере знали врагов в лицо, потому что нам говорили о них... Даже если кое-кто сомневался, правда ли это...

Виктор молча слушал. Иногда люди начинают издали — если их резко оборвать и попытаться подтолкнуть к сути, они могут обидеться и замкнуться. Поэтому он лишь терпеливо покивал в знак согласия.

— Да, — продолжал Юдин, — другие проблемы, другие вопросы... Разве есть время, чтобы ломать голову над тем, что же произошло с маленькой группой туристов в лесу пятьдесят лет назад... Но знаете, не всегда было так. Тогда все только об этом и говорили.

— Вы имеете в виду в Екатеринбурге — то есть в Свердловске?

Старик кивнул:

— Общественность была возмущена, пыталась докопаться до истины, несмотря на старания властей замять все это дело. Об этом много говорили, несмотря на то что было рискованно.

— Рискованно?

Юдин слегка усмехнулся:

— Думаю, вы слишком молоды, чтобы помнить сей факт, но если нам давали понять, что какие-то темы лучше не затрагивать, то лучше их было не затрагивать. Вот так вот. Но, как я уже сказал, люди были возмущены, они не могли молчать.

— Поначалу думали, что Дятлова и остальных убили манси, так?

Юдин раздраженно махнул рукой:

— Какие манси? Манси — безобидные люди, они бы такого не сделали. В любом случае, Возрожденный сказал, что человек не может нанести подобные увечья...

— Извините, кто это — Возрожденный?

— Это судмедэксперт, обследовавший тела. Господи, вы и вправду начитались только общих фактов.

Виктор улыбнулся и пожал плечами: что есть, то есть.

— По другой версии их настигла снежная лавина...

И снова Юдин рассмеялся своим неприятным смехом:

— Молодой человек, позвольте предположить: вы не часто бываете на природе, так?

— Да. Как вы догадались?

— Потому что все, кто хотя бы немного знают эту местность, ни на секунду не поверили в эту чушь. Во-первых, горы здесь низкие и пологие, а крутизна склона, на котором был разбит лагерь, была не больше пятнадцати градусов.

— И поэтому лавина не могла возникнуть?

— Конечно, нет.

— А как же увечья? — упорствовал Виктор. — Похоже на то, что был очень сильный удар. У Дубининой не было языка — разве она не могла перекусить его себе во время удара лавины?

— Нет.

— Почему нет?

Юдин не ответил и опустил взгляд на потертый ковер на полу — и сразу стал похож на старого усталого человека с грузом воспоминаний.

— Юрий Ефимович?

— Я общался с Возрожденным во время расследования, хотя не должен был — меня предупреждали, — но я разговаривал с ним, потому что хотел выяснить правду. И он рассказал мне кое-что о Людмиле...

Он замолчал и провел дрожащей рукой по своим редким волосам. Голос его начал срываться, как будто он сдерживал слезы.

— Что он вам рассказал? — почти шепотом спросил Виктор.

— У Людмилы отсутствовал не только язык. Вся ротовая полость исчезла.

Виктор несколько секунд недоуменно смотрел на Юдина.

— Как это исчезла?

Юдин поднял глаза на собеседника.

— А как еще прикажете это называть? — резко спросил он. — Ротовая полость отсутствовала. И этот факт пытались скрыть от нас.

— Власти?

— Свердловский обком партии. Официально было заявлено, что после смерти тело ее изувечили хищные звери — например, лиса — она могла откусить язык. Но Возрожденный с этой версией был не согласен. Вернее, он мог бы согласиться, если бы отсутствовал только язык. Но он не представлял, какой хищник может выгрызть ротовую полость. — Юдин глотнул чаю. — Как видите, молодой человек, моих друзей убила не лавина. К тому же ни единого доказательства этому не было. Палатка была занесена снегом не полностью, рядом с

ней были найдены четкие следы, которые вели в лес. Лавина бы все смела.

Он замолчал, подливая себе чаю. Морщины на его лице обозначились сильнее, добавив лицу горестное выражение. Виктор почувствовал, что должен что-то сказать — иначе его попросят уйти. Старику было явно тяжело говорить на эту тему, но Виктор видел, как тот хочет поделиться хоть с кем-то... хоть с молодым идиотом, возникшим из ниоткуда у его двери, — он хочет, чтобы о его друзьях помнили — потому что они это заслужили и, возможно, потому что сам он чувствовал вину за то, что один остался жив.

Возможно, именно поэтому он и впустил Виктора: не потому, что пожалел незнакомца, который мог потерять работу, а потому, что ему было необходимо поговорить с человеком, готовым слушать.

— Скажите, а какая лично у вас версия произошедшего на Холат-Сяхыл?

Юдин посмотрел на Виктора — в глазах стояли все невыплаканные слезы прошедших десятилетий — и спросил:

— А вы знаете, что значит это название?

— Это на языке манси — «гора мертвецов».

— Правильно, гора мертвецов. Манси не просто так ее назвали. Они не любят ее и держатся от нее подальше.

— Вот как? Не знал... Я думал, это ничем не примечательное место.

— Очень примечательное! Манси обходят Холат-Сяхыл, потому что это плохое место.

— Почему?

— Есть легенда о том, как девять манси искали убежище на этой горе во время наводнения — возможно, отголоски легенды о великом потопе — и умерли на ее вершине. С тех пор гора эта считается проклятой. Манси всегда обходят ее стороной, когда

охотятся или перегоняют стада оленей. Думаю, поэтому и в расследовании появилась версия о том, что манси убили Игоря и ребят. Но это неправда. Манси избегают Холат-Сяхыл, но ходить туда — для них не преступление и не посягательство на их землю. Более того, манси вообще не подстерегают и не убивают туристов, оказавшихся на их территории. Но вы спросили у меня о собственной версии случившегося. По правде говоря, я не знаю — так же, как и все, а если кому-то что-то известно, то они молчат.

В его последних словах послышалась горечь.

— То есть вы считаете, что кто-то все-таки знает правду?

— Вам знакомо имя — Лев Иванов?

Виктор покачал головой, и Юдин презрительно фыркнул:

— Господи, и зачем я вообще перед вами распинаюсь?

У Виктора упало сердце. И правда, зачем? Имеет ли вообще смысл весь этот разговор? Черт, ну и задание Максимов на него повесил!

— Пожалуйста, Юрий Ефимович, я хочу во всем разобраться, — солгал он, — и я уверен, вы хотите, чтобы люди помнили о том, что случилось с вашими друзьями.

— Не смешите меня, молодой человек.

— Нет-нет, что вы. Я всего лишь... Думаю, такие вещи нельзя забывать.

Юдин покачал головой:

— Вы сами не верите тому, что говорите, — вам нужно лишь получить то, за чем пришли, и сохранить свое место.

Виктор не нашелся что ответить и только отрицательно замотал головой.

Юдин махнул рукой:

— Да не важно! Я не против, чтобы вы написали статью. Кто знает, может, она действительно поможет сохранить память о погибших людях, даже если ее автору на это вообще наплевать. Парадокс, правда?

При этом он вздохнул, и Виктор почувствовал облегчение.

— В общем, так: Лев Иванов был главным следователем по факту гибели людей на перевале Дятлова. В 1990 году он дал интервью местной казахской газете «Ленинское наследие». В нем он рассказал, что высшее партийное руководство приказало ему закрыть дело Дятлова и засекретить все материалы. Рассекречены они были только в начале девяностых, но все равно остаются подозрения, что часть правды утаили.

— Вы думаете, что здесь замешаны военные? — спросил Виктор. — Некоторые полагают, что Дятлов с товарищами по неосторожности попали в зону испытаний и случайно были убиты экспериментальным оружием.

Юдин пожал плечами:

— Зачем было проводить испытания в таком месте? У военных были свои полигоны: Байконур в Казахстане, например, или ракетный комплекс в Семипалатинске. Нет, версия с секретным оружием маловероятна.

— А как же радиация, которую обнаружили на жертвах?

Юдин замотал головой:

— Этот факт уже много лет мусолят. Небольшое излучение нашли только у Людмилы и Георгия, и было оно поверхностным, а не проникающим, как от оружия.

— Понятно. Тогда откуда оно взялось?

— От газовых фонарей.

— От чего, простите?

Юдин посмотрел на Виктора, как на совсем бестолкового ребенка.

— В калильной сетке газовых фонарей содержится радиоактивный торий. Сетку используют для поддержания огня в фонарях. Но дело в том, что они очень непрочные, и если с ними неаккуратно обращаться, они осыпаются. Такая пыль легко могла попасть на одежду.

— Ясно, но вот вы сказали, что случившееся может оказаться настолько странным, что у нас даже определения этому не найдется. Что вы имели в виду?

Юдин задумался на несколько секунд, словно собираясь с мыслями.

— Я подразумевал светящиеся шары.

— Шары?

— В своем интервью Иванов упомянул вот еще о чем. В рассекреченных документах есть свидетельство руководителя другой группы лыжников, которая была в ту ночь в той же местности. Их лагерь находился в пятидесяти километрах южнее горы Холат-Сяхыл. По его словам, группа видела, как по направлению к горе летели оранжевые шары. Иванов считает, что это как-то связано с тем, что произошло с Игорем и ребятами. Он предположил, что один из туристов мог ночью выйти из палатки и, увидев шары, разбудить остальных. То, что случилось потом, вынудило их бросить лагерь и скрыться в темноту и холод... — Заметив выражение лица Виктора, Юдин вспыхнул: — Думаете, я тут лапшу вам на уши вешаю, да?

«Чертовщина какая-то началась совсем», — подумал Виктор, но вслух поспешил заверить:

— Нет, что вы, я ничего такого не думал! Просто получается, что другая группа якобы видела НЛО.

— А вы в это не верите, так?

Виктор пожал плечами:

— Вынужден признаться, что нет. Я хочу сказать, что ведь никаких доказательств нет. Ничего убедительного.

Юдин недовольно фыркнул:

— Много вы знаете! Такие шары в той местности видели не однажды. Последний раз они появлялись несколько месяцев назад.

— И что же они такое?

— Ну, я конечно же не верю, что это космические корабли с другой планеты, если вы это имеете в виду.

В эту секунду Виктора озарило.

— Погодите, — сказал он, — что-то здесь не сходится. Если кто-то из группы Дятлова первым вышел из палатки, тогда она должна была быть открыта и причин разрезать ее изнутри, как написано в отчете, не было!

Юдин улыбнулся:

— Вы правы, в этом моменте нестыковка. Все, что произошло той ночью, не сходится друг с другом. Словно пытаешься собрать картинку из кусочков разных мозаик. Нет никакой логики, никакого здравого смысла. — Его улыбка расплылась зловеще и голос стал резче. — Теперь видите, во что вы ввязываетесь, молодой человек? Вы никогда не найдете начало этой истории: можно потратить годы, размышляя, рождая гипотезы и выстраивая версии, мучаясь бесконечными вопросами, не дающими покоя ни днем ни ночью... — Он опустил взгляд. — Но, конечно, вас это не коснется. Возвращайтесь в Екатеринбург, напишите свою статью и забудьте обо всем. Вот вам мой совет.

— А что Лев Иванов? Он еще жив? — продолжал Виктор, игнорируя последние слова Юдина.

Тот покачал головой.

— Он умер несколько лет назад.

— А члены поисковой группы? Большинство из них были студентами института — некоторых ведь можно найти?

— Полагаю, что да. Послушайте, если вы так настойчивы, вам надо поговорить с Вадимом

Константиновым.

— С кем?

— Вадим Константинов управляет фондом Дятлова в Екатеринбурге. На время трагедии ему было лет двенадцать. Но он хорошо запомнил это событие и с тех пор пытается докопаться до правды. Поэтому и создал фонд — в память погибших и оставшихся в живых. Много лет он пытается добиться доступа ко всем документам по делу, но без большого успеха. Уверен, что вам он поможет всем, что в его силах. Его адрес — улица Ясная, 18.

— А вы когда-нибудь ходили на Отортен или Холат-Сяхыл после... после той трагедии?

— Да, — ответил старик, — я побывал и там и там, как только территорию открыли летом 1962 года.

— И вы что-нибудь там нашли? — спросил Виктор, запоздало понимая, насколько глупым вышел вопрос.

Юдин чуть грустно улыбнулся, опуская глаза, и сказал:

— Я — нет. А вот Константинов нашел.

— Константинов?

— Он ходил туда с экспедицией два года назад.

— И что же он нашел?

Юдин медленно поднял глаза и встретился взглядом с Виктором, продолжая улыбаться:

— Металлическую решетку.

— И... что это означает?

— Возвращайтесь в Екатеринбург и поговорите с Вадимом, он вам все расскажет о своей находке.

— А почему вы не можете мне рассказать?

— Потому что я устал, понятно? — повысил голос Юдин, и Виктор вдруг только сейчас заметил в его глазах печать нелегкой ноши бесконечных вопросов без ответов, давившей его все прошедшие годы — как тяжелые пласты снега на вершине горы, где погибли

его друзья. — Я устал и хочу вздремнуть — я всегда отдыхаю в это время дня.

Виктор не нашелся что сказать и обескураженно закивал:

— Спасибо, что согласились на встречу.

— Пожалуйста.

Провожая его до двери, Юдин спросил:

— Вы знаете, что значит Холат-Сяхыл. А Отортен — знаете?

Виктор обернулся:

— Та гора, на которую они изначально планировали подняться? Нет, не знаю.

— Это тоже на языке манси. Буквально переводится: «не ходи туда».

Рассказывает доктор Басков

[2]

Вряд ли нужно говорить, что Стругацкий меня очень заинтересовал, во многом потому, что (как и показал самый первый медицинский осмотр при поступлении в больницу) он был абсолютно нормальным человеком во всех отношениях — за исключением разве что преждевременной седины в волосах. Температура, давление, ЭКГ, координация движений, зрение, слух, осязание — всё в норме. Отклонения были самыми незначительными, но этого и следовало ожидать, если учесть, какую физическую нагрузку этот человек недавно испытал. И он практически полностью восстановился после нее. Коэффициент умственного развития оказался выше среднего, и это тоже было неудивительно. Короче говоря, он ничем не выделялся из десятков тысяч людей его возраста и образа жизни.

Моя задача состояла в том, чтобы квалифицировать его психическое состояние, в то время пока шло расследование событий, предшествовавших его прибытию в Юрту Анямова 14 февраля. В отечественной судебной системе существует всего три категории психического состояния человека: психическая невменяемость, частичная невменяемость и нормальность. Признаются также четыре категории психического расстройства: хроническая психическая невменяемость, временная невменяемость, умственная отсталость и прочие психические расстройства.

Поэтому от меня требовалось классифицировать у Стругацкого один из вышеперечисленных диагнозов, после чего будет принято решение — возбуждать или нет против него судебное дело. Возможно, будет понятней, если я кратко охарактеризую каждое

расстройство. Хроническая психическая невменяемость включает в себя обострения шизофрении, эпилепсии и других болезней, которые проявляются периодически. К временной невменяемости относятся случаи сильного психоза и расстройства, вызванные инфекциями и другими состояниями, которые можно вылечить вплоть до полного выздоровления. Умственная отсталость подразумевает как приобретенную, так и врожденную неполноценность: слабоумие, олигофрению и другие когнитивные расстройства. И, наконец, под «прочими психическими расстройствами» понимают отклонения от нормального психического и физического поведения: патологические вспышки агрессии, зависимое поведение и тому подобное.

Хотя у меня уже складывалось определенное мнение о Стругацком (на том этапе я склонялся скорее к норме или ограниченной вменяемости, чем к безумию), меня заинтриговала его повышенная эмоциональность в отношении случая на перевале Дятлова. Если судить по его воспоминаниям, события затянули его в самые кратчайшие сроки, так что я начал подозревать в нем признаки маниакальной одержимости.

Вчера вечером я провел собственное небольшое исследование касательно событий 1959 года. Моя жена Наташа — учитель музыки, и особо одаренные ученики часто приходят к нам домой брать частные уроки. Пока она занималась за пианино, я нашел в Интернете кое-какой материал о трагедии.

Случай, конечно, был интригующий, и до этого я слышал о нем краем уха. Все факты указывали на то, что причиной гибели девяти туристов-лыжников стал сход снежной лавины — однако официальное расследование само отвергло такое объяснение. То же самое сказал и Стругацкий.

Также я нашел несколько черно-белых фотографий Игоря Дятлова и его группы — благодаря им мне удалось представить картину этой давней загадочной истории. Часть снимков была проявлена с пленки, которую обнаружили в покинутом туристами лагере, остальные были сделаны членами разведывательно-спасательной группы. Я рассмотрел их все по очереди.

На первой фотографии — четверо из погибшей группы: Людмила Дубинина, Рустем Слободин, Александр Золотарев и Зинаида Колмогорова — в теплых лыжных костюмах на фоне заснеженных деревьев. Все улыбаются. Мужественной внешности парни и красивые девушки — они выглядят здоровыми и сильными. Даже на снимке низкого качества можно разглядеть, что Зинаида Колмогорова настоящая красавица.

Следующий кадр снят у бревенчатого сруба: Юрий Юдин в обнимку с Людмилой — накануне своего вынужденного возвращения в Свердловск; на них смотрит Игорь Дятлов — на лыжах и с рюкзаком. И снова все улыбаются. От этих старых зернистых снимков веет теплом человеческих отношений; и тот факт, что изображенные на них люди даже не представляют, какая участь их ждет на ледяных склонах дальней горы, пронзает горечью.

На следующей фотографии трое человек из группы ставят палатку. Вокруг — снег и сосны. Видимо, очень холодно — все так закутаны, что лиц не разобрать из-за капюшонов.

Вот фото Игоря Дятлова, руководителя группы. Он широко улыбается, глаза прищурены от холода; усы и борода заметны только потому, что на них застыл иней. У него располагающее к себе лицо; я отметил про себя, что легко пошел бы за ним в неизведанные места — как и все остальные.

Попалась фотография Юрия Юдина. Он снят в профиль: наклонился — очевидно, что-то пишет; черная шапка сдвинута на затылок. У него крупный подбородок, большой рот и полные губы, в глазах искрится добродушие, хотя он заметно сосредоточен на том, что делает. Я улыбнулся.

От трех следующих фотографий улыбка пропала. Первый снимок был сделан участником спасательной группы 26 февраля 1959 года: на нем неизвестный мне человек смотрит на остатки лагеря. Палатка разодрана и наполовину занесена снегом. Местность вокруг уходит холмами в зернистую и плохо различимую даль. Сцена полного и странного запустения — такой резкий контраст предыдущим фотографиям с их улыбающимися лицами и теплой дружеской атмосферой. На втором снимке — зазубренная металлическая штука, похожая на тротуарную решетку. Подпись: «Кусок металла, найденный на перевале Дятлова. По мнению некоторых, может служить вещественным доказательством случившегося». Возможно, подумал я. Но доказательством чего конкретно?

Третий снимок оказался самым впечатляющим и тяжелым. На нем два тела, лежащие бок о бок на снегу лицом вниз, явно замерзшие насмерть. Руки протянуты вперед, как будто бы люди пытались дотянуться до чего-то, прежде чем окончательно сдаться холоду.

* * *

На следующий день я пришел в палату к Стругацкому в десять утра. Он уже встал, умылся и оделся, и все его поведение свидетельствовало, что он ждал меня почти с нетерпением.

— Доброе утро, доктор Басков, — поздоровался он, поднимаясь, когда я вошел.

— Доброе утро, Виктор, как вы сегодня?

— Готов к следующему разговору.

Я отметил его ясный взгляд и открытое выражение лица. Похоже, его переполнял энтузиазм — о чем я заявил вслух, усаживаясь за стол и включая диктофон.

— Я тут все думал про наши разговоры, — ответил он и тоже сел. — Так хорошо, когда есть с кем поделиться... — он замялся. — Ну, может быть, «хорошо» здесь не совсем уместное слово... Мне это помогает привести мысли в порядок.

— Рад слышать.

— Полагаю, вы кое-что почитали по поводу перевала Дятлова?

— Да, — удивился я.

Стругацкий улыбнулся:

— Нет, доктор, это не интуиция вовсе. Было бы удивительно, если бы вы сказали «нет». Собственно, ведь это настоящая тема наших бесед, и это единственное, что имеет значение.

В очередной раз меня поразило спокойствие в поведении Стругацкого. Вообще-то временами у него случались вспышки страха, граничившего с паранойей, но они либо гасли сами по себе, либо Стругацкий тут же брал их под контроль. Эмоциональное состояние у него было очень нестабильно. Нехороший знак.

— Единственное, что имеет значение? — переспросил я. — А как же смерть ваших товарищей?

— Эти вещи взаимосвязаны.

Интересное заявление.

— В каком смысле взаимосвязаны?

— Вы поймете, когда я вам все объясню.

Глава четвертая

Весь обратный путь в Екатеринбург Виктор думал о своем разговоре с Юдиным. Конечно, старик был прав: ни один факт не укладывался в общую смысловую картину. Была куча версий, каждая из которых скорее поднимала еще больше вопросов, чем объясняла случившееся. Юдин сравнил это с попытками собрать картинку из кусочков разных мозаик. Но возможно, это больше напоминало картину кубиста, нарисовавшего нечто сразу с нескольких углов зрения. Сосредоточишься на отдельном элементе — вроде бы появляется смысл, но стоит чуть отойти и охватить взглядом всю картину целиком — как она тут становится странной и запутанной, противоречивой и абсолютно алогичной.

Он достал диктофон и вернулся к началу записи. В купе, кроме него, был еще один пассажир — пожилой мужчина, читавший газету, поэтому Виктор надел наушники и нажал пуск.

В одном месте он остановил запись, вернулся назад и снова прослушал:

«Вы никогда не найдете начало этой истории: можно потратить годы, размышляя, рождая гипотезы и выстраивая версии, мучаясь бесконечными вопросами, не дающими покоя ни днем ни ночью...»

Юдин говорил о самом себе.

Когда Стругацкий прибыл в Екатеринбург, было уже слишком поздно, чтобы идти в фонд Дятлова, поэтому он отправился домой и на компьютере расшифровал

интервью, выделяя части текста, которые могли стать неплохими цитатами для статьи.

Потом нашел в Интернете информацию о Вадиме Константинове: на данный момент пенсионер, до этого работал на факультете общественных наук Уральского политехнического института, профессор антропологии. Опубликовал несколько монографий, в основном о коренных народностях Сибири; имел большой авторитет как специалист в этой области.

В семь часов позвонил Максимов и спросил, как дела с интервью. Виктор не без радости сообщил, что все прошло на ура и что завтра он встречается с Константиновым. Максимов вроде бы остался доволен ответом и заметил, что с нетерпением ждет готовую статью. Что-то в его тоне подсказывало Виктору, что, если статья редактору не понравится, ему придется заняться поисками новой работы.

* * *

На следующее утро он поехал по адресу, который дал ему Юдин, — на улицу Ясную. Лишь бы на этот раз ему не пришлось никого умолять, чтоб его впустили! Но он зря волновался: как только он нажал кнопку домофона, ему ответил бодрый глубокий голос Константинова.

Виктор представился и объяснил причину визита.

— Входите, — сказал Константинов, как будто давно ждал его и был рад его появлению. — Первый этаж, по коридору налево.

Когда Виктор нашел нужную квартиру, дверь уже была открыта, и Константинов стоял на пороге, протягивая ему руку. Он был высокого роста, хорошо сложен и выглядел сильным и энергичным, несмотря на возраст. Его седые волосы лежали густыми

непослушными прядями и резкие черты лица, словно высеченные временем, сохранили одухотворенность молодости.

Виктор пожал его руку и поблагодарил за то, что он сразу согласился на интервью.

— Да не за что, Виктор. Можно я буду вас так называть?

— Конечно.

— Юра звонил вчера — сказал, что вы должны прийти. У него осталось хорошее впечатление от вашей встречи.

— Да? — удивился Виктор, проходя за Константиновым в квартиру. — Никогда бы не подумал.

Константинов махнул рукой:

— Юра — он такой. Любит создавать ложное представление о себе. Это все, что осталось от его прежней шутливости. Да и потом, во всем ведь есть и плохое и хорошее. В этом вся человеческая природа. Пройдемте в кабинет.

Он провел Виктора в просторную комнату, отделанную под темное дерево, с уютным кожаным диванчиком, креслами и кофейным столиком орехового цвета, наполированным до блеска. По трем стенам рядами тянулись книжные полки, у четвертой, в два высоких окна, стоял дубовый письменный стол под старину. Он был весь завален бумагами и книгами. Окна выходили на заиндевевший газон.

— Добро пожаловать в фонд имени Дятлова, — сказал Константинов, подходя к креслу.

Виктор меньше всего ожидал увидеть нечто подобное. Почему-то при слове «фонд» он представлял себе офис с секретаршами и служащими, деловито снующими в гуле телефонных разговоров с чиновниками и иностранными корреспондентами. В реальности фонд Дятлова оказался единственным человеком, который пытался сохранить

память о девяти молодых людях, не заслуживших своей ужасной смерти. Получается, что и инициатива, и все труды принадлежат одному Константинову, из-за чего Виктор проникся еще большей симпатией к нему.

Словно прочитав его мысли, пожилой мужчина широко улыбнулся:

— Не впечатляет, да?

— Да... я бы не сказал, — Виктор сконфузился и пожал плечами.

Константинов, усмехнувшись, скрылся в кухне и вернулся через несколько минут с большим подносом.

— Кофе! — объявил он, разливая его в две чашки.

Кофе оказался крепким, ароматным и невероятно вкусным.

— Это «Jamaican Blue Mountain» — отметил он, — друг мне привозит из-за границы.

— Можно его номер телефона?

Константинов сделал смешную гримасу:

— Ни за что.

Виктор показал на диктофон, который он уже успел положить на столик:

— Вы не против?

— Нет-нет. Давайте перейдем к делу. Вы хотите поговорить о случае на перевале Дятлова?

— Верно.

— Вы из «Газеты»?

Виктор утвердительно кивнул.

— Я знаю Сергея Максимова. Он идиот.

Виктор фыркнул, едва не расплескав кофе:

— Вот уж с чем не стану спорить. У вас с ним что-то произошло?

— В течение нескольких лет я посылал в редакцию статьи о случившемся на перевале, и он всегда их отметал. Ему это было неинтересно — до сегодняшнего момента. Потому что нынче пятидесятилетняя годовщина, ведь так?

Виктор кивнул:

— Но он не упоминал вашего имени. Только Юдина называл, а вас — нет.

— Возможно, хотел, чтобы вы отработали свои деньги и пришли сюда по собственной инициативе. Не знаю. Как я и сказал: он идиот.

Виктор окинул взглядом комнату:

— Должно быть, тоскливо работать в одиночестве. Можно дойти до отчаяния.

— С отчаянием вы правы, а вот насчет одиночества — заблуждаетесь, — ответил Константинов. — Их души составляют мне компанию. — Он сконфуженно усмехнулся. — Не буквально, конечно. Но здесь память о них — и о том, что с ними произошло.

— А что же с ними произошло, по-вашему?

Константинов откинулся на спинку кресла:

— И в самом деле — что? Если вы ищете простого ответа, вынужден вас разочаровать — его нет.

— От Юрия Ефимовича я то же самое услышал. Он полагает, что здесь замешано что-то, что выше человеческого понимания.

— А вы сами что думаете?

Виктор покачал головой:

— Даже вообразить ничего не могу. Все версии рассыпаются, как только начинаешь их анализировать.

Константинов согласился:

— Как кубик Рубика. Ты думаешь, что вот — уже почти собрал его, а потом поворачиваешь и видишь, что на одной стороне все цвета вперемешку. И понимаешь, что ничего у тебя не вышло.

— Но, может, вы приблизились к разгадке?

Константинов вздохнул и уставился в содержимое чашки:

— Трудно решить головоломку, когда отсутствуют некоторые части.

— Вы имеете в виду официальные материалы следствия, которые до сих пор засекречены?

— Да. Часть материалов обнародовали в начале девяностых, но что-то осталось. И однажды я заставляю их сказать всю правду.

— Звучит убедительно.

— Так и есть.

Виктор поставил чашку и подался вперед:

— Юдин упомянул, что пару лет назад вы возглавляли экспедицию на Холат-Сяхыл. Он сказал, вы что-то нашли там... что-то вроде металлической решетки. Можете рассказать об этом? Вы что-то оттуда привезли?

Константинов поднялся и подошел к большому стеллажу с папками, стоявшему между двумя книжными полками:

— Я вам непременно расскажу еще об этом. И обязательно покажу кое-что из того, что привез. Но сначала... — Он вытащил стопку бумаг из стеллажа. — Сначала вам, возможно, интереснее посмотреть вот это. Это временной график: события перед трагедией, во время и после нее и еще несколько подробностей, которые будут вам полезны. Они вам помогут восстановить картину произошедшего и, конечно же, пригодятся для вашей статьи. Можете оставить это себе. У меня есть еще несколько копий.

Он отдал бумаги Виктору и перешел к массивному деревянному шкафу в дальнем углу комнаты. Пока он там рылся на полках, Виктор разложил бумаги на журнальном столике. Но он не успел углубиться в чтение, потому что Константинов сам начал рассказывать о событиях — без всякой запинки: видно было, что хронологию он знает как свои пять пальцев. Поэтому Стругацкий отложил бумаги в сторону, налил себе еще кофе и стал слушать.

— Двадцать пятого января 1959 года Игорь Дятлов с товарищами прибыли в Ивдель и переночевали там. На следующий день они добрались до Вижая на попутной грузовой машине. Следующим утром они вышли в поход на гору Отортен. Это был маршрут третьей категории сложности — самый трудный и опасный для этого времени года, но все ребята были опытными туристами, не сомневающимися, что осият его без серьезных происшествий. Предполагалось, что поход займет три недели. Двадцать восьмого января заболел Юрий Юдин. Стало очевидно, что ему нужно вернуться в Свердловск. На этом факты, о которых можно утверждать со стопроцентной уверенностью, заканчиваются. Все остальное — информация из дневников и фотографий, обнаруженных в палатке, и по этим остаткам мы должны как можно точнее восстановить ход событий. Следующие три дня группа передвигалась на лыжах, придерживаясь троп манси, по которым те перегоняют стада, и так до реки Ауспии, протекающей на границе с горными массивами. Там они сложили лабаз из веток, в котором оставили провиант и снаряжение на обратный путь. Первого февраля они начали восхождение на Отортен, но погода испортилась, из-за метели они заблудились. Позже в тот же день они обнаружили, что находятся на соседней горе Холат-Сяхыл. Вы знаете значения этих названий, Виктор?

— Да. Холат-Сяхыл означает «гора мертвецов», а Отортен — «не ходи туда».

Константинов одобрительно кивнул. Он наконец нашел то, что так долго искал — большую деревянную коробку размером с дипломат. Ее он принес и положил на журнальный столик. Но открывать не стал, а сел и продолжил рассказ.

— Метель была очень сильной — из-за нее они сбились с маршрута, оказавшись аж на соседней горе. Видимо, они решили разбить здесь лагерь на ночь, а

путь на Отортен продолжить с утра. Палатку они установили на высоте тысячи ста метров над уровнем моря. Было ужасно, чертовски холодно — мороз под тридцать градусов. При этом видимость наверняка была плохой, иначе бы они не разбили лагерь в таком незащищенном месте.

— А ведь совсем рядом был сосновый лес, — сказал Виктор, вспоминая прочитанную статью.

— Вот именно. Лес находился меньше чем в полутора километрах вниз по склону. Но они его не заметили.

— А может, заметили, но не захотели идти туда?

Константинов пристально посмотрел на него:

— Почему вы так считаете?

— Не знаю, — ответил Виктор, — просто вдруг подумалось. Извините, что ляпнул ни с того ни с сего.

— Не стоит извиняться. Любопытно, почему мне самому это в голову не приходило. Полагаю, иногда нужен чей-то свежий взгляд.

— Да это скорее пустое размышление.

— Но его стоит приобщить к прочим.

Константинов замолчал, задумавшись. Виктор попросил его продолжать.

— Установив палатку, — продолжил он, — группа устраивается на ночлег. И вот тут... что-то происходит. Дятлов с друзьями разрезают палатку и бегут в холод и темноту вниз по склону, подальше от вершины Холат-Сяхыл. Совершенно очевидно, что они были напуганы — до такого ужаса напуганы, что даже не стали развязывать вход в палатку. Что бы это ни было, они точно знали, что должны бежать оттуда как можно дальше и как можно быстрее.

— Об этом говорит тот факт, что они были полуодеты.

— Верно. Следы, обнаруженные спасательной группой, указывают на то, что сначала все ринулись в

разные стороны, но через триста метров вниз по склону снова собрались вместе. Думаю, они сошлись под большой сосной.

— Где обнаружили Кривонищенко и Дорошенко?

— Да. Хотя утверждать точно мы не можем.

— Почему?

— Потому что следы спускались по склону на пятьсот метров от палатки.

— Не понимаю, как это может быть.

— И я не понимаю, Виктор, — ответил Константинов, печально улыбнувшись. — Как бы то ни было, под сосной они развели огонь и оставались там некоторое время. Потом кто-то, скорее всего Дятлов, решил, что надо что-то делать, потому что даже у костра в такой мороз долго не просидишь. Один из них залез на дерево, метров на пять, возможно, для того, чтобы по лагерю определить свое местонахождение или же посмотреть, что там происходит. Трое — Дятлов, Зинаида Колмогорова и Рустем Слободин — предприняли попытку добраться до палатки. Им это не удалось — все трое умерли от переохлаждения. Дятлов стал первой жертвой — его тело нашли в трехстах метрах от сосны. Он лежал на спине, лицом к лагерю. В ста восьмидесяти метрах от палатки нашли тело Слободина. В его черепе обнаружили небольшую трещину. И наконец, в ста пятидесяти метрах от него умерла Зина. По всей видимости, они оба ползли к лагерю, когда их настигла холодная смерть. Остальные ждали. За это время умерли Георгий Кривонищенко и Юрий Дорошенко. А может, наоборот: они умерли первыми, и тогда Дятлов решил, что им просто необходимо добраться до палатки. Неизвестно. Этот вопрос остается открытым.

— Как, впрочем, и все остальные, — добавил Виктор. Согласившись, Константинов продолжал:

— Скорее всего, это происходило уже после полуночи, именно тогда и состоялось первое переодевание: Людмила Дубинина обернула ноги лоскутами шерстяных штанов Кривонищенко. Четверо оставшихся в живых — Людмила Дубинина, Александр Золотарев, Николай Тибо-Бриньоль и Александр Колеватов отказались от попыток достичь лагеря. Я столько думал: почему они приняли такое решение? Не могли здраво рассуждать из-за страха и холода? Полагали, что у них больше шансов спастись под покровом леса, чем карабкаться вверх по склону до лагеря? Или же вокруг палатки до сих пор происходило что-то, что не давало им вернуться? Именно в этот момент они получили повреждения, которые ускорили их гибель: перелом ребер у Дубининой и Золотарева, серьезная травма черепа у Тибо-Бриньоля. Они углублялись дальше в лес, очевидно волоча Тибо-Бриньоля, который к тому моменту был либо мертв, либо без сознания. Им удалось укрыться в ущелье, где от повреждений грудной клетки и переохлаждения умерла Дубинина. После чего Золотарев, видимо, надел на себя ее куртку и шапку в бессмысленной попытке согреться. Тибо-Бриньоль уже несомненно был мертв к тому времени — вообще, скорее всего, его смерть была мгновенной — от перелома черепа. И наконец, в одиночестве от переохлаждения умирает объятый ужасом и не имевший ни одной травмы Колеватов. В какой-то момент между их гибелью и завершением поисковой операции, которая спустя три месяца обнаружила тела, кто-то наткнулся на них и вырвал язык у Людмилы вместе со всей слизистой ротовой полости.

Виктор почувствовал мурашки на спине.

— И кто же мог это сделать? — спросил он тихо. — Животное?

— Рана, которую нанесли Людмиле уже после ее смерти, неясного происхождения, — ответил Константинов. — Можно представить, что животное съело язык... Даже всю слизистую — тоже возможно. Но согласитесь, что при этом должно было серьезно пострадать лицо. — Он перевел дыхание и продолжил: — Есть еще кое-что, чему так же сложно найти объяснение.

— И что же это?

— Спасательная группа нашла четверо наручных часов, двое из них были на руке Николая Тибо-Бриньоля. Все часы показывали разное время.

— Разное время?

Константинов кивнул:

— Часы на Николае показывали 8:14 и 8:39. Двое других — 8:45 и 5:31.

Повисло молчание. От рассказа Константинова, казалось, даже воздух в комнате наполнился атмосферой непонятного ужаса и диких обстоятельств случившегося с группой Дятлова.

Виктор заговорил первым:

— Как я понял из того, что читал и что рассказал мне Юдин, официальное расследование не пришло к окончательному выводу по делу; и в качестве причины гибели туристов уже готовы были рассмотреть вмешательство неизвестного феномена. К этому якобы склонялся главный следователь по делу Лев Иванов, это правда?

— Вы сейчас говорите про светящиеся шары?

Виктор кивнул.

— Есть несколько предположений касательно них. Мы точно знаем, что в ночь гибели группы Дятлова в пятидесяти километрах южнее Холат-Сяхыл находился лагерь группы студентов-географов, которые видели несколько ярко-оранжевых шаров, летевших как раз над горой.

Порывшись в пачке листов, Константинов нашел нужный и зачитал вслух:

— Один студент записал, что они видели «светящийся круглый объект, летевший с юго-запада на северо-восток. Диск был размером примерно с видимую полную луну и светился голубовато-белым светом, окруженный голубым ореолом. Ореол ярко вспыхивал, подобно вспышкам молнии. Когда объект скрылся за горизонтом, небо в том месте еще несколько минут светилось». — Константинов отложил бумаги. — Это дословная запись одного из студентов. И что это значит — не представляю.

— Юдин сказал, что в той местности часто видели оранжевые шары. Последний раз совсем недавно.

— Верно, — ответил Константинов, — и не только в России, но и по всему земному шару. Что-то из рода НЛО, как их называют информационные источники. Иванов полагал, что в ту ночь, первого февраля, кто-то один из группы Дятлова вышел из палатки (предположительно в туалет), увидел эти шары и разбудил остальных. Они в панике спешно покинули лагерь, но, пока бежали вниз по склону, один из шаров взорвался, нанеся увечья.

— Да, Юдин упоминал это, но...

— Но если все произошло именно так, — перебил его Константинов, — то зачем было разрезать палатку, чтобы выйти из нее? Ведь она уже была открыта — разве не так?

— Так.

— Собственно поэтому я и не разделяю ивановскую интерпретацию событий. Да, я допускаю, что люди могли видеть светящиеся сферы в ту ночь, но не думаю, что это стало причиной их гибели.

Взгляд Виктора упал на коробку, которую Константинов положил на столик в начале их разговора. Он так увлекся рассказом, что совсем забыл

о ней. Константинов улыбнулся, заметив его любопытство, открыл коробку и аккуратно начал выкладывать ее содержимое на полированную столешницу.

— Летом 2007 года, — начал он объяснять, — я повел небольшую группу исследователей в места трагедии — и там мы нашли ту самую штуку, которую Юрий так поэтично называет «металлической решеткой». Здесь лишь маленькие образцы.

Виктор по очереди осмотрел вещи. В основном это были куски металла, мятые и бесформенные, похожие на части какой-то сломанной машины или прибора. Один предмет привлек его особое внимание. Лоскут ткани — плотный, темно-зеленого цвета. Виктор спросил, показывая на него:

— Что это?

Константинов, внимательно следивший за ним, ответил:

— Это кусок военной формы.

Глава пятая

— Значит, военные там были, — сказал Виктор.

— Так или иначе — да, это вряд ли подлежит сомнению, — ответил Константинов.

— Такая ведь версия тоже была? Что военные убили группу Дятлова, которая случайно оказалась в зоне испытания оружия?

— Была такая версия, хотя я лично ее не поддерживаю.

— Потому что военным незачем было использовать ту местность для испытаний?

— Верно, — согласился Константинов. — Если бы они тестировали некое суперсекретное оружие, то выбрали бы для этого более подходящий полигон.

— Вроде Байконура или Семипалатинска.

— Конечно. Какой бы безлюдной ни представлялась территория, они бы не стали рисковать секретностью. Не забывайте, что спортивный туризм в то время был безумно популярен — тысячи людей круглый год ходили экспедициями. И в ту ночь в пятидесяти километрах от Холат-Сяхыл была еще одна группа. Нет, я не верю в то, что там могли проходить испытания. Нет смысла.

— И тем не менее... — возразил Виктор, показывая на куски металла на столе.

— Приглядитесь лучше, — подсказал Константинов, — вы не замечаете ничего особенного в этом материале? Как бы вы его описали?

Виктор пожал плечами:

— Выглядит как обломки.

— Точно.

— Может, это останки ядерной ракеты, запущенной с того же Байконура? А может, сбившийся с курса

снаряд?

Виктор подумал об оранжевых шарах, которые видели той ночью туристы. А ведь и впрямь падающую ракету легко можно было принять за странный, неведомый объект.

— Звучит логично, — ответил Константинов, — но вы на ложном пути. Ракета, запущенная с Байконура, могла бы долететь до Северного Урала, но нет никаких отчетов о том, что именно в это время производился запуск ракет.

— Откуда вы знаете?

— Я говорил с компетентными официальными лицами — из Ракетно-космической корпорации имени Королева, например. Ничего на Байконуре в ночь гибели группы Дятлова не запускали.

— Как насчет Плесецка? Это же был главный ракетный полигон в Советском Союзе.

— Да, но Плесецк в то время еще строили. Только с конца 1959 года эта площадка начала функционировать.

Виктор посмотрел на Константинова долгим испытующим взглядом, но в ответ получил лишь легкую улыбку.

— У меня такое ощущение, будто вы чего-то не договариваете, — произнес Виктор, тоже улыбаясь. — Возможно, вы хотите, чтоб я сообразил сам, но я слишком глуп для таких вещей.

Константинов рассмеялся:

— Вовсе нет! Вы уже почти у цели, но хорошо, я дам вам еще пару подсказок. Во-первых, не знаю, говорил ли об этом Юра, но после трагедии следствие попросило его опознать найденные в палатке вещи — все до одной. Так вот, среди них оказались очки, пара лыж и еще обломок одной лыжи, которые он не смог узнать. Во-вторых, я видел документы, из которых следует, что уголовное расследование по факту гибели

людей на перевале Дятлова было открыто шестого февраля, то есть *за две недели до* того, как поисковая группа нашла лагерь ребят.

— Что? Вы шутите!

Константинов покачал головой:

— Власти уже знали, что эти люди мертвы. Каким бы образом это ни произошло — им уже было известно о случившемся с группой Дятлова. Но они все-таки начали расследование — возможно, надеялись, что оно выявит какую-то полезную информацию, а возможно, оно было всего лишь простой формальностью, которую необходимо было соблюсти. Которое из предположений верно, не знаю, но подозреваю, что в конечном итоге это не так и важно.

Виктора осенило.

— Думаю, что понимаю, о чем вы говорите, — сказал он.

— И о чем же?

— Вы думаете, что военные не виноваты в случившемся. — Он взял в руки рваный истершийся кусок ткани, предположительно с солдатской формы. — Вы думаете, что военные сами, как и группа Дятлова, стали жертвами.

— Вот именно! — торжествующе подтвердил Константинов. — Военные не испытывали там никакого сверхсекретного оружия — они что-то искали... именно в этом районе Северного Урала...

— А нашли гораздо больше проблем.

— Именно так я и думаю. Власти начали расследование случившегося, потому что знали, что обязаны это сделать, а когда Иванову не удалось найти ничего — а они и это тоже знали заранее, — ему приказали закрыть дело и засекретить его материалы, как и предполагалось изначально. После чего местность в районе трагедии на три года закрыли для гражданского населения. Многие полагают, что

доказательства вины военных в смерти людей хранятся где-нибудь в правительственных тайниках, но я в это не верю. Я считаю, что советское правительство *знало*, что в этом месте *что-то* происходит, поэтому и выделило военный отряд на разведку. Но отряд стал жертвой объекта расследования... — Константинов показал на обломки на столе, — и был уничтожен им.

— А те предметы, найденные в лагере, которые Юдин не смог опознать?

— Думаю, что как минимум двое военных наткнулись на лагерь примерно в то же время, когда произошла трагедия — невозможно, правда, сказать, до или после нее. Возможно также (эту версию я еще прорабатываю), именно военные предупредили ребят Дятлова, что что-то происходит и что им нужно немедленно покинуть это место. Даже разрез в палатке можно объяснить так, что он был сделан не туристами изнутри, а военными снаружи, чтобы попасть внутрь и как можно быстрее предупредить об опасности.

— Но в таком случае, — перебил Виктор, — почему в лагере не нашли других следов? Разве это не один из ключевых моментов загадки? Ведь факт, что нет никаких доказательств присутствия там посторонних. Именно по этой причине следствие отказалось от версии, что туристов убили манси.

— Да, это так. Но вполне возможно, что сразу после трагедии на место прибыл другой отряд, чтобы замести все следы пребывания тех, кто был до них. Они уничтожили следы на снегу, но забыли про лыжи и очки.

— Ну, вообще, такой вариант вероятен... — заметил Виктор, хотя все это казалось ему маловероятным.

Он в очередной раз почувствовал, как упирается в неразрешимость странного случая на перевале

Дятлова — и снова нет объяснения, и снова нет версии, которая бы собрала все факты воедино.

Константинов прочел растерянность на его лице и заговорил, словно бы даже слегка извиняясь:

— Я понимаю ваши сомнения, — сказал он, — но смотрите: один человек из поисковой группы — студентка-медик — упоминала, что на Холат-Сяхыл они нашли одиннадцать тел, а не девять. По ее же словам, два тела, найденные в овраге, забрали военные и увезли неизвестно куда. К сожалению, — вздохнул он, — мне не удалось найти этого свидетеля и выяснить хоть что-то о личности этих двух жертв.

— Я об этом не знал.

— По делу группы Дятлова столько разных отчетов существует! И все они так отличаются по своим деталям! В каких-то упоминается об этих двух телах, в каких-то нет. В любом случае, если бы правительство рассекретило материалы, которые до сих пор остаются закрытыми, это бы здорово помогло нам.

— А ваши ходатайства не удовлетворили?

— Ни одно.

— Возможно, в тех документах как раз и содержится ответ — поэтому их и держат в секрете.

Константинов вздохнул:

— А возможно, потому, что они подтверждают неведение и беспомощность властей перед лицом происшествия на Отортене и Холат-Сяхыл.

— С другой стороны, даже если в них нет ответов, они могут подсказать правильные вопросы — чтобы знать, в каком направлении искать.

— Да, могут, — согласился Константинов.

Интервью подходило к своему логическому концу, но оставалось еще кое-что, о чем Виктор хотел спросить:

— А как бы вы объяснили странный цвет лица у погибших?

Константинов молчал, и Виктор уже подумал, что, сам того не желая, обидел его своим вопросом. Константинов тем временем взял в руки кофейник и, убедившись, что тот пуст, начал вставать со стула, но вдруг передумал и снова сел.

— Цвет лица у погибших... я много об этом думал... — произнес он.

— На первый взгляд это кажется одной из наиболее странных деталей истории. Но действительно ли это улика? Может быть, это всего лишь результат долгого пребывания на солнце? Сам я не лыжник, но у меня есть друзья, которые ходят на лыжах, и они всегда возвращаются из походов с загорелыми лицами — действие ультрафиолета усиливается отражающим эффектом снега... — Виктор вдруг запнулся, не договорив, и лишь пожал плечами.

— Конечно, вы все правильно говорите, но здесь другой случай. Я тогда был маленьким, но с Игорем Дятловым мы были очень хорошими друзьями, он был мне как старший брат, и я его любил как брата. Так вот, когда это случилось и их тела наконец-таки привезли домой, родители разрешили мне пойти на похороны. Я видел его в гробу — и видел этот цвет лица. Виктор, это было совсем не похоже на простой загар. Я так говорю, потому что мне впоследствии доводилось видеть тела людей, умерших от облучения и пролежавших под зимним солнцем несколько часов или дней. Ничего похожего на цвет кожи Игоря. И ваша теория не объясняет, почему у него были седые волосы... Представьте себе седого двадцатитрехлетнего парня...

— А остальные, — спросил Виктор, — тоже были седыми?

— Да, все без исключения, — ответил Константинов, рассматривая пустой кофейник, и вдруг поднял на Виктора тревожный взгляд. — Знаете, бывает, что какое-то впечатление детства определяет весь

жизненный путь человека. Книга, которую прочел, картина, которую увидел, событие, свидетелем которого стал... Определяющий момент, в котором все жизненные возможности складываются в единое намерение — или судьбу, как вам будет угодно. Со мной это произошло в тот день, когда я смотрел на мертвого друга в гробу и видел, что с ним сделали. Все, о чем я в тот момент мог думать, был простой вопрос: что с тобой случилось? Что случилось? — Он улыбнулся. — Вопрос лишь казался простым — он преследует меня всю жизнь, Виктор. Я вам признаюсь: мне иногда снится Игорь и с товарищами; они приходят ко мне призраками и спрашивают: «Что с нами случилось?» И я годы, десятки лет пытаюсь это выяснить. И не знаю, смогу ли сделать это когда-нибудь.

Виктор опустил глаза — было трудно выдержать взгляд собеседника, полный тревожного отчаяния.

— Я думаю... — начал он, запинаясь, — я... думаю, все зависит от того, что скрывают эти секретные документы, и от того, сможете ли вы вообще добиться их рассекречивания.

— Да, по всей вероятности, так.

— Сложно представить, отчего их волосы могли поседеть. Знаете, часто приходится слышать разные истории, где от страха люди седеют, но ведь это миф. Поседеть моментально от пережитого невозможно.

— Верно, — согласился Константинов. — Значит, изменение цвета волос, как и пигментацию кожи, следует считать результатом внешнего физического воздействия. Возможно, это была радиация в какой-то форме.

— Но Юдин сказал, что радиация здесь ни при чем. Он считает, что ее повышенные дозы на телах погибших объясняются попаданием радиоактивного тория с калильных сеток фонарей.

— Он прав, но я не об этом сейчас говорю. Я имею в виду совершенно неизвестный нам вид радиации.

— Который невозможно обнаружить с помощью обычных приборов?

Константинов сухо усмехнулся:

— Конечно — если это до сих пор не открытое излучение. Кроме того, есть доказательства, что правительственное расследование шло в этом же направлении.

— Как это?

— Погибшие были похоронены без внутренних органов — их изъяли и отправили на экспертизу. Результаты этой экспертизы, подозреваю, тоже засекречены. — Константинов поднялся с кофейником в руках. — Виктор, давайте, я сварю еще по чашечке этого чудесного кофе. А потом подведем итоги: что нам уже известно, а что нет.

* * *

Через несколько минут Константинов вернулся и разлил кофе по чашкам.

— Давайте, начнем с официального заключения по делу, — сказал он.

Виктор вспомнил формулировку, которую услышал от Максимова:

— «Причиной гибели группы Дятлова явилась стихийная сила непреодолимого характера».

— Да. Странная фраза, правда? Ничего, по сути, не означает и никогда не уточнялась. Имеется ли в виду физический феномен типа взрыва или иной ударной волны — или же предполагается психическое отклонение одного или нескольких человек из группы? На первый взгляд, эту формулировку можно вообще игнорировать из-за ее размытости, но мы к ней еще

вернемся. Самая правдоподобная версия — конечно же лавина (или страх перед лавиной).

— Страх перед лавиной?

— Некоторые исследователи дают очень интересную трактовку событий. Давайте представим себе. Группа располагается на ночлег, погода плохая, поднимается ветер, и туристы начинают сомневаться, не сделали ли они серьезную ошибку, поставив палатку на открытом склоне Холат-Сяхыл. Затем они слышат отдаленный гул. Звук такой, как будто надвигаются тонны снега. Они думают, что находятся как раз на пути лавины, гул все нарастает, и у людей начинается паника. Времени нет даже на то, чтобы открыть палатку обычным способом, поэтому они режут ткань и бегут вниз по склону. Достигнув кромки леса, изможденные и сбитые с толку, они понимают, что никакой лавины нет, а звук, который они слышали, издавал низко летевший реактивный «МиГ» или какой-нибудь другой самолет, проводивший ночные учения. В пятидесяти километрах от этого места еще одна группа туристов видит искрящийся газ, вырывающийся из форсажных камер самолета, и принимает его за оранжевые светящиеся шары, о которых позже и сообщает. Дятлов с друзьями думают, что лагерь разрушен и их жизнь теперь в серьезной опасности, так как при тридцатиградусном морозе они долго не протянут. Слободин забирается на дерево, чтобы посмотреть, что с лагерем, но срывается и падает — отсюда и трещина в черепе. Дятлов решает вернуться в лагерь (или к тому, что от него уцелело), чтобы забрать вещи; остальные в это время должны найти дрова и развести костер. С собой он берет Колмогорову и Слободина, но они замерзают насмерть, так и не дойдя до цели. Пока те, кто остались под сосной, ждут их возвращения, от переохлаждения умирают Кривонищенко и Дорошенко. Тогда четверо оставшихся

в живых решают, что ждать больше нельзя. Предполагая, что Дятлов, Колмогорова и Слободин тоже погибли, они идут дальше в лес в поисках укрытия. Но снежный пласт под ногами внезапно проседает и обрывается, и они падают в овраг — отсюда их повреждения. Тибо-Бриньоль получает сильную травму головы и умирает на месте, Дубинина перекусывает собственный язык во время падения и вскоре тоже умирает. Последние двое, Колеватов и Золотарев, беспомощно лежат на дне оврага, пока не наступает смерть.

— Такая трактовка прекрасно объясняет стремление властей скрыть факты, если там происходило испытание новых реактивных самолетов, — заметил Виктор, — но как быть со всем остальным? Непонятно, почему группа Дятлова не поняла, что лавины не было, а ужасный гул шел от сверхскоростного самолета. Неужели они бежали вниз по склону к лесу и не удивлялись, что снег их не настигает? А студенты-географы? Пятьдесят километров — не такое уж большое расстояние для реактивного самолета, чтобы не понять, что это за оранжевое свечение и не узнать гул двигателя!

— Я тоже так думаю, — ответил Константинов. — Версия интересная, но несостоятельная при детальном рассмотрении. Как и предположение, что группу убили манси. Они не жестокие люди. Если бы манси наткнулись на лагерь (что маловероятно, так как зимой они не бывают в тех местах и уж точно близко бы не подошли к Холат-Сяхыл), они, скорее всего, проверили бы, все ли в порядке с туристами, но уж никак не стали бы забивать их до смерти! Хотя они не любят ни Отортен, ни Холат-Сяхыл, оказаться на их территории не преступление.

— Но ведь их могли убить не манси, а кто-то другой?

— И такая версия рассматривалась. В то время еще действовала система ГУЛАГа, хотя после хрущевских амнистий политзаключенных количество зеков сократилось в разы. Ближайший исправительный лагерь находился в Вижае, откуда группа двинулась на Отортен. Выдвигалась гипотеза, что несколько сбежавших заключенных наткнулись на группу туристов и убили их. Но, должен признаться, такое маловероятно.

— Почему?

— Стали бы вы бежать из тюрьмы в безлюдную дикую местность в жуткий мороз, не имея ни еды, ни элементарных вещей для выживания?

— Не знаю, — пожал плечами Виктор, — в крайнем отчаянии побежал бы. Возможно, я бы решил, что это лучше, чем ГУЛАГ.

Константинов улыбнулся:

— А потом, расправившись с группой (в которой, между прочим, было семеро сильных, здоровых мужчин), вы бы, по всей вероятности, воспользовались их снаряжением и запасами?

— Хм, но из палатки ничего не украли...

— Ничего, — подтвердил Константинов, — ни еду, ни лыжи, ни даже деньги и бутылку водки, которая была у них в запасе.

— И это значит, у нас остаются только две версии: испытание секретного оружия или нечто — абсолютно неизвестной, паранормальной природы.

— Правильно, — согласился Константанов. — Давайте рассмотрим их по отдельности. Первый сценарий — испытание оружия. Те, кто прорабатывал эту версию, пытались выяснить, что это было за оружие, и остановились на прототипе авиабомбы, возможно химического характера, что объясняет странный цвет лица и волос жертв. После первого взрыва группа спешно покидает лагерь и укрывается под сосной.

Дятлов, Колмогорова и Слободин решают вернуться, но по пути замерзают насмерть. Кривонищенко и Дорошенко тоже умирают от холода, остальные продолжают ждать под деревом. Тут прямо над их головами происходит второй взрыв, причинивший им серьезные повреждения. Раненые бегут в лес и проваливаются в овраг, который становится их могилой.

— Авиабомба... — повторил Виктор, — звучит правдоподобно, но есть ли такие?

— Абсолютно точно, такое оружие сейчас существует, американские МОАВ например.

— Что за МОАВ?

— Неядерная этиленовая бомба. Взрывается в воздухе и гораздо мощнее обычной бомбы. Эффект почти такой же, как от небольшой атомной бомбы, но отсутствует радиация. Любопытный факт: смесь этиленового топлива и воздуха создает сверхскоростную взрывную волну, оставляющую после себя вакуум, который вызывает контузию мозга, внутренние кровотечения, смещение и разрывы внутренних органов.

Виктор улыбнулся:

— Господи, ну вот опять! Правдоподобная версия, в которую не вписываются факты. Прототип такой бомбы мог вызвать травмы, обнаруженные у Дубининой и остальных; но, если эффект похож на взрыв атомной бомбы, почему же местность не пострадала? Ведь бомба выкосила бы весь сосновый лес вокруг!

— Разумеется. Впрочем, мы уже обсуждали саму маловероятность проведения испытаний в неконтролируемой зоне, так что, думаю, эту версию можем смело отвергнуть.

— Тогда что у нас остается? Только версия о паранормальных, сверхъестественных силах?

Константинов уловил сарказм в голосе Виктора и ответил:

— Согласен, это самая сомнительная гипотеза.

— Сомнительная — потому что позволяет напридумывать бог знает что, чтобы все известные факты сошлись.

— Именно это и делают. Некоторые считают, что на туристов напали пришельцы. И хотя периодически появляются сообщения, что то тут, то там — особенно часто упоминают Южную Америку — произошла встреча с враждебно настроенным НЛО, я не могу воспринять такую гипотезу всерьез. Конечно, возможно — и даже вполне реально, — что во Вселенной существуют другие цивилизации и что среди них есть такие, которые обладают достаточно развитыми технологиями, чтобы осуществлять межгалактические путешествия. Ну и к чему, боже ты мой, этим существам совершать бессмысленное убийство маленькой группы лыжников в затерянных горах?

— Согласен. Несмотря на оранжевые шары, эта версия бессмысленна. А какие еще выдвигались паранормальные гипотезы?

— Кое-кто заострил внимание на том, что манси очень боятся мест Отортен и Холат-Сяхыл, и предположил, что эти страхи должны иметь под собой серьезное обоснование: возможно, там есть что-то, злой дух или какие-то силы, которые Игорь с группой нечаянно растревожили, разбудили своим присутствием. — Константинов заметил выражение на лице Виктора и улыбнулся: — Мутновато, да?

— Да уж. Так к чему мы в итоге приходим? К чему пришли *вы*?

— К тому, что мы имеем кучу неразрешенных вопросов, — ответил Константинов, и впервые за все время беседы Виктор услышал горечь в его голосе. — Почему советские власти в течение тридцати лет держали дело под грифом сверхсекретности? Почему часть документов до сих пор не рассекречена? Почему в

течение трех лет после трагедии ее место было запретной зоной? Почему следы обрываются через пятьсот метров от палатки? Что за оранжевые шары летали над Холат-Сяхыл в ту ночь? Почему четверо часов показывают разное время? Все это остается загадкой вот уже пятьдесят лет. И пока министерство обороны, Федеральное космическое агентство и ФСБ не решат обнародовать оставшиеся материалы, мы не сможем продвинуться дальше.

— И все, что у нас остается, — это официальное заключение, что группу Дятлова убила неизвестная сила непреодолимого характера.

— Да. Формулировка, которая отменяет все разумные версии произошедшего. Но что она значит? Является ли она намеренным желанием скрыть правду, которая была известна властям? Или это всего лишь расплывчатая фраза, маскирующая незнание и страх перед тем, что там произошло? Или до сих пор происходит?

Рассказывает доктор Басков

[3]

Как я понял по рассказу Стругацкого, профессор Константинов склонялся, пусть и с неохотой, к «паранормальной» (назовем это так) версии гибели людей на перевале Дятлова.

Больше всего меня заинтересовало его объяснение загадочного цвета кожи и волос погибших. Хотя сам Стругацкий не полностью седой, для человека его возраста эта седина ненормальна. Первичное общее обследование не выявило у него абсолютно никаких патологий, которые могли бы являться причиной этому, к тому же на фотографии из его личного дела, предоставленного екатеринбургской «Газетой» и переданного мне следователем, у него черные как смоль волосы.

Как бы ни интересовал меня цвет его лица и волос, я решил не спрашивать напрямую, а предоставить Стругацкому возможность самому затронуть этот вопрос в свое время. (Заметьте, я не хотел давить на него, чтобы получить быстрые ответы, хотя и понимал срочность этого дела для следствия; к тому же недавний опыт подсказывал, что, если я начну давить на него, он уйдет в себя и будет молчать, что, конечно же, еще больше затянет процесс.)

После третьей встречи со Стругацким я позвонил главному следователю по этому делу, Станиславу Комару, и спросил, производился ли обыск квартиры профессора Константинова. Следователь оказался очень любезен — ведь он хотел как можно быстрее покончить со всем этим.

— Да, доктор Басков, — ответил он в трубку, — мы тщательно обыскали все помещение.

— Константинов ведь является организатором некоего фонда Дятлова?

— Так точно.

— И вы нашли что-нибудь?

— Не могли бы вы задать более конкретный вопрос?

— Ах да, простите. Я имею в виду материалы о трагедии на перевале Дятлова.

— Понятно. Да, этого было много найдено. В основном письма и документы: газетные вырезки тех лет, записи самого Константинова — целый ворох. Сейчас мы сортируем их в каталог.

— А как насчет материальных предметов — образцы, пробы, металлические фрагменты?

Комар ответил после паузы:

— Да, мы нашли целую коробку с вещами.

— Там был кусок ткани?

— Да, был.

— И у вас есть соображения, что это такое?

— Мы отправили его на экспертизу вместе с металлическими обломками. А почему вы спрашиваете? Вы думаете, это имеет какое-то отношение к вашему освидетельствованию Стругацкого?

— Думаю, да. Можете сделать для меня копию отчета экспертизы, как только он у вас будет?

— Конечно.

— А с Юрием Юдиным вы говорили?

— Да, я лично брал у него показания.

— Он подтвердил тот факт, что Стругацкий приезжал к нему?

— Да, хотя он странный тип.

— Что вы имеете в виду?

Я почувствовал, как на другом конце провода Комар пожал плечами:

— Как вам сказать... заиклен на прошлом. Все только вспоминает и вспоминает — но это обычно для стариков, я полагаю. Однако Стругацкий у него точно

был. Сумел настоять, чтобы Юдин принял его. Пригрозил, что не уйдет, пока его не впустят. Но потом оказался довольно вежливым человеком.

Я попросил Комара передавать мне любую информацию касательно прошлого Стругацкого, после чего, поблагодарив его, повесил трубку.

И снова принялся размышлять над показаниями Стругацкого о событиях, приведших к его аресту. Насколько я мог понимать, все совпадало — это был точный отчет о случившемся. Тут я вспомнил о его нежелании рассказать мне о том, как погибли его товарищи в лесу у Холат-Сяхыл. Он совершенно очевидно был напуган, но кем или чем — я понятия не имел. Я подозревал, что наступит момент, когда в его рассказе факты сменятся фантазией. Мне нужно быть очень внимательным, чтоб не пропустить этот момент, после чего и начнется моя настоящая работа. И есть только один способ сделать это: позволить Стругацкому продолжать свой рассказ, позволить ему самому подойти к этой критической точке.

* * *

Когда в понедельник утром я зашел к Стругацкому, он спросил меня, как прошли мои выходные. Я был так занят своими мыслями, что слегка растерялся от вопроса.

- Очень хорошо, Виктор, спасибо.
- Рад слышать. У меня тоже.
- Правда? Замечательно.
- И что вы делали? — спросил он.
- Что, простите?
- В выходные.
- К нам приезжала сестра с мужем.
- К нам? Вы женаты?

— Да.

— А как зовут вашу жену?

— Наталья, — ответил я. — Вы сказали, что тоже хорошо провели выходные. Чем занимались?

— Ничем.

— Ничем?

Стругацкий глубоко вздохнул — скорее с удовлетворением, чем с разочарованием. Хотя мне показалось, я уловил что-то похожее на сожаление и грусть.

— Я просто прожил эти выходные, — сказал он. — Иногда сам факт существования угнетает. Но это хорошо. Я рад, что жив.

Я молча посмотрел на него и затем спросил:

— А ваши товарищи живы?

— Нет.

— Милиция сейчас их разыскивает. Как вы думаете, их тела найдут?

— Точно нет.

— Почему нет?

— «Сварог» об этом позаботится.

— Сварог? Что это такое?

Стругацкий не ответил, опуская глаза и отдаляясь, погружаясь в задумчивость. Этого я и боялся — похоже, что он снова уходит в себя — очевидно, из-за упомянутого слова «Сварог». Чтобы вернуть контакт, я попробовал зайти с другой стороны.

— Профессор Константинов, по всей видимости, верит, что в 1959-м группа Дятлова встретилась с чем-то очень странным. Вы с вашими спутниками видели что-то подобное?

— Да, — прошептал Стругацкий.

— Что же это было?

Тишина в ответ.

— Может... это разумное существо?

— Разумное, — ответил он, — или скорее... продукт разума.

Я наклонился вперед, чувствуя, что дело пошло.

— Вы хотите сказать, что это было нечто рукотворное? Какой-то артефакт?

Стругацкий закрыл глаза и нахмурился, словно пытаюсь на чем-то сконцентрироваться.

— Полагаю... это можно назвать артефактом... раз оно создано...

— Кем создано?

— Кем? — повторил он. — А может, чем?

— Я вас не понимаю.

— Неважно.

— Виктор, это важно. Вы думаете, оперативники это найдут?

— Если найдут, то поймут, что я не сумасшедший — что я не убивал Вадима, Нику и остальных.

— А если действительно найдут, не убьет ли их это?

— В лесу есть то, что может убить, если они не будут осторожны.

— Что, например?

— Ртутные озера.

— Что, простите?

— Ртутные озера. Надо держаться от них подальше.

— Извините, Виктор, — перебил я, — вы хотите сказать, что в лесу есть ртутные озера?

— Ну, не совсем ртутные... но озера эти... в них не вода.

— А что-то похожее на ртуть — вы это имеете в виду?

Он кивнул в ответ.

— Вы их видели?

Снова кивок:

— Одно. И Дятлов с друзьями тоже видели одно на Холат-Сяхыл.

Неужели это тот самый момент, которого я ждал? Когда к воспоминаниям Стругацкого начал примешиваться вымысел. Он впервые заговорил о том странном, чему сам стал свидетелем. И более того, ни в одном отчете о событиях на перевале Дятлова, которые я читал, не упоминалось ничего похожего на ртутные озера. Я был близок к тому, чтобы счесть это первой его ложью, первым признаком того, что Стругацкий и правда был не в себе.

Стругацкий напряженно смотрел на меня:

— Вы мне верите, да? — И прежде чем я смог ответить, продолжил: — Ладно, неважно. Милиция все равно их найдет, а если не найдет, все есть в досье.

— В каком досье?

— На квартире у Вадима.

— Там много материала нашли, включая и те металлические куски, о которых вы говорили.

Он кивнул, очевидно удовлетворенный ответом.

— Что это за досье? Не хотите рассказать что-нибудь о нем?

— Да, хочу, — ответил Стругацкий, — и расскажу.

Глава шестая

Виктор поблагодарил профессора Константинова за уделенное ему время и попрощался, договорившись встретиться снова в ближайшее время. Он вышел из дома, зажимая под мышкой конверт с бумагами, которые передал ему профессор. Открывая дверцу машины, он заметил в десяти метрах от себя в дверном проеме мужчину в толстом пальто, который внимательно смотрел через дорогу.

Усаживаясь за руль, Виктор еще раз бросил на него взгляд: что-то смутно знакомое было в этом человеке. Виктор отогнал от себя беспокойное чувство, вливаясь в поток машин и направляясь в редакцию «Газеты». Пора было приниматься за статью, заказанную Максимовым.

И вдруг на полдороге Виктор вспомнил, где видел раньше этого человека. Это был пожилой мужчина, который ехал с ним в одном купе из Соликамска.

* * *

Едва Виктор вошел в редакцию, как его тут же вызвал к себе Максимов, чтобы узнать, как продвигается дело.

— Хорошо продвигается. Уже есть два интервью с главными лицами этой истории.

— Неплохо, — одобрил редактор.

В его голосе Виктор уловил легкое удивление и, не сдержавшись, широко улыбнулся.

— И похоже, ты сам получаешь удовольствие, Витя, — ввернул Максимов, и улыбка Стругацкого тут же погасла.

«Да, он в своем репертуаре, скотина», — подумалось ему, но вслух он сказал другое:

— Не совсем. История интригующая, но веселого в ней мало.

— И правда, — согласился Максимов, кивком головы указывая на дверь. Виктор счел это за позволение уйти, чтобы приняться за работу.

Запустив компьютер, он создал новый файл, но писалось с трудом — мысли его то и дело возвращались к пожилому мужчине на улице. Он больше не сомневался, что это человек из поезда. Но что он делал у фонда Дятлова? Простое совпадение? Кто он вообще такой? Агент спецслужб? ФСБ? Слишком стар. Может быть, доносчик? «Черт побери, — подумал он, — похоже, у меня будут проблемы». Но, с другой стороны, кто мог знать о его задании? Только если в редакции «Газеты» есть шпион...

Какой-то абсурд!

Он встал и подошел к кофе-автомату — не «Blue Mountain», конечно, но сойдет. Это всего лишь совпадение, убеждал он себя. Беспокоиться не о чем. Ну ехал он со стариком в поезде до Екатеринбурга. Потом увидел его в городе. Подумаешь! Что с того?

Он вернулся к столу, потягивая невкусный кофе. Там уже стоял Черевин и, почесывая щетинистый подбородок, с ехидной усмешкой пялился на экран его монитора, где была открыта пустая страница.

— Привет, Витек, — произнес он со своей обычной иронией, — что, вдохновение не приходит?

— Спасибо, что беспокоишься, но с вдохновением у меня все в порядке, — ответил Виктор, усаживаясь за стол.

— Над чем работаешь? — поинтересовался Черевин, но таким тоном, будто и без того прекрасно все знал.

Виктор вздохнул:

— Пишу статью о случае на перевале Дятлова.

— Слышал, слышал. Значит, гоняешься за летающими тарелками и монстрами?

— Слушай, Жора, я пишу исторический обзор о девяти людях, погибших пятьдесят лет назад ужасной смертью на горном склоне. О людях, чьи друзья и родные все эти годы страдают не только из-за утраты, но и оттого, что не знают, что же произошло с их близкими на самом деле. Никаких летающих тарелок или монстров, только девять погибших.

«А может, одиннадцать», — добавил он уже про себя.

Черевин снова ухмыльнулся:

— А у меня дело Боровского полным ходом. Уже есть результаты.

— Поздравляю.

— Когда закончу, могу помочь тебе. Как думаешь?

— А не пойти ли тебе в одно место? Уверен, Максимов возражать не будет.

Ухмылка на лице Черевина даже на секунду не дрогнула.

— Витек, — сказал он, уходя, — ты так легко ведешься.

Конечно, он был прав. Черевин прекрасно знал, как вывести Виктора из себя, и редко упускал такую возможность. Этот их маленький обмен любезностями снова напомнил Виктору о задании, с которым он не справился и которое у него отобрали, и опять почувствовал укол уязвленного самолюбия. Но уже на первом абзаце набираемой статьи он убедил себя, что все это не имеет значения. Его нынешнее дело было не менее важным — пока Черевин старался ради простых людей из барачников, чьи права ущемлял арендодатель, он пытался восстановить справедливость для Игоря Дятлова и его друзей.

К пяти часам у него уже был готов первый набросок основных событий, куда потом можно будет добавить деталей. Материал, которым его снабдил Константинов, оказался просто бесценным: он не только воссоздавал хронологию трагических событий, но и содержал массу информации о тогдашней политической ситуации в Советском Союзе. Вдобавок к этому прилагался список ссылок касательно современных военных технологий, системы ГУЛАГа, истории и культуры народности манси и многого другого. Из редакции Стругацкий уходил довольный таким серьезным началом.

Подхватив свое пальто и попрощавшись с парой коллег, он спустился на лифте в фойе. Через входную стеклянную дверь он увидел стоящего на улице человека и остановился как вкопанный.

Тот самый старик! Он просто стоял, поглядывая на часы, а потом вдруг развернулся и ушел, скрывшись из виду.

«Боже ж ты мой!» — прошептал Виктор. Так, значит, это не совпадение. Этот сукин сын действительно у него на хвосте. За ним наблюдают! Его охватил животный первобытный страх.

Высовываться на улицу совсем не хотелось, поэтому он присел в одно из кресел в фойе. Секретарша в приемной, болтавшая с охранником, окликнула его со своего места:

— Виктор, с вами все в порядке?

— А, да, Лена, спасибо, все нормально, — ответил он для убедительности с улыбкой.

Охранник посмотрел на него с надменным выражением на квадратном лице. Виктор попытался выдержать его взгляд, но сдался и отвернулся. «Ну что

пялишься, идиот? Ты что, с ним заодно?» — подумал он про себя.

Он не знал, что делать — выйти или остаться. Не будь таким трусом, уговаривал он сам себя. Неужели теперь поднимешься наверх и проведешь всю ночь за письменным столом? Кто бы это ни был — они знают, что ты здесь. К тому же вечно тут сидеть не будешь.

Но ему вдруг подумалось, что наблюдатель-то из старика паршивый: так легко позволил себя заметить. Или?.. Что же получается? Он *хотел*, чтобы Виктор его заметил? Может, он по какой-то причине пытается установить с ним контакт?

Секретарша Лена и квадратнолицый охранник, продолжившие свою болтовню, снова умолкли и вопросительно посмотрели на него. «Черт бы их побрал!» — подумал он и поднялся с места.

— До свидания, Лена, — бросил он, направляясь к выходу.

— Всего хорошего! — крикнула она в ответ.

Виктор вышел на улицу с таким чувством, как если бы ступил на едва застывший пруд; посмотрел направо. Старик медленно уходил, сливаясь с толпой пешеходов и теряясь в первых вечерних сумерках. Виктор хотел было поспешить в обратном направлении — к своей машине, но какой-то странный импульс толкнул его последовать за мужчиной. Он и сам не понимал, зачем это делает. Встречаться с ним лицом к лицу он точно не хотел — это означало выдать себя и заставить незнакомца действовать. А кто знает, что тот замышлял и сколько еще человек действуют с ним заодно? Может, в этот самый момент на этой самой улице находится еще десяток его соучастников, моложе и сильнее его, которые просто ждут условного сигнала, чтобы скрутить Виктора и увезти бог знает куда.

«Я всего лишь послежу за ним немного... посмотрю, куда он пойдет, с кем встретится... если встретится...»

На краткий миг мелькнула мысль: уж не связано ли это с делом Боровского, но он тут же отбросил это предположение. Такие люди, как Боровский, не станут осторожничать — они выбьют из тебя дерьмо прямо посреди улицы. Однажды Виктор видел, как какой-то растяпа толкнул не того человека и получил по полной тут же, на глазах у прохожих.

Двигаясь за стариком, Виктор внимательно следил за людьми вокруг, готовый бежать сломя голову, если заметит на себе слишком пристальный взгляд. На всякий случай он достал телефон, набрал экстренный номер милиции и снова убрал в карман, держа большой палец на кнопке вызова. Если дело примет дурной оборот, он нажмет кнопку и даст деру в надежде, что милиция прибудет прежде, чем его догонят.

Старик свернул на улицу Шаумяна, и вдруг Виктора осенило. Если зайти вперед и спрятаться, можно тайком сфотографировать старика на телефон. Потом он покажет фото Константинову, и, может быть, тот скажет ему, что это за человек.

Виктор перешел на противоположную сторону улицы и поспешил вперед, не выпуская старика из виду и стараясь не налетать на прохожих.

Мужчина шел медленно, поэтому обогнать его не составило труда. Виктор держался поближе к фасадам зданий, прячась за прохожих и надеясь, что старик не посмотрит в его сторону. Он поднял воротник пальто, чтобы закрыть лицо. Теперь оставалось так же незаметно еще раз перейти улицу, чтобы занять выгодную позицию для съемки. Но все не было подходящего момента.

Наконец удача ему улыбнулась. Старик остановился, чтобы рассмотреть что-то в витрине книжного магазина. Виктор немедленно воспользовался шансом и, прошмыгнув через дорогу между двумя проезжавшими машинами, поспешил укрыться в узкой боковой аллее.

Присев за старыми мусорными баками, он вынул телефон и, развернув его к началу аллеи, стал ждать.

Спустя пару минут старик прошел мимо, и Виктор щелкнул его в профиль. Лучше бы, конечно, было воспользоваться вспышкой на телефоне, но он не мог рисковать, привлекая внимание старика. Еще через какое-то время мужчина скрылся из виду. Виктор зашел в меню телефона — посмотреть только что сделанный снимок. Черт! Толку-то от всех усилий? Кадр получился размазанным. И что делать теперь? Снова пойти за стариком и попытаться сфотографировать еще раз? Нет, слишком опасно. Подойти и спросить прямо, что за чертовщина происходит? Неплохая идея! Тот либо подаст сигнал своим сообщникам (если таковые имеются), либо обвинит Виктора в преследовании и обзовет маньяком.

Может, просто описать его Константинову — вдруг тот узнает его по описанию?

Тут ему в голову пришла еще одна мысль, и Виктор обругал себя за то, что не додумался раньше. Есть человек, которому он может описать внешность этого типа и получить гораздо лучший результат, чем эта дерьмовая фотография.

Идя назад к машине, Виктор набрал номер. После двух гудков голос в трубке сказал:

— Привет, Витя!

— Ника, как ты?

— Неплохо. А ты?

— Нормально. Слушай, мне нужна твоя помощь.

— Не сейчас, Вить. Я еду домой, а вечером у меня свидание.

— Свидание?

Короткий смешок в ответ:

— Что, ты удивлен или расстроен?

— Ужасно расстроен. Послушай, Ника, это очень важно.

— У тебя всегда так, даже если это пустяк. Позвони завтра.

И она отключилась.

Перезванивать не было смысла, да и сообщение посылать тоже. Вздохнув, Виктор убрал телефон в карман.

Вероника Исаева работала в местном отделении милиции своего рода «художником» на дознаниях — рисовала портреты людей по описанию и делала это чертовски хорошо. Она закончила Уральскую государственную архитектурную академию шесть лет назад, получив диплом по специальности «дизайн». Но реализовать свои таланты получалось пока только таким способом (по крайней мере, деньги платили приличные). Печально, конечно. Она была способна на большее, чем рисовать рожи уголовников, но, как говорится, жить на что-то надо.

Виктор не винил ее за резкий отказ. Он чувствовал себя и польщенным, и подавленным оттого, что Ника сразу обратилась к нему по имени. Значит, еще не удалила его из списка контактов.

Но он так надеялся, что она окажется свободна вечером. Он хотел пригласить ее в бар, что-нибудь выпить и попросить нарисовать лицо старика по его описанию.

Он знал, что она справится блестяще, и можно будет отнести портрет Константинову. К счастью, завтра суббота, поэтому утром он снова наберет ее номер. Только бы она не осталась на ночь с... (с кем она там сегодня встречается?) — главным образом потому, что она рассердится за ранний звонок, а еще потому, что... Но ему было неприятно даже думать об этом.

Виктор вел машину домой, все время поглядывая в зеркало заднего вида, не едет ли кто следом. В подъезд он вошел торопливым шагом, остановившись только чтобы проверить почту. Открыв ящик, он вытащил

большой желтый конверт и пару квитанций на оплату. Он повертел конверт в руках и нахмурился — абсолютно чистый: ни имени, ни адреса.

Ему вдруг подумалось: а если бомба? Он был так взвинчен, что развивалась паранойя. Он провел рукой по конверту, пытаясь прощупать неровности или проводки, но поверхность оказалась гладкой и ровной. Очевидно было, что отправитель письма лично бросил его в ящик, но конверт был слишком большой, чтобы пролезть сквозь щель. Значит, этот неизвестный должен был покопаться в замке.

Виктор еще несколько минут постоял в подъезде, тупо рассматривая конверт, и начал подниматься по лестнице в квартиру.

* * *

Он бросил квитанции на стол, даже не заглянув в них, и стал осторожно вскрывать конверт. Внутри оказалась серая папка без каких-либо обозначений, с одним-единственным тисненым символом:

Виктор видел этот знак впервые и понятия не имел, что он означает. Внутри папки оказалась пачка бумаг и несколько больших черно-белых фотографий. На бумагах стояли разнообразные официальные печати — многим, судя по всему, был не один десяток лет.

На внутренней стороне конверта был написан адрес екатеринбургского отделения Уралпромстройбанка, а также — мелким и аккуратным почерком — учетный номер банковского сейфа. К внутренней стороне конверта скотчем был накрепко приклеен электронный ключ. И дураку было понятно, что он открывается этим

ключом. Виктор провел по нему пальцами, пытаясь представить, что может находиться в сейфе.

Он хотел приняться за бумаги, но его отвлекли фотографии: на первой же был запечатлен снежный пейзаж; судя по скошенной линии сосен на первом плане, это была большая поляна. Посреди поляны находился предмет, похожий на перевернутую миску, по виду — из тусклого металла типа олова. Виктор прикинул, что в диаметре эта штука должна быть примерно метра три. Она выходила из-под замерзшего грунта под углом примерно 45 градусов. Если принять ее кривизну за постоянную, получалось, что железяка уходила под землю на две трети.

Он перевернул фотографию и увидел на обороте приклеенную маленькую бумажку. На ней мелко, но разборчиво было написано: «МАЛЫЙ КОТЕЛ ИЗ АНОМАЛЬНОЙ ЗОНЫ № 3. СНИМОК СДЕЛАН ФОТОАППАРАТОМ ИГОРЯ ДЯТЛОВА».

— Что за... — громко выдохнул Виктор.

Отложив фотографию, он быстро пролистал печатные бумаги, проглядывая заголовки: «Результаты вскрытия тела Людмилы Дубининой», «Предлагаемые методы металлургического анализа установок в аномальной зоне № 3», «Рекомендации, как вести себя при обнаружении инсталляций и котлов в Северо-Уральском регионе». Здесь же прилагалась детальная карта местности, некоторые объекты были отмечены красным цветом.

На каждой странице в верхнем левом углу стояла пометка:

ПРОЕКТ «СВАРОГ»

У Виктора пересохло во рту, когда он понял, что в руках у него секретные документы по делу Дятлова.

Он не знал, все ли это материалы или только часть, но было ясно одно: здесь очень много тайной информации, собранной под кодовым именем «Проект “Сварог”». Смысл слова, как и символа, стоявшего под ним, оставался загадкой. Но теперь он знал, что старик, следивший за ним, был его благодетелем, если только это слово было уместно в данной ситуации: Виктор чувствовал, что если у него обнаружат эти документы, несколько десятков лет тюрьмы ему обеспечены.

Несколько минут он просто сидел за столом, пытаясь собрать мысли воедино. Как он и предполагал: старик хотел, чтобы Виктор его заметил и понял, кто именно оставил ему пакет в почтовом ящике. Но что же он за человек? Виктор подозревал, что это сотрудник разведки. Хотя ему явно за восемьдесят. Хорошо, тогда *бывший* сотрудник разведки. Агент КГБ, ставшего потом ФСБ. И если сейчас ему за восемьдесят, то, следовательно, в 1959 году ему было лет тридцать.

Виктор взял в руки следующее фото, снятое, по-видимому, с того же ракурса, только здесь рядом с непонятным объектом стояли три человека. Он узнал их — это были Зинаида Колмогорова, Рустем Слободин и Александр Колеватов. Все трое улыбались, но слабо, вымученно. Не сравнить с тем, как непринужденно они смеялись на снимках, которые он видел раньше. Возможно, он придавал слишком большое значение выражению их лиц, пытаясь разглядеть в них то, чего там не было. Но создавалось впечатление, что они сбиты с толку наличием этого объекта и их беспокоит неожиданная и загадочная находка. Двое мужчин

подошли почти вплотную, а Зинаида стоит чуть поодаль, словно не хочет приближаться.

Виктору пришло в голову, что они сильно рисковали, фотографируя металлический объект. Какое бы назначение он ни имел, было ясно, что он кем-то сконструирован и, главное, что его тут вообще быть не должно. Подумали ли они, что зашли на территорию, на которую не следовало заходить? Будь Виктор на их месте, он бы предположил, что объект этот как-то связан с правительством и военными (может быть, часть фюзеляжа упавшего самолета), и поспешил бы обратиться подобру-поздорову, даже не помышляя ни о каких снимках.

Рассмотрев фотографии внимательнее, он почувствовал непонятный дискомфорт. Что-то было такое в этом объекте, в металле, из которого он был сделан, — что-то *неправильное*. Выглядело как олово, но, присмотревшись, можно было заметить крапинки, напоминавшие Виктору кожу слонов или носорогов. Это мог быть результат коррозии, но вряд ли это верное объяснение, несмотря на то что объект действительно выглядел старым.

Это не часть самолета, сказал он себе. Для него это было очевидно — так же точно, как и для партийной власти.

Прежде чем перейти непосредственно к документам, он решил разобраться до конца со снимками. Несмотря на то что он занимался этой историей всего пару дней и несмотря на тревожный страх, внутри он чувствовал невероятное возбуждение от мысли, что получил доступ к фактам, скрываемым вот уже пятьдесят лет.

Всего фотографий было семь, к каждой приклеена подписанная бумажка — что все они сняты фотоаппаратом Игоря Дятлова. Отложив первые две в сторону, Виктор принялся рассматривать оставшиеся.

Третий снимок еще больше сбивал с толку — не столько тем, что на нем было изображено, сколько тем, что ничего изображено не было. Виктор заключил, что это ночное небо — единственной подсказкой была линия верхушек деревьев внизу кадра. Звезд не было видно, что, впрочем, и неудивительно — таким фотоаппаратом их вряд ли можно было запечатлеть. Виктор перевернул снимок и прочитал: «Ночное небо над лесом к югу от Холат-Сяхыл. Возможно, неудачная попытка заснять необъяснимое явление».

Необъяснимое явление... И что, черт побери, это могло значить?

Четвертый снимок был еще более странным и непонятным. Снова сделан в лесу, на нем трое: Людмила Дубинина и Зинаида Колмогорова, обе на коленях в снегу; Людмила наклонилась вперед, закрыв лицо руками, а Зинаида обнимает ее одной рукой за плечи, будто пытается ободрить; сбоку стоит Георгий Кривонищенко и рассматривает что-то на снегу. Виктор смог разглядеть лишь бесформенную массу, которая расходилась во все стороны темным пятном. Внутри нее находилось что-то тонкое и белое...

Кости? Господи, да это какое-то животное, точнее, то, что от него осталось. Может, его задрал медведь, а Людмила потрясена находкой останков? Наверное, так и есть. Хотя... в таком случае снимок вряд ли бы попал в папку с секретными документами. Надпись на обороте гласила: «Изувеченный труп животного в аномальной зоне № 3. Причина смерти неизвестна». Почему же неизвестна? Но тут до Виктора дошло: медведи зимой впадают в спячку. Это точно был не медведь.

На пятой фотографии не было ничего, кроме круглого белого пятна на темном фоне. На обратной стороне Виктор прочел: «Возможно, летающий шар, точное местонахождение неизвестно». Так вот оно что: группа Дятлова действительно видела шары и даже

запечатлела один из них. Виктор попытался рассмотреть что-нибудь внутри пятна, но либо объект был слишком яркий, либо внутри не было ничего. Ясно одно: это не форсажная камера военного самолета. Он перешел к следующему снимку.

По всей видимости, на нем было изображено замерзшее озерцо посреди неглубокой ложбины. В диаметре оно имело метров пятьдесят и было странной, поразительно круглой формы. Поверхность его была абсолютно гладкой и плоской, темного металлического оттенка, который даже на этой старой черно-белой фотографии казался неестественным. Ведь лед должен был получиться на снимке гораздо светлее — почти таким же светлым, как лежащий вокруг снег. Как «котел» выглядел не совсем металлическим, так и «озеро» это казалось заполненным не совсем водой. В мужчине на переднем плане он узнал Рустема Слободина: он бежал к снимающему. На этот раз он не улыбался, даже слегка: на его перекошенном лице было выражение настоящего ужаса. Подписана фотография была: «Рустем Слободин и ртутное озеро, аномальная зона № 3».

И что это значит? Как может быть озеро с ртутью? Но Виктору подумалось, что в озере не обязательно должна была быть ртуть. По-видимому, тот, кто подписывал снимки, просто подбирал подходящие определения для вещей, которые были ему неизвестны. И «котел» на самом деле не был котлом, а всего лишь напоминал его внешне. Так же и озеро: его обозначили как ртутное, потому что в нем было нечто очень похожее на ртуть. Он снова взглянул на лицо Слободина, на его расширившиеся глаза и открытый рот — совершенно очевидно, в этот момент он испытывал смертельный страх. Возможно, он осмелился спуститься к озеру, чтобы ближе рассмотреть его, и теперь бежал обратно. Что-то его там напугало.

И что такое аномальная зона № 3? Относилась ли она к местности вокруг горы Холат-Сяхыл, где группа Дятлова нашла свою смерть? И почему № 3? Тогда, по логике, где-то были по крайней мере еще две аномальные зоны...

Последняя, седьмая фотография шокировала сильнее прочих. Она была настолько странная, что Виктор сразу же перевернул ее, чтоб посмотреть, какое название дал ей незнакомец. Подпись состояла всего из одного слова: «Инсталляция».

Запечатленный объект занимал почти весь кадр. Окружавшие его деревья гнулись в сторону, словно их вырывали с корнем. Прямо перед ним находилась одинокая фигура, и, хотя она была слишком далеко, чтобы ее можно было как следует разглядеть, Виктор прикинул размеры объекта. По меньшей мере двадцать метров в высоту, цилиндрической формы. Нижнюю часть — примерно две трети — составляли похожие на колонны конструкции метров десять шириной, каждая скошена, наподобие клинка, острие которого уходило в высоту на шесть-семь метров от земли. Венчал эту конструкцию купол диаметром метров пятнадцать, на котором, в свою очередь, был купол меньшего диаметра — метра в три. Колонны отливали металлическим блеском, как отполированная сталь, а оба купола были более темными и матовыми.

Виктор положил фото на стол с такой осторожностью, словно оно было древней реликвией, рассыпающейся от времени, и еще несколько минут смотрел на него. Он в жизни не видел ничего даже отдаленно похожего на эту штуку, которую некто обозначил просто как «инсталляция», не найдя лучшего названия. Виктор тщетно пытался отделаться от навязчивой догадки, уверенность в которой только росла, чем дольше он смотрел на снимок.

Этот объект — строение ли, машина ли, неважно — было построено не людьми.

Это совсем не факт, убеждал он сам себя, но его внутренний голос был тихим и слабым, как у ребенка, отказывающегося признавать неприятную действительность. Внешний вид объекта был абсолютно внеземным, о его предназначении и внутреннем устройстве оставалось только гадать. А лаконичная подпись к снимку свидетельствовала о непричастности советских властей. Они и сами не знали, что это, откуда и для чего.

Виктор отложил фотографии и приступил к бумагам. В заключении о смерти Людмилы Дубининой, написанном судмедэкспертом Борисом Возрожденным, указывалось, что сердце проткнуто одним из сломанных ребер. Так что, даже если исключить губительный фактор переохлаждения, у нее вряд ли были шансы выжить.

Касательно другой ее раны Возрожденный писал, что ротовая полость была удалена с хирургической точностью и — подчеркивалось — это не могло быть сделано диким животным. Особенно поразило Виктора следующее замечание врача:

«Совершенно необъяснимо, как такое могло произойти. Кровопотеря была минимальной, о чем свидетельствует полное отсутствие крови как внутри ротовой полости, так и на снегу рядом с телом. Также отсутствуют какие-либо видимые повреждения губ и челюстей. Все это вынуждает меня рассматривать несколько неправдоподобную возможность того, что в какой-то момент совершенно целая ротовая полость Дубининой — вся слизистая оболочка и язык — исчезла. Сам язык так и не был найден».

На какое-то время Виктор задумался, пытаясь переварить информацию. Ему не нравилось заключение Возрожденного о том, что части тела Дубининой просто исчезли, но он представил, в каком состоянии должен был находиться врач, осматривавший тело, чтобы вообще осмелиться высказать подобную версию. В этом отношении Советский Союз мало чем отличался от сегодняшней России или любой другой страны: всякое предположение о существовании паранормальных явлений встречалось с неодобрением и отметалось сразу как суеверная чушь — по крайней мере, официально. Однако в правительственных кулуарах подобными вещами интересовались — как выяснилось из документов, которые начали обнародоваться после распада Союза.

Стала ли Людмила жертвой неизвестного и необъяснимого феномена? И он ли явился причиной, по которой территорию вокруг Холат-Сяхыл после происшествия закрыли на три года? Но если это так, почему органы пропали только у нее? Тела Александра Золотарева, Николая Тибо-Бриньоля и Александра Колеватова были найдены на дне оврага тут же, рядом с ней, но они были целыми. Причастна ли эта неизвестная сила, изуродовавшая Людмилу, к раскроенному черепу Николая?

Виктор вздохнул и принялся читать результаты металлургического анализа инсталляции. В Белорецке-15, закрытом городе на Южном Урале, учеными была проведена экспертиза. Виктор с трудом понимал техническую терминологию в отчетах, но суть была предельно ясна. Ученые не смогли идентифицировать материал, из которого была изготовлена инсталляция, хотя в приложении говорилось, что у нескольких человек после работы с этими пробами возникли проблемы психологического характера, включая навязчивые кошмары и приступы

панического страха (при этом ни у кого из них раньше не наблюдалось признаков психической нестабильности). Некоторых пришлось снять с проекта и поместить в психиатрическую лечебницу, двое покончили жизнь самоубийством. Бедняги, подумал Виктор. Что же это за материал такой? В отчете указывалось лишь, что при определенных условиях он излучал низкочастотный гул, который, предположительно, и повлиял на психическое состояние исследователей.

Виктор переключился на карту, внимательно ее изучая. Это была очень подробная географическая карта, с обозначением всех топографических деталей местности. В нескольких местах кто-то сделал отметки красными кружками.

Один такой кружок был поставлен на южном склоне Холат-Сяхыл. Может, здесь располагался последний лагерь путешественников? Все остальные были сосредоточены в районе пояса кедрового леса южнее. Пояснения к кружкам совпадали с подписями на обороте фотографий.

Создавалось ощущение, что неизвестный старик не просто показывал Виктору, что находится в лесу, но и снабжал всем необходимым, чтобы это найти. Возникал вопрос: зачем? Допустим, некто собрался наконец рассказать правду о том, что случилось с группой Дятлова. Но почему этот некто решил, что именно он, Стругацкий, должен получить всю информацию? Почему остановил свой выбор на обычном репортере, когда есть профессионалы, которые этим занимаются?

Почему не выбрал, например, Вадима Константинова, что было бы логичнее?

Разве что по какой-то причине не доверял Константинову. Но ведь старик знал, что Виктор с ним общался...

— Чего, черт возьми, вы добиваетесь? — прошептал Виктор.

Одно было ясно: советские власти отправляли в район, где погибла группа Дятлова, своих людей с целью провести всестороннее расследование объектов и явлений. Другим очевидным фактом было то, что группа Дятлова *не погибла* вечером первого февраля. Они должны были провести как минимум два дня в лесу... в котором они не стали ставить палатку, несмотря на то что он мог бы обеспечить им укрытие.

Виктор снова сел на стул и посмотрел на досье. «Почему его отдали именно мне? — думал он. — И что происходило с группой Дятлова в этом лесу в течение этих дней?»

Рассказывает доктор Басков

[4]

Во вторник я приехал в Первоуральскую больницу и удивился, увидев, что в приемной сидит следователь Комар. Моя секретарша подозрительно косилась на него. На коленях у него лежал большой темно-желтый конверт. Как только я зашел, он поднялся и протянул мне руку.

— Доктор Басков, я хочу кое-что с вами обсудить.

— Конечно, — ответил я, слегка растерявшись от неожиданности. — Пройдемте в кабинет.

Попросив секретаря предупредить Стругацкого, что наша встреча состоится позже, я жестом пригласил Комара следовать за мной.

В кабинете я предложил ему сесть и спросил:

— Что-то случилось?

— Извините, что пришел без предупреждения, но я не хотел звонить.

— Почему?

Он помахал конвертом:

— Потому что не хотел обсуждать по телефону вот это.

— Что это?

— Мы нашли это во время обыска на квартире профессора Константинова. Содержимое его... довольно интересное, скажем так.

Он протянул мне конверт. Открыв его, я вынул пачку бумаг и несколько фотографий. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, о чем они.

— Досье, — произнес я.

— Что, простите?

— Да ведь это похоже на то самое досье, о котором говорил Стругацкий!

— Так он знает об этом?

— Да, он пару раз о нем упоминал. Во время последней беседы он рассказал, как оно к нему попало.

— К нему? Так, значит, это не Константинову принадлежит?

Я покачал головой:

— Судя по словам Стругацкого, эти бумаги принадлежат государству. — Я посмотрел следователю в глаза. — Полагаю, именно поэтому вы не хотели обсуждать это со мной по телефону.

— Да. Это улика в нашем расследовании, и я не хочу, чтобы ловкачи из ФСБ прибрали ее к своим рукам. По крайней мере, не раньше, чем мы сами разберемся, что к чему.

Я пролистал документы.

— Ваши люди уже проверили их?

Он понял, к чему я клоню.

— Да, документы не подделка. Наши эксперты подтверждают, что это оригиналы: судя по бумаге, чернилам, шрифтам, печатям, терминологии — все подлинное. Здесь также прилагается ключ и шифр к сейфу в Уралпромстройбанке. Сейф мы проверили, но он оказался пуст.

— Да, Стругацкий говорил об этом ключе и шифре.

— А он не рассказывал, что было в сейфе?

— Нет, еще не рассказал.

Комар подождал, пока я рассмотрю все фотографии, после чего спросил:

— Как продвигается ваше наблюдение Стругацкого?

Я вкратце рассказал о своих выводах на данный момент и поделился своей убежденностью в том, что милиции, возможно, предстоит столкнуться в лесу с весьма странными вещами.

— Я постоянно с ними на связи, но пока они не обнаружили ничего странного.

— Может быть, они не там ищут, — сказал я, показывая на карту с пометками.

— Вполне может быть. Поэтому я сделал копию карты и передал им с курьером.

— Почему было просто не отсканировать и отослать по электронной почте?

Комар усмехнулся криво:

— По той же причине, по которой я не захотел обсуждать это по телефону.

— Ах да, конечно же. А как насчет Стругацкого? Вы хотите, чтобы я продолжал его наблюдать?

— Да, будьте так добры. Ведь мы до сих пор не знаем, что произошло с Константиновым и остальными и имеет ли Стругацкий к этому какое-либо отношение. И нам нужно узнать это как можно скорее, доктор.

— Я понимаю вашу нетерпеливость, поверьте мне, я на вашей стороне. Но я не могу потребовать от него рассказать все, что он знает. Это правило судебно-психиатрической экспертизы. Если я начну давить, он попросту замкнется и замолчит.

Комар вздохнул:

— Хорошо, доктор, будем придерживаться ваших правил.

Я одобрительно кивнул и еще раз взглянул на документы, разбросанные по всему столу.

— Невероятно, — бормотал я. — Я хочу сказать... что если они и в самом деле настоящие, то там и правда творится что-то странное — что-то неизвестное. — Я поднял глаза на Комара. — Можно мне сделать копии?

Он кивнул:

— Но на вашем месте я бы никому об этом не говорил. А по окончании дела настоятельно рекомендую все уничтожить.

— Понял. — Я закрыл папку и провел пальцем по символу, изображенному на ней. — А вы что-нибудь знаете о проекте «Сварог»?

Комар покачал головой:

— Ничего. Но обязательно узнаю. — Он сделал паузу. — Вы планируете рассказать Стругацкому о том, что мы нашли эти материалы?

— Безусловно. Во-первых, он сам был уверен, что вы рано или поздно их найдете. А во-вторых, мне очень интересно посмотреть на его реакцию.

— Почему же?

— До сих пор он был вполне спокоен и хладнокровен. Было несколько моментов ухода в себя, и несколько раз он казался безумно напуганным. Но большей частью ему удавалось сохранять самообладание. И мне было трудно установить, насколько вероятна его виновность в исчезновении товарищей. Он сразу же заявил мне, что мы считаем его сумасшедшим и думаем, что он их всех убил. И он ведет себя соответственно этому предположению. Будет интересно посмотреть, как изменится его поведение, когда я скажу, что у нас в руках оказались улики, доказывающие его невиновность и здравость рассудка.

— А можете предположить, как именно изменится его поведение?

— Увидим, — ответил я на это.

** * **

Стругацкого я застал шагающим взад-вперед по палате. Он сразу же подошел к креслу и уселся, выжидающе посмотрев на меня.

— Виктор, извините, что пришлось отложить нашу встречу, — сказал я ему, занимая свое привычное место у стола.

— Все нормально, доктор. Все хорошо.

— У меня была веская причина.

— Уверен, что так и есть.

— У меня был посетитель — старший следователь по делу Станислав Комар.

Стругацкий выпрямился в кресле:

— Правда?

— Милиция нашла досье, о котором вы говорили.

Несколько секунд он смотрел на меня с ничего не выражающим лицом.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Вы его прочитали?

— Просмотрел.

— Значит, Комар приходил прямо сюда.

— Да. Он только что ушел.

— Вы понимаете, что он подвергает вас опасности.

— Тем, что показал мне досье?

— Да. Правительство не желает, чтоб кто-то знал о происходящем.

— Комар хочет докопаться до правды, Виктор. И я тоже.

— Вы уверены, доктор? — спросил Стругацкий, подаваясь вперед. — Вы абсолютно в этом уверены?

— Это моя работа. И следователя Комара тоже.

Стругацкий кивнул:

— Хорошо, ладно...

— Виктор, можете мне что-нибудь рассказать о проекте «Сварог»?

Стругацкий едва заметно вздрогнул, потупил взгляд и ничего не ответил. Я решил не давить на него, по крайней мере не сейчас.

— Ладно. Расскажите тогда о Веронике Ивашевой.

Реакция Стругацкого удивила меня. Опустив голову, он начал всхлипывать. Слезы эти появились неожиданно и несомненно были вызваны упоминанием имени этой женщины. Я терпеливо выжидал несколько минут, глядя на его вздрагивающие плечи, пока он придет в себя. Ему потребовалось несколько минут. Я вытащил из кармана платок и протянул ему.

— Извините, Виктор, — сказал я, когда поток слез наконец-то прекратился.

— Ника, — произнес он, качая головой, — Ника...

Я наклонился к нему:

— Расскажите о ней. Как она...

— Как она оказалась втянута в эту историю? — договорил Стругацкий, глядя на меня покрасневшими глазами. Вздохнув, он успокоился: — Вы с угрозойском пытаетесь выяснить, убивал я или нет. Я их действительно убил, доктор. Не прямо, не собственными руками... Но именно я заварил всю эту кашу. Я попросил Нику помочь мне. Я отнес досье Вадиму.

— Расскажите мне о ней, — настойчиво повторил я.

Вздохнув, Виктор сказал:

— Ладно.

Глава седьмая

Виктор снова позвонил Веронике в девять утра — слава богу, она ответила уже после третьего гудка.

— Как свидание прошло? — спросил он.

— Тебя это вообще не касается. О чем ты хотел попросить?

— Мне бы не хотелось об этом по телефону говорить. Может, встретимся сегодня в первой половине дня, выпьем кофе?

Она вздохнула:

— Ладно, встретимся через час у «Якова».

— Спасибо, Ника.

Она отключилась.

«Коротко и ясно», — пробормотал он.

Кафе-бар «Яков» находилось в двадцати минутах ходьбы от дома Виктора. Так что у него было сорок минут в запасе. Он не знал, чем заняться, а слоняться без дела по улицам не хотелось. Даже если тот старик был его «благодетелем», вдруг еще кто-то осведомлен о том, что он занимается делом по перевалу Дятлова? Он решил направиться напрямик к «Якову» и подождать там.

Это было одно из их любимых мест в ту пору, когда они встречались. Интересно, почему Ника выбрала именно это кафе? Как намек на их разрыв, как еще одну возможность ткнуть его носом — или просто как известное им обоим место? Он склонялся к первому варианту.

Закрыв досье в шкафу для документов, Виктор вышел из дома и поспешил в кафе. Он ожидал увидеть старика, который будет прогуливаться и делать вид, что рассматривает витрины, но его не было.

Кафе в этот ранний час было полупустым, и Виктор без труда нашел уединенный столик в глубине. Он заказал кофе и стал ждать.

Вероника пришла ровно в десять, как договаривались. Окинула быстрым взглядом кафе, отыскивая Виктора. Заметила его. Не улыбнулась, не помахала рукой — только кивнула. Подошла к нему и села, положив свою большую сумку на свободный стул между ними.

— Спасибо, что пришла, Ника.

Она заказала чай у проходившего мимо официанта.

— Ты хорошо выглядишь.

Он отметил, что она подстриглась короче и немного похудела. В ее миндалевидных карих глазах мелькнула холодная, отстраненная насмешка, она скупно улыбнулась:

— Спасибо.

— Как поживаешь?

— Хорошо. Так что ты хотел?

Она явно не была настроена на дружескую беседу, за что он был ей очень благодарен.

— Хочу попросить тебя об одной услуге.

— Ты уже вчера говорил. Что конкретно?

— Мне нужно, чтобы ты нарисовала портрет человека по моему описанию.

Официант принес ее чай. Она принялась дуть на него, задумчиво глядя на Виктора.

— Значит, нарисовать...

— Мужчину, которого я видел. Я хорошо запомнил его лицо. Так что будет нетрудно.

— Зачем тебе его портрет? Что-то случилось?

Виктор засомневался, стоит ли посвящать ее в это дело. Вероника выжидающе смотрела на него, отхлебывая чай.

— Ника, я думаю... что чем меньше ты знаешь, тем будет лучше.

Она чуть не поперхнулась и еле сдержалась, чтобы не расхохотаться, притворно прикрыв рот рукой.

— Давай без этой фигни, Витя. Что там у тебя?

— Возможно, я в опасности...

— А дальше? Ты криминальный репортер — это входит в твои служебные обязанности. Или ты рассказываешь мне, в чем дело, или я пошла.

Он улыбнулся:

— А ты не изменилась.

— А что, должна была? Мы расстались несколько месяцев назад. Тебе кажется, это такой большой срок?

Разговор стал отклоняться в сторону, которой ему так или иначе совсем не хотелось касаться, поэтому он нагнулся к Нике и, понизив голос, сказал:

— Ты когда-нибудь слышала о трагедии на перевале Дятлова?

Она удивленно вскинула брови, как делала всегда, когда он ляпал что-нибудь неожиданное или глупое.

— Да, — произнесла она, секунду помедлив, — слышала.

— Правда?

— Все, кому хоть что-нибудь известно про Свердловскую область, знают и об этом случае.

— Я, например, не знал.

Она ухмыльнулась:

— Ну да...

Он вздохнул:

— В любом случае, у меня на руках оказались кое-какие документы, которые могут пролить свет на загадочную смерть группы Игоря Дятлова.

Вероника посмотрела на него молча, кивнула и поставила чашку на стол.

— И что за документы?

— Просто... документы.

— Витя!

— Ладно, ладно. Это медицинские отчеты, металлургическая экспертиза — все в таком духе.

— И как же они к тебе попали?

— Вот поэтому-то я и хотел с тобой встретиться.

Он рассказал ей о том, как за ним следил старик, о том, как он попытался его сфотографировать, и о том, как кто-то оставил документы в его почтовом ящике, взломав замок.

Он закончил, и Вероника снова принялась прихлебывать чай, видимо размышляя. Наконец она сказала:

— Ты же знаешь, что велось официальное расследование происшествия, но не вся информация была обнародована.

— Точно. И я полагаю, что у меня находится как раз та самая недостающая информация. Я встречался с Вадимом Константиновым, он годами собирал материал по этому делу. И мне нужно, чтобы ты нарисовала старика по моему описанию и я смог показать рисунок Константинову.

— Чтобы посмотреть, опознает ли он его?

— Да, именно.

— А что, если опознает и вы выясните, кто этот человек?

— Постараюсь связаться с ним...

— Чтобы тебя арестовали... Или еще хуже, — добавила Вероника. — Послушай, Витя, если эти документы настоящие, они попали к тебе нелегально. А ты еще собираешься лезть на рожон.

Он пожал плечами:

— Ты же сама сказала: я — криминальный репортер.

— Почему тебя интересует это дело? Ты по нему статью пишешь?

Он кивнул в ответ:

— В «Газете» дела у меня не ахти. И похоже, это мой последний шанс сделать что-то качественное,

иначе Максимов покажет мне на дверь.

— Он знает о документах?

— Нет, я еще никому не говорил.

Вероника посмотрела на него, промолчав.

— Ну так что? — произнес он через пару секунд. — Ты мне поможешь?

— А что в этих документах? Разгадка происшедшего?

— Я не уверен, — честно ответил он, — но в них какие-то невероятные подробности.

— Например?

— Несколько фотографий, судя по которым Дятлов с группой провели какое-то время в лесу недалеко от их последнего лагеря на Холат-Сяхыл. И похоже, они обнаружили там что-то странное.

— Что?

Он описал, что было на фотографиях. Сделал он это, разумеется, вопреки желанию, но Вероника умела настоять на своем. Он не сомневался, что она просто встала бы и ушла, откажись он говорить. Она была фантастически любопытна, поэтому Виктор постоянно шутил, что это бы ей надо быть репортером, а не ему.

Вероника молча слушала, глядя ему прямо в глаза. Когда он закончил свой рассказ, она выдохнула:

— Боже мой! Ты прав, это абсолютно новая информация. И все эти находки... инсталляция, «котел»... на Урале ничего такого раньше не встречали.

Виктор поискал глазами официанта, чтобы заказать еще кофе, но услышав последние слова Вероники, он повернулся к ней, нахмурившись. Как-то странно прозвучала эта фраза.

— *На Урале* не видели? — переспросил он. — Что ты хочешь этим сказать? Что где-то в другом месте *видели*?

— Видели — по крайней мере, если судить по рассказам.

— Что за рассказы? О чем ты говоришь, Ника?

— Ты помнишь Евгения?

Он задумался на несколько секунд.

— Евгений? Это который мент? Твой друг?

Евгений работал на ВИЗе, Виктор видел его только раз, полгода назад.

Она кивнула в ответ:

— Евгений увлекается историей, непрофессионально конечно, и особенно неразгаданными историческими тайнами. Это, можно сказать, его хобби, в свободное время он что-нибудь исследует. Говорит, что когда-нибудь напишет обо всем этом книгу. В общем, он мне рассказывал об инсталляциях в Сибири.

— Где конкретно?

— большей частью в Западной Якутии. Народности, проживающие там, называют это место «долиной смерти» и стараются избегать его. Они описывают некие странные железные дома в глубине тайги. Евгений говорит, про эти штуки уже сложены легенды.

— А их вообще кто-нибудь видел? — спросил Виктор.

— Сомневаюсь. Была пара экспедиций в тот район, но никаких бесспорных доказательств существования этих инсталляций не нашли. На самом деле, местность такая неизведанная, дикая. Ничего, кроме густых лесов — зимой покрытых снегом, летом — одни болота и мошара. Не уверена, что кому-то со стороны удавалось когда-либо обнаружить эти инсталляции или материальные доказательства их существования. — Она улыбнулась. — И вот сейчас их нашли в районе Холат-Сяхыл. — Она улыбнулась еще шире. — Невероятно... представляю, когда Евгений узнает об этом...

— Ты сумасшедшая! — прервал ее Виктор, но вышло слишком громко, так что некоторые посетители кафе оглянулись на них, поэтому он понизил голос до шепота: — Ему нельзя об этом говорить! Ника, я уже и

так, может быть, нарушил десяток статей просто потому, что имею на руках эти чертовы документы. А ты хочешь рассказать об этом менту?

Она поморщилась:

— Извини, не подумала. Ты прав, конечно же ему нельзя говорить. Тут я сглупила.

— Да ничего. Но мне действительно нужно быть очень осторожным. — Он задумался на секунду. — Может, Константинов знает что-нибудь об этих так называемых инсталляциях. Я могу спросить его при следующей встрече.

— И когда она будет?

— Скоро. В общем, Ника, я тебе рассказал все, что знаю. Поможешь мне?

Ника потянулась за своей сумкой, достала оттуда большой блокнот для набросков и карандаш. Она пролистала блокнот до чистого листа, и Виктор успел заметить зарисовки городских видов. Очень красивые, он бы с удовольствием рассмотрел их получше. Не в первый раз он позавидовал таланту Ники.

— Начинай, — скомандовала она.

Через десять минут она развернула блокнот к нему и показала результат.

— Ника, ты гений!

Набросок с поразительной точностью воспроизводил старика.

— Когда ты увидишься с этим Константиновым?

— Сегодня.

— Не против, если я присоединюсь?

Его удивленное лицо было так красноречиво, что она улыбнулась.

— Присоединишься? — переспросил он.

— Я бы хотела встретиться с ним.

— Зачем?

— Зачем? Ты что, правда не понимаешь? После всего, что ты мне тут рассказал?!

Первым побуждением Виктора было сказать нет. Он не собирался впутывать Веронику. Он и сам играл с огнем, держа у себя секретные государственные документы. Он понятия не имел, что вообще будет дальше, но если дело выйдет дрянью, то ему бы не хотелось тянуть ее за собой.

Он все еще сильно ее любил.

Он попытался все это ей объяснить, но она только рассердилась.

— Ну это просто свинство! Ты являешься со своим звонком как гром среди ясного неба, просишь помощи, а когда я тебе помогла — все, спасибо и пока! Так, что ли?

— Все совсем не так, Ника!

— Именно так. Ты что, не понимаешь, что происходит?

— В том-то и дело, что я не знаю, что происходит. Понятия не имею! И все это может оказаться очень опасным.

— А может стать сенсацией, которая взорвет мир!

— Да, если раньше не взорвется под твоими ногами.

Вероника сердито посмотрела на него, потом схватила набросок и, зажав его между двумя пальцами, помахала у Виктора перед носом — как сахарной косточкой перед дворовым псом.

— Ну что, Витя, тебе это нужно или нет? Если нужно, то и меня придется взять в придачу.

Он вздохнул:

— Черт возьми, Вероника, поверить не могу, что ты так поступаешь.

— Поверь.

— Неужели ты не видишь, что я пытаюсь защитить тебя? Один человек уже точно меня выследил и знает, где я живу. И неизвестно, кто еще мной интересуется. Я не хочу тебя впутывать...

— Ты уже впутал.

И ведь это было правдой. Виктор вдруг запоздало понял, что не стоило назначать встречу в людном месте: нужно было попросить ее прийти к нему домой или встретиться у нее. В тот момент он очень надеялся, что никому из них не придется заплатить за его ошибку.

— Так да или нет? Решай уже.

Он взял набросок у нее из рук, медленно и аккуратно его свернул и положил в карман пальто.

— Хорошо, — произнес он, — но сначала нам нужно зайти ко мне, взять досье и ключ.

— Что за ключ?

— Он был приклеен внутри конверта вместе с кодом сейфа в Уралпромстройбанке.

— Есть какие-то догадки, что в сейфе?

— Пока никаких. Идем?

Глава восьмая

— Не ожидал увидеть вас так скоро, — сказал Константинов, — да еще в такой очаровательной компании!

— Это моя подруга — Вероника Ивашева, — ответил Виктор, чувствуя небольшую неловкость, словно бы он пытался пройти на вечеринку, на которую его никто не приглашал. Впрочем, ощущение это тут же и улетучилось: ведь именно он принес на *эту вечеринку* изысканное лакомство.

Константинов пропустил их в квартиру, успев смерить Нику едва заметным оценивающим взглядом. Закрыв дверь и протянул ей руку:

— Очень приятно.

— И мне тоже, — ответила она, улыбнувшись.

— Вадим, я и сам не ожидал, что приду так скоро. Но вчера случилось нечто, и мне нужен ваш совет.

— Да? — откликнулся Константинов, жестом приглашая их в комнату. — И что же случилось?

— Со мной на связь вышел кто-то знающий очень много о трагедии на перевале Дятлова.

Константинов попросил их сесть, но сам остался стоять, скрестив руки на груди. Он смотрел то на Нику, то на Виктора, сильно хмурясь.

— Кто вышел с вами на связь?

— Я не знаю. — И Виктор повторил историю, только что рассказанную Нике в кафе. — Я описал этого человека Веронике. Она очень талантливый художник, и ей удалось нарисовать его.

Виктор вынул из кармана набросок и протянул Константинову. Тот быстро развернул его, нахмурился еще сильнее и шепотом произнес:

— Боже мой, это же Лишин.

Виктор сдвинулся на самый краешек стула:

— Вы его знаете?

— Я видел его только раз, — тихо сказал Константинов. — Это Эдуард Лишин. — Он посмотрел на Нику. — Виктор прав, у вас невероятный талант.

— Спасибо, — ответила она, встретившись с ним взглядом. Все это время она с неподдельным интересом разглядывала комнату.

— Лет двадцать, наверное, назад я с ним встречался, но... вы так хорошо его нарисовали, что сомнений быть не может — это Лишин.

— Вы можете о нем рассказать? — спросил Виктор.

Константинов присел напротив.

— Раньше он служил в КГБ. К расследованию этого случая в 1959 году его подключили в самом начале, чтобы он докладывал о его ходе Свердловскому обкому партии. Но, вообще, он осуществлял контроль, работая на Москву. Тогда ему было лет тридцать пять. Он ушел в отставку незадолго до падения Берлинской стены и с тех пор, как казалось, жил тихо и неприметно. По правде говоря, я думал, что он уже умер.

— Как бы не так, — ответил Виктор, — жив-здоров и бегаёт за мной по всему Екатеринбургу.

— Вы сказали, что он с вами связался. Очевидно, не напрямую — иначе бы вы знали, кто он такой. Тогда как вы общаетесь?

— Вчера кто-то положил мне в почтовый ящик документы. Думаю, это был Лишин.

Константинов встrepенулcя:

— Документы?

Виктор протянул ему конверт. Константинов без единого слова взял его и открыл. Он несколько оторопел, увидев ключ, потом принялся внимательно и не спеша изучать фотографии. При виде инсталляции у него вырвался возглас изумления.

— Вероника говорит, что подобные штуки видели и в других местах, — сказал Виктор, — в Западной Якутии, например. Они хорошо известны коренному населению.

— Она права, — ответил Константинов очень тихо, еще раз перебирая фотографии. При этом он качал головой, как будто не мог поверить тому, что видел. Виктор его прекрасно понимал.

— У вас есть какие-либо соображения, что это может быть, профессор? — спросила Вероника.

— Пожалуйста, называйте меня Вадим, — попросил он, не глядя на нее, но на вопрос так и не ответил.

Тогда вмешался Виктор:

— Что бы это ни было, оно существует не только в Якутии. Вы когда-нибудь слышали о подобных находках здесь, в области?

— Нет, не слышал. Но легенды о них изучал. Профессия моя такая, сами понимаете.

— И что вы можете о них рассказать?

Константинов отложил фотографии в сторону и начал листать бумаги:

— Виктор, может, сделаете нам кофе? Все необходимое на кухне.

Улыбнувшись, Виктор ответил:

— Конечно.

Он понимал, как Константинову не терпится прочитать эти документы после стольких лет безуспешных поисков разгадки таинственной гибели группы Дятлова.

— Я с тобой, — сказала Вероника.

Вместе они нашли кухню и сделали то, о чем просил Константинов. Пока варился кофе, они расставили на подносе чашки, не сказав друг другу ни слова. Да и не хотелось ничего говорить, по крайней мере в ту минуту. Они ожидали реакции Константинова на принесенные ими материалы, словно некоего вердикта или

приговора. Было странное предчувствие, что от истины их отделяет один момент. Только со временем Виктор понял, насколько верным было это предчувствие.

Они вернулись в комнату с подносом. Константинов сидел в глубоких раздумьях.

— Итак... — сказал Виктор, усаживаясь напротив него; Ника наливала для всех кофе. — Что вы об этом думаете?

— Думаю, это первый реальный прорыв в расследовании. За столько лет — первый прорыв. Документы, без сомнения, настоящие, и они раскрывают случай на перевале Дятлова с той стороны, о которой никто, кроме КГБ, даже не подозревал. Спасибо, что показали их мне, Виктор.

— Я больше и не смог бы никому их показать, разве что Юрию Юдину...

— Юрию... — почти шепотом повторил Константинов. — Он и я — единственные, кто остался... — И он замолчал.

Виктор повторил свой вопрос:

— Что вы можете рассказать, Вадим? Эти инсталляции и «котлы»... что это? Кто их сделал и зачем?

Константинов улыбнулся:

— Боюсь, на эти вопросы у меня нет ответа. Но я могу рассказать, что по этому поводу говорится в преданиях и легендах Якутии.

— Расскажите. Может, это пригодится.

— Да, возможно. Я всю жизнь исследую фольклор нашей страны и зарубежный и всегда поражался, находя в нем параллели с современными реалиями и загадками, на которые так упрямо закрывает глаза наша консервативная наука. Возьмем легенды народов Якутии. В них содержится множество упоминаний странных взрывов и огненных шаров.

— Шаров?

— Именно. Многие такие легенды уходят корнями к непонятым объектам, которые видели пастухи-оленеводы в районе Елюю Черкечех — «долине смерти», — эти объекты очень напоминают то, что запечатлено здесь на одной фотографии. Первый шар появился давным-давно — много веков назад. Это событие нашло отражение в эпических поэмах олонхо, повествующих о том, как великая тьма окутала всю землю, поднялся страшный ураган и молния зажгла все небо. Когда тьма рассеялась, люди увидели огромный круг выжженной земли, в центре его возвышалось некое сооружение, издававшее странный пронзительный гул. В течение нескольких недель сооружение это постепенно уходило под землю, пока не исчезло совсем, оставив после себя большую вертикальную шахту. Временами у жерла этой шахты видели парящий объект, который пастухи называли «вращающимся островом». Особо любопытные люди отваживались заходить на эту территорию, но назад уже не возвращались. Много лет спустя там произошло сильнейшее землетрясение. Появился огромный огненный шар, который скрылся за горизонтом — в направлении земель соседнего племени и произвел там свое разрушительное действие. Поскольку это племя было враждебно якутам, они решили, что шар — их демон-защитник. Его называли Нюргун Боотур, что значит «огненный удалец». Еще много лет прошло, и появился еще один огненный шар из земли в том месте, откуда выросло и ушло обратно под землю странное сооружение. Он взорвался, вызвав землетрясение и превратив землю вокруг в геенну огненную. «Вращающийся остров» вернулся и кружил над пожарищем. Якуты и соседнее племя в ужасе бежали от воцарившегося хаоса, у многих позже начались странные болезни. Еще через шестьсот лет из земли снова появился шар, после которого небо разорвалось

на части, его в олонхо называют Уот Усуму Тонг Дуурай, что значит «преступный пришелец, продырявивший землю и укрывшийся в глубине, огненным смерчем уничтожающий все вокруг». В глазах якутов все эти явления, естественно, приобрели человеческие черты. Тонг Дуурай стал антигероем, а Нюргун Боотур — защитником народа. В одном из эпизодов олонхо «огненный удалец» выходит из-под земли, чтобы вступить в битву с «преступным пришельцем». Но началось все с появления странного сияющего сооружения, которое потом ушло под землю. — Константинов постучал указательным пальцем по фотографии с инсталляцией: — Я думаю, что вот *это* вполне может быть таким же объектом, о котором говорится в якутском эпосе. На сегодняшний день якуты называют их *олгуй* — «котлы» и *хелдью* — «железные дома».

— А кроме якутов их кто-нибудь видел?

— Есть несколько историй, о том, что современные путешественники натыкались на них случайно, — ответил Константинов. — Некоторые звучат довольно правдоподобно, должен заметить. Некий Михаил Корецкий заявлял, что побывал в «долине смерти» три раза в период с 1933 по 1947 год. Во время этих путешествий он видел «котлы» диаметром шесть и девять метров, частично углубленные в землю. Растительность вокруг них казалась странной — более буйной, трава была вдвое выше человеческого роста, листья лопуха просто гигантские. Он утверждал, что он и его товарищи переночевали в одном из «котлов». Сама ночь прошла без происшествий, но в течение следующего месяца у одного из его спутников выпали все волосы, а у самого Корецкого на щеке образовались два нарыва, которые так и не зажили.

— По-видимому, у них развилась та самая странная болезнь, о которой говорят якуты в своей поэме, —

сказала Вероника.

Константинов слегка улыбнулся ей:

— Вы тоже заметили, да?

— Неужели нет никаких версий об этих «котлах»? — спросил Виктор. Легенды и эпос у якутов занимательные, но как-то не верилось, что, кроме них да неподтвержденных рассказов путешественников, ничего нет.

— Наиболее интересная версия, к сожалению, выглядит наименее достоверной, — ответил Константинов. — Ее выдвинул российский уфолог Валерий Уваров. Он полагает, что инсталляции и «котлы» связаны с мощной электростанцией глубоко под землей.

— С электростанцией? Но зачем она там?

— Чтобы защитить планету от опасностей, грозящих ей из неизведанного космоса.

— И кто же ее соорудил?

Константинов пожал плечами:

— Возможно, инопланетяне... возможно древняя, неизвестная нам цивилизация высокоразвитых людей.

Виктор покачал головой:

— Извините, Вадим, но я даже с оговорками не решусь в это поверить.

Константинов слабо улыбнулся:

— Я же сказал, что это наименее правдоподобная версия. Однако смотрите: согласно гипотезе Уварова, этот... оборонный комплекс — называйте его как угодно — в 1908 году сбил Тунгусский метеорит, прежде чем тот достиг поверхности Земли. Так же он взорвал Чулымский метеорит в 1984 году и Витимский в 2002-м. А якутские легенды рассказывают, что из шахты, куда ушло сияющее сооружение, вырываются огненные столбы, которые обрушиваются на сильных врагов, прилетающих с неба.

— То есть вы думаете, что в этих легендах описывается падение метеоритов, разрушенных в атмосфере? — спросила Вероника.

— Я всего лишь говорю, что такая возможность существует. Очень маловероятная, но это возможность.

Взгляд Виктора упал на документы, лежащие на журнальном столике, и он сказал:

— Если в КГБ знали о якутских инсталляциях и «котлах» (а они определенно про это знали, раз назвали объект, обнаруженный в окрестностях Холат-Сяхыл, тем же словом — «котел»), тогда они должны были послать туда экспедицию, чтобы его исследовать. Возможно, поэтому территория в этом районе в течение нескольких лет после трагедии на перевале была запретной зоной. Может быть, это и есть проект «Сварог».

Константинов взял один из документов и снова углубился в его изучение.

— Я никогда раньше не видел этот символ, — сказал Виктор. — В нем может быть подсказка. Вы знаете, что это?

— Да, — ответил Константинов.

— Правда?

Константинов подошел к стеллажам и достал с полки толстую книгу в кожаном переплете, открыл на какой-то странице и передал ее Виктору и Веронике.

Там была репродукция деревянной резьбы. Она выглядела довольно примитивно, но изображение в точности совпадало с символом проекта «Сварог»:

— Это, — прокомментировал Константинов, — символ Перуна.

Виктор нахмурился:

— Перуна?

— Бог грома и молнии в славянской мифологии, аналог скандинавского Тора. Но в отличие от Тора, Перун был высшим божеством для древнеславянских племен, так что в этом отношении его следовало бы сравнивать с Одином. Так или иначе, этот символ часто вырезался на кровельных стропилах деревенских домов, чтобы защитить их от попадания молнии. Кстати, предположительно, его круглая форма символизирует шаровую молнию.

Виктор бросил на Константинова быстрый взгляд:

— Шаровую молнию?

— «Кстати»? — переспросила Ника.

Константинов тоже посмотрел на Виктора, и того осенило:

— Боже мой, вы думаете, что здесь есть какая-то связь?

— Простите, — перебила Ника, — шаровая молния...

— О, извините меня, — поспешно ответил ей Константинов, присаживаясь рядом. — По своей сути шаровая молния — это слабо изученное атмосферное явление, иногда связанное с грозой. Это не обычная молния, которая разряжается за долю секунды; шаровая молния может существовать несколько секунд. Ее форма тоже остается загадкой и, как подсказывает название, представляет собой шар.

— Шар... — отозвался эхом Виктор. — Шарами были и те непонятные объекты, которые видели студенты-географы в ночь гибели группы Дятлова. И здесь тоже шар, — он поднял, показывая всем, фотографию с подписью: «Возможно, летающий шар».

— Хорошо, — сказала Ника, — мы знаем, что означает этот символ, хотя нам неизвестно, почему выбран именно он. А Сварог?

— Это божество неба в древнеславянской мифологии, — ответил Константинов.

Вероника вздохнула:

— Кто бы ни стоял за этим «Сварогом», они определенно увлекаются языческой мифологией.

— Да, — пробормотал Константинов, — да... увлекаются.

— Во всяком случае, — сказал Виктор, — не похоже, что они нашли какую-то разгадку, а может, нашли, но не включили в это досье.

Константинов посмотрел на него в задумчивом молчании и затем произнес:

— Думаю, мы и так получили предостаточно.

— Но ведь может быть и больше. Вы знаете, где живет этот Эдуард Лишин?

Константинов вскинул брови и рассмеялся:

— Зачем? Вы что, думаете заглянуть к нему домой и попросить оставшуюся часть архивов КГБ?

— Да, — просто ответил Виктор.

— На вашем месте я бы не стал этого делать. Даже в мыслях.

— Почему нет? В конце концов, это он связался со мной.

— Да, и я бы сказал, вам крупно повезло, что вы до сих пор живы и свободны. Возможно, Лишин имел доступ только к этим документам, а возможно, ко всем, но вам передал только то, что счел нужным. Не испытывайте судьбу, Виктор.

— Может быть, он собирается передать тебе остальное, но позже, — предположила Вероника.

— Возможно, — согласился Константинов, — но я бы на это не рассчитывал и, конечно же, не стал бы давить на Лишина.

— Я все пытаюсь понять одну вещь, — сказал Виктор, — почему Лишин передал досье именно мне? Почему не вам? Ведь вы официально занимались случаем на перевале Дятлова — разве не вы самая подходящая кандидатура, чтобы получить эту информацию?

— Я тоже об этом думал, — ответил Константинов. — И единственное, что могу предположить: Лишин подозревает, что за ним следит ФСБ, и светиться со мной для него рискованно.

— Но я видел его прямо у вашего дома. Если бы за ним была слежка, он бы даже близко не подошел к этой улице.

— Если бы только не почувствовал, что риск того стоит, — предположил Константинов. — Видимо, он пытался навести вас на мысль связать его появление с фондом Дятлова.

— Но к чему все это? — спросила Вероника. — Почему бы просто не оставить досье в почтовом ящике? Зачем вся эта шпионская мишура?

— Могу назвать предположительно две причины, — ответил Константинов. — Первая: он знал, что Виктор либо сфотографирует его, либо опишет мне, а я его опознаю и дам подтверждение, что он работал в расследовании на перевале Дятлова. Это докажет, что переданные им документы подлинные. Вторая: Лишин всю свою жизнь был агентом КГБ, и вся эта «шпионская мишура», как вы выразились, всего лишь менталитет таких людей. Вы должны понимать, что у разведчиков мозг работает особым образом: интригански изощренно и запутанно. В каком-то смысле для агентов их работа сродни сложной игре, и Лишин, даже будучи уже стариком, не исключение.

— Есть еще одна версия, — сказал Виктор.

Вероника бросила на него быстрый взгляд:

— Какая же?

— Лишин не хочет просто исчезнуть в неизвестности. Возможно, это досье — оставленная нам визитная карточка, и он действительно намеревается открыть что-то еще.

— Вадим, — обернулась Вероника к Константинову, — вы говорили, что однажды

встречались с ним. Как это случилось?

— Его имя всплыло во время моего расследования, — ответил Константинов, — я связался с ним в начале девяностых. И хотя он согласился встретиться со мной, никакой полезной информации я от него не получил. Однако у меня возникло впечатление, что он знает гораздо больше, чем говорит, что он борется со своей совестью и хочет рассказать больше, но не может. По крайней мере, тогда не мог.

— А теперь совесть победила, — сказала Вероника.

— Или, возможно, появилось некое неизвестное нам обстоятельство, побудившее его к действию, — предположил Константинов.

— Неизвестное обстоятельство? — переспросил Виктор. — Что вы хотите сказать?

Константинов взял фотографию с изображением инсталляции и задумчиво посмотрел на нее:

— Вас не удивляет, почему раньше никто этого не видел? — спросил он.

— Не понимаю, о чем вы.

— Подумайте, Виктор. Тогда, в пятидесятые, как мы все знаем, это место было очень популярно среди поклонников спортивного туризма, да и со времени трагедии прошло пятьдесят лет — в тех местах побывала масса людей. Почему никто этого не видел, не сообщил об этом? Или о других явлениях, с которыми столкнулась группа Дятлова?

Виктор попытался ответить, но догадок не было. Он беспомощно замотал головой:

— Никаких мыслей. Но вы правы. Кто-то должен был заметить инсталляции и рассказать об этом. Отортен и Холат-Сяхыл — удаленные места, но не настолько же! — Он вспомнил якутские легенды о странных объектах, уходящих под землю и появляющихся оттуда. — А что, если... — начал он и осекся.

— Продолжайте, — попросил Константинов.

— Вообще... есть три возможности. Первая: в течение пятидесяти лет после случая с группой Дятлова и бог знает сколько лет до него эти объекты в районе Холат-Сяхыл просто никому не попадались на глаза. Но это вряд ли, если эти штуки там действительно существуют. Вторая возможность: кто-то их видел, но не стал об этом сообщать — тоже, думаю, маловероятно.

— А третья? — спросила Вероника.

Виктор смущенно рассмеялся:

— Третья еще менее вероятна, но в ней есть здравый смысл. Каким-то образом эти штуковины могут прятаться. — Он посмотрел сначала на Константинова, потом на Веронику. — Если якутские легенды не лгут, то эти инсталляции могут уходить под землю и снова выходить на поверхность. И если это какие-то механизмы, то они до сих пор функционируют. Не важно, по какому принципу, но они работают.

Константинов долго смотрел на него, расплываясь в насмешливой улыбке:

— Знаете, Виктор, мне кажется, еще вчера вы скептически относились к подобного рода вещам.

Виктор взял снимок с изображением инсталляции:

— Трудно спорить против таких улик.

Вероника посмотрела на них обоих:

— Так к чему мы приходим в итоге? У нас есть куча информации. И что нам с ней делать?

— Разве не очевидно? — спросил Константинов. Он взял в руки карту местности — с красными кружками и пометками. — Мы отправимся туда. Организуем собственную экспедицию, будем искать ответ сами. Эта карта не та, что была у Дятлова — скорее всего, это государственный документ. На ней точные координаты находящихся в лесу объектов, что еще раз подтверждает, что проводилось тайное расследование. Нам нужно лишь следовать указанному направлению.

— Искать отмеченные места, — сказала Вероника.

Константинов ухмыльнулся:

— Именно.

— Собственную экспедицию... — повторил Виктор, — и кого вы думаете взять с собой?

— Ну, прежде всего, я и вы, Виктор, — конечно, если хотите...

— Да, хочу, хотя не знаю, много ли от меня толку будет.

— А как насчет того, чтобы побыть хроникером? Вы можете вести полевой журнал, записывать наблюдения и реакцию членов команды. Очень важная работа, могу вас уверить. Кроме того, именно благодаря вам в расследовании наступил прорыв, и я хотел бы видеть вас рядом с собой, вы это заслужили.

— Хорошо. А кто еще?

— Одно имя пришло мне на ум сразу. Алиса Черникова. Она физик, работает в УПИ и очень умная.

— Захочет ли она пойти? — спросила Вероника.

— Думаю, что да. Я много раз обсуждал с ней дело о перевале Дятлова, она очень заинтересовалась этой загадкой. На самом деле Алиса уже участвовала в моей экспедиции в 2007 году. Теперь ей будет еще интереснее, — добавил он, постучав ладонью по фотографиям.

— Так, значит, нас уже трое, — сказал Виктор.

— Четверо, — поправила Вероника.

Константинов удивленно взглянул на нее:

— Четверо?

— Вам же нужен будет фотограф, помимо хроникера. А с фотоаппаратом я управляюсь так же, как и с карандашом.

Виктор промолчал: он слишком уважал Нику, чтобы начать спорить с ней перед Константиновым. Но идея взять ее в экспедицию ему не понравилась. Даже представить невозможно, что их ждет в лесу, они идут

навстречу той же судьбе, которую встретила группа Дятлова десятки лет назад. Виктор был готов на риск, но он не хотел рисковать Никой. Краткий миг он отчаянно надеялся, что Константинов откажет ей, но тот улыбнулся:

— Прекрасная идея, Вероника. Жаль, что мне самому она не пришла в голову — слишком меня взволновало сегодняшнее открытие, — весело сказал Константинов, указывая на ворох бумаг из досье Лишина. Но тут он заметил взгляд, который Виктор бросил на Веронику, и его улыбка погасла.

— Решено, — твердо произнесла Ника, — когда выдвигаемся?

— Мне нужно несколько дней для всех приготовлений, — ответил Константинов. — Я должен связаться с Алисой, объяснить ей ситуацию. Потом необходимо собрать продовольствие, оборудование и организовать транспорт. Возможно, на это уйдет три дня. После чего уже можно будет отправляться. Но есть одна важная вещь, которую необходимо сделать в первую очередь. — Он вынул ключ из конверта и поднял его вверх. — Нужно пойти в Уралпромстройбанк и проверить, что лежит в сейфе.

Глава девятая

Константинов позвонил в Уралпромстройбанк — уточнить время работы. По субботам банк работал с девяти до пяти. Виктор предложил поехать на машине: что бы ни лежало в сейфе, он не хотел разгуливать по городу на виду у всех с *этим* в руках. Вдруг Эдуард Лишин находится под наблюдением? По этой же причине он попросил Нику подождать в квартире Константинова, пока они съездят в банк. Она, разумеется, не хотела оставаться, но сочла его рассуждения логичными и скрепя сердце согласилась.

Поехали на машине Виктора. На улицах в выходной день было полно народу, на дорогах пробки. Им с трудом удалось найти место для парковки на улице Жукова, где находился банк.

Виктор благодарил бога, что вокруг многолюдно. И пока они шли среди толкавшихся, спешивших прохожих, он странным образом чувствовал себя защищенным — он был всего лишь одним, ничем не приметным человеком из субботней толпы. Он старался сохранить этот настрой, но чем ближе они подходили к банку, тем труднее было оставаться спокойным. Ему мерещилось, как у обочины с визгом останавливается автомобиль и чьи-то руки затягивают его внутрь темного салона, а проходящие мимо прохожие лишь в страхе оглядываются на происходящее.

Сердце его уже всю колотилось, когда они подходили к главному входу банка. Он пытался придать походке развязность, чтобы не выдать свое волнение и не привлечь к себе внимание. Бесконечный людской поток перестал казаться ему прикрытием — ему всюду мерещились агенты госразведки, которые не должны допустить, чтобы содержимое сейфа попало в чужие

руки. Виктор украдкой изучал лица проходящих мимо, ожидая, что вот сейчас его пригвоздят встречным взглядом и чьи-то невидимые руки схватят сзади...

Тем временем они благополучно поднялись на крыльцо, прошли по мраморному полу холла и оказались перед стойкой администратора. Виктор очень надеялся, что работавшая за ней девушка не заметит выступивший у него лбу, несмотря на холодную погоду, пот.

— Могу я вам помочь? — спросила она, заученно улыбаясь.

— Да, — ответил Виктор, — мы бы хотели забрать содержимое своей ячейки.

— Конечно. Пожалуйста, напишите здесь ваш номер счета, — сказала она, протягивая Виктору бланк.

Заставляя себя дышать ровно, он заполнил форму и отдал ей обратно. Она куда-то позвонила, и почти моментально рядом с ней появился мужчина в строгом костюме.

— Пожалуйста, следуйте за мной.

Он провел их через холл к двери, затем вдоль по коридору, который заканчивался бронированным тупиком. Мужчина вытащил пластиковую карту, провел ею по картридеру на стене и ввел код из нескольких цифр.

С громким звуком мощной гидравлики стена медленно сдвинулась в сторону, открывая взору хранилище. Это было помещение около десяти квадратных метров, внутри горел холодный приглушенный свет, исходящий от светильников на потолке. По каждой стене тянулись секции пронумерованных ячеек разных размеров.

Консультант подошел к одной из них, показал на замок и кивнул в сторону следующей двери:

— Здесь вход в личные кабинки. Вы можете оставаться там сколько пожелаете. Когда закончите,

просто поставьте сейф обратно и закройте ячейку. Она блокируется автоматически. Если понадобится дополнительная помощь, нажмите кнопку на столе в кабине.

— Спасибо, — ответил Виктор.

Консультант улыбнулся им и покинул хранилище.

Ячейка, на которую он показал, была не очень большой: приблизительно пятнадцать на десять сантиметров. Они подошли к ней. Виктор посмотрел на Константинова, тот ободряюще улыбнулся в ответ. Тогда Стругацкий, набрав в грудь побольше воздуха, вставил ключ и открыл ячейку. Он вынул оттуда стальной сейф и отнес его в одну из кабинок. Константинов вошел следом и задернул за собой темно-синюю бархатную штору.

В кабине был стол, стул, телефон, факс и минилэптоп — как понял Виктор, подключенный к Интернету. Он поставил сейф на стол, снова глубоко вдохнул и открыл его.

Внутри была коробочка из чего-то, напоминающего дымчатое стекло. Рядом с ней лежал конверт обычных размеров. Виктор готов был схватить коробку и скорее сматываться, но, повинуясь внутреннему чутью, сдержался. Вместо этого он аккуратно открыл ее навесную крышку, чтобы посмотреть содержимое.

Он даже не заметил, что перестал дышать, и выдохнул только тогда, когда почувствовал боль в легких.

Он смотрел и не понимал, что видит.

Он перевел взгляд на Константинова, который тоже в удивлении вскинул брови и покачал головой.

Предмет внутри коробки был десяти сантиметров в длину и трех в ширину. Он был похож на кристалл в форме трапецоэдра, грани которого соединялись по середине длинной оси.

Но это был вовсе не камень.

Пока Виктор рассматривал эту штуку, ему показалось, что она изменяется, принимая новые многогранные формы, хотя глаза его подсказывали, что это не так. Цвет ее тоже был необычным: она мягко светилась бледно-розовым, постепенно начиная играть всей палитрой видимого и невидимого спектра — от инфракрасного до ультрафиолетового, загораясь всеми цветами радуги, и обратно. Виктор понимал, что это невозможно, что человеческий глаз не в состоянии различить инфракрасный и ультрафиолетовый спектры, но впечатление было сильнее.

Его вдруг озарило твердое убеждение, что эта штуковина, для чего бы она ни предназначалась, была создана не на Земле. Это так шокировало, что хотелось бежать, бежать как можно дальше от кристалла, чтобы никогда больше его не видеть. В тот момент Виктор почувствовал себя испуганным ребенком, неожиданно попавшим в мир, о существовании которого не подозревал. Эта невозможная штука была настоящей. Он не понимал, откуда она и для чего, но не сомневался, что она делает то, что не может ни один объект в известной ему разумной и рациональной вселенной.

— Что это? — прошептал он.

— Понятия не имею, — тихо ответил Константинов, — даже предположений нет. Выглядит так... будто *живое*.

Виктор посмотрел на него в ужасе, осознавая, что и сам подумал об этом.

Константинов открыл конверт и вынул из него несколько листов бумаги. На первом стоял заголовок:

ПРОЕКТ СВАРОГ

1 ИЮНЯ 1959 ГОДА

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ 131876-765

**ПО НАЙДЕННОМУ АРТЕФАКТУ
«АНТИПРИЗМА»**

Видя, что Константинов углубляется в содержание отчета, он положил руку ему на плечо, и сказал:

— Давайте, сначала доберемся до дома.

Константинов неохотно согласился:

— Наверное, вы правы.

Трясущимися руками Виктор закрыл крышку стеклянной коробочки. Сама мысль о том, что он понесет ее, пугала. Но выбора не было. Он осторожно опустил коробочку во внутренний карман пальто, а Константинов тем временем сложил бумаги в конверт.

Они поставили сейф обратно в ячейку и вышли из банка. Всю дорогу до дома Виктор считал минуты.

* * *

— Ну что? Как? — спросила Вероника, когда они зашли в квартиру.

Константинов с Виктором переглянулись. Ни один не мог толком объяснить, что они обнаружили.

Она прошла за ними в комнату:

— Ну давайте же, рассказывайте! Что в сейфе?

— Простите, Вероника, — извинился Константинов, — мы молчим потому, что... это никак... думаю, вам лучше увидеть собственными глазами.

Виктор достал коробочку из кармана и аккуратно поставил на журнальный столик, открыл. Вероника медленно присела и заглянула внутрь.

— Что это такое? — прошептала она после долгого молчания.

— Если бы я знал, — ответил Виктор.

— Что бы это ни было, — вмешался Константинов, доставая из коробочки конверт, — Лишин хотел, чтобы оно оказалось у нас.

Он вынул из конверта бумаги и разложил их на столике так, чтобы всем было видно.

ПРОЕКТ СВАРОГ

1 ИЮНЯ 1959 ГОДА

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ 131876-765

***ПО НАЙДЕННОМУ АРТЕФАКТУ
«АНТИПРИЗМА»***

Данный артефакт, который руководители проекта «Сварог» обозначили как «антипризма», был обнаружен в центральной части инсталляции в аномальной зоне № 3, на Северном Урале, 15 марта 1959 года. Извлечен

из инсталляции 9 апреля 1959 года. Извлечение было санкционировано доктором Леонидом Козерским и произведено после его анализа на месте обнаружения: Козерский заключил, что фактор риска при извлечении объекта остается в норме, и дал указание перевезти артефакт на Южный Урал, в Белорецк-15. Следует отметить, что это было сделано, несмотря на возражения доктора Антона Соловьева, считавшего, что антипризма обладает своего рода сознанием. Руководители проекта «Сварог» это мнение не разделяли.

Антипризму подвергли дальнейшему анализу в лаборатории необычных материалов в Белорецке-15. Результаты, однако, получились неубедительными, так как артефакт не поддается никаким формам проникающего анализа и пассивного зондирования. Бесспорно можно утверждать только, что антипризма становится неактивной, хотя не абсолютно, в присутствии тригональных кристаллов, например кварца. В связи с этим было принято решение хранить антипризму в кварцевом контейнере.

Заключение исследователей, если его можно таковым назвать, следующее: антипризма — результат передовых научных разработок, какими не обладает ни СССР, ни любое другое государство земного шара.

Первое открытие в понимании природы антипризмы было сделано после взаимосвязанных трагических случаев, произошедших с двумя героями Советского Союза, доктором Яковом Чужим и Олегом Мельниковым, которые дольше других членов исследовательской группы находились в

непосредственной близости с артефактом. Их вклад невозможно переоценить, хотя цена его оказалась слишком высокой.

Полная оценка этих двух случаев дана в отчете № 675544-143 «Психиатрическое обследование Якова Чужого и Олега Мельникова», здесь приводится краткое резюме:

Яков Чужой был физиком, а Мельников — специалистом по химическому анализу; оба ученых были прекрасными специалистами в своей области, преданно работавшими на благо советского народа. Им было поручено исследовать антипризму непосредственно после ее извлечения из инсталляции в аномальной зоне № 3. Они приступили к выполнению своих обязанностей с безукоризненным усердием и ответственностью. В связи с секретностью задания все их действия как в лаборатории необычных материалов, так и в нерабочие часы вне ее четко отслеживались.

Поэтому перемены в их поведении были замечены немедленно. Руководители проекта «Сварог» созвали экстренное совещание, на котором было высказано предположение, что эти изменения являются непосредственным результатом тесного контакта с антипризмой.

Обсуждалось несколько вариантов дальнейших действий: было решено, что, в связи с возникшими в ходе анализа артефакта трудностями, Чужого и Мельникова нужно оставить на рабочих местах для продолжения их исследований, но увеличить частоту проверок их физического и психического состояния с одного раза в неделю до трех раз.

Основанием для этого решения явилось предположение о том, что исследование природы артефакта пошло по ложному пути и что вместо наблюдения над самим артефактом полезнее будет пронаблюдать воздействие его на человека.

Эта новая серьезная программа наблюдения началась 1 мая 1959 года и продолжалась вплоть до самого момента смерти Чужого и Мельникова — 23 и 25 мая соответственно. Оба покончили жизнь самоубийством. Основные результаты этого наблюдения:

- в процессе продолжения работы с антипризмой у обоих наблюдаемых были обнаружены беспричинные изменения в поведении: раздражительность, провалы в кратковременной памяти, бессонница, повышенная чувствительность к громким шумам, нервозность;

- во время психологического обследования оба жаловались на странные кошмары в течение того краткого периода, на который удавалось заснуть. Поначалу они отказывались обсуждать содержание кошмаров, но, убежденные в необходимости это сделать, описали следующее: они оказываются в странном, спиралевидном месте, где присутствует нечто невидимое, но ужасно страшное; оба каждый раз просыпались до того, как могли увидеть это «нечто»;

- уже непосредственно перед смертью оба наблюдаемых заявляли, что слышат наяву голоса, которые производят очень низкие, гортанные звуки на языке, которого они не понимают. Они заявляли также, что время от времени они видят всплывающие изображения

странной местности, что еще больше усугубило их психическое состояние;

— наступил момент, когда Чужой и Мельников не смогли больше выносить эти видения и голоса. Руководителями проекта было решено освободить их от задания, но, к сожалению, оба ученых покончили жизнь самоубийством прежде, чем это решение вступило в действие.

Случай Чужого и Мельникова позволил сделать заключение, что антипризма — это устройство, осуществляющее коммуникацию, хотя нельзя утверждать, что это единственная его функция. Нам еще предстоит выяснить, с кем или чем оно осуществляет эту коммуникацию.

Результаты экспериментов с другими подопытными оказались несостоятельными (см. отчет № 788432-154 «Протокол № 7 психического обследования заключенных»).

КОНЕЦ КРАТКОГО ОТЧЕТА № 131876-765

— О боже! — произнесла Вероника, когда они закончили читать отчет. — Эта штука свела с ума двух человек.

— По меньшей мере двух, — поправил Константинов, — мы же не знаем, сколько несчастных было в списке этого седьмого протокола.

Виктор молчал. Он не знал, что ужаснее: то, что антипризма свела людей с ума, или то, что руководители проекта «Сварог» позволили этому случиться, то, что они отнесли к Чужому, Мельникову и другим, чьи имена здесь не были указаны, как к лабораторным крысам, жизнь которых можно

превратить в эксперимент, вести бездушные наблюдения и пунктуально фиксировать результаты.

Ему вдруг ужасно захотелось избавиться от этой антипризмы. Она внушала чувство брезгливого ужаса, которое он испытал бы, окажись сейчас на столе открытый пузырек с вирусом оспы.

— Вадим, что вы собираетесь делать с этой антипризмой? — спросила Вероника. — Ведь очевидно, что здесь ее держать нельзя — после того, что произошло с людьми.

— А что я могу с ней сделать? К тому же она не должна быть слишком опасной: судя по отчету, ее воздействие сводится к минимуму при воздействии кварца, из которого как раз сделан этот контейнер, а побочные эффекты возникают после долгого нахождения вблизи. Не думаю, что проведу с ней столько времени!

Виктор в недоумении посмотрел на него:

— Что вы хотите этим сказать?

— Лишин предоставил нам точные координаты места на Холат-Сяхыл, где наблюдались странные явления, и дал доступ вот к этому, — он показал на антипризму. — Упоминаемый в отчете доктор Соловьев был против решения извлекать ее из инсталляции. Полагаю, что намек ясен: Лишин хочет, чтобы мы вернули антипризму на место.

Вероника посмотрела на него с сомнением:

— А вам не кажется, Вадим, что у вас разыгралось воображение?

Он улыбнулся:

— Возможно, но я так чувствую.

— Если он хочет именно этого, почему сам не сделает? — спросила она.

— Если он думает, что за ним следят, — сказал Виктор, — то логично полагает, что ему просто не позволят это сделать. Вадим, вы сказали, что тогда, в

девяностые, вам показалось, что он борется со своей совестью, как будто хочет что-то рассказать. Может быть... — Виктор засомневался в своих словах, — может, он пытается сейчас все исправить?

Глава десятая

В тот же день чуть позже Виктор встретился с Максимовым. Редактору его новости показались настолько бредовыми, что он даже не рассердился:

— Что-что ты собираешься сделать?

— Присоединиться к экспедиционной группе Вадима Константинова, — повторил Виктор.

— Ты хочешь в рабочее время прогуляться в горы, чтобы выяснить, что случилось с группой Дятлова?

— Верно. Я располагаю кое-какой информацией, которая поможет нам в расследовании.

Максимов нервно провел рукой по своей лысеющей голове.

— Присядь, Витя, — сказал он.

Когда Виктор сел, Максимов подошел к двери, запер ее и вернулся за свой стол.

— Что за информация?

Виктор сделал глубокий вдох:

— Секретные материалы КГБ от бывшего агента.

Максимов уставился на него в изумлении, и Виктор почувствовал, что его распирает спросить имя этого человека. Но, видимо, редактор решил не задавать этот вопрос, по крайней мере сейчас, и спросил лишь:

— Откуда ты знаешь, что эти документы не поддельные?

— Константинов так считает, и я тоже.

— Ах, Константинов так считает, и ты тоже! Отличное доказательство!

Виктор выдавил улыбку и промолчал. Максимов озадаченно пытался прочитать выражение его лица. Открыл было рот, чтобы что-то сказать, но засомневался и лишь выдохнул.

— И что в этих документах?

— Много такого, что никогда не получало огласку, включая и это.

Виктор передал Максиму сделанные заранее копии фотографий из досье, и тот молча начал их просматривать одну за другой. Виктор попутно комментировал изображение.

Сердитые морщинки на лице Максимова постепенно разгладились. Он положил копии на стол и, ткнув указательным пальцем на снимок инсталляции, спросил:

— Что это?

— Мы не знаем.

— Думаю, это все подделка, — сказал Максимов сухо.

— Вы ошибаетесь.

— Этот Константинов тебя обманывает. Он сам все в фотошопе сделал — в отместку мне за то, что я когда-то отказался печатать его статью.

— Это полная чушь, и вы прекрасно это знаете.

— Что ты сказал?

— Вы отлично слышали. Извините, но вы не правы. Константинову было плевать, напечатают его в «Газете» или нет. Я встречался с ним, разговаривал и могу вас уверить: все, что его волнует, это возможность выяснить, что случилось с группой Игоря Дятлова.

— Хочешь поставить на кон свою работу? — спросил Максимов, откидываясь на спинку стула.

— Да.

Они долго смотрели друг на друга.

— Послушайте, — заговорил Виктор первым, подаваясь вперед, — согласно полученным мною сведениям, группа Дятлова провела по меньшей мере один день, а то и больше, в лесу южнее Холат-Сяхыл. Там они обнаружили и сфотографировали эти штуковины, которые, по-видимому, их так сильно напугали, что они боялись разбить свой лагерь в

лесу. И более чем вероятно, что это имеет какое-то отношение к их смерти. Кроме того, есть доказательства, что здесь замешаны военные.

— Военные?

Виктор рассказал ему о куске ткани, предположительно от военной формы, о найденных в палатке «лишних» вещах, которые Юрий Юдин не смог опознать, а также о двух телах, которые, по утверждению практикантки-медика, были обнаружены в овраге.

— Это уже не просто любопытный факт прошлого, — заключил он, — что-то в высшей степени странное произошло в том месте пятьдесят лет назад, и причина до сих пор находится там. Константинов в любом случае отправится туда — он собирает небольшую группу, об этом мы уже говорили. Думаю, что «Газете» следует командировать туда своего представителя. Когда вернусь, допишу статью, и уж тогда вы решите, стоит ее публиковать или нет. Если сочтете все фальсификацией, можете меня уволить. Мне все равно, потому что я уверен в обратном.

Максимов задумался. Неожиданно лицо его расплылось в улыбке.

— Наконец-то в тебе проснулись амбиции, Витя, — сказал он. — Наконец-то какая-то дерзость появилась.

— Ну спасибо, — ответил Виктор с сарказмом в голосе, который Максимов проигнорировал.

Возможно, отчасти им действительно двигали амбиции, и отрицать это было бы ложью. Но он хотел сделать больше, чем просто написать добротную статью для «Газеты», гораздо больше. Трудно было поверить: всего несколько дней назад он впервые услышал о группе Дятлове, но эта тайна успела его заразить. А содержимое досье Лишина только усилило стремление выяснить, что произошло в роковую ночь пятьдесят лет назад.

— Тебе понадобится фотограф, — сказал Максимов, прерывая мысли Виктора.

— Что вы сказали?

— Витя, мы же все-таки в газете работаем. Нам нужны фотографии.

— Об этом уже позаботились.

— Кто? Константинов, что ли?

— Вы знаете Веронику Ивашеву?

— Которая в милиции на опознании работает?

— Она и с фотоаппаратом неплохо управляется.

— И при этом твоя бывшая.

Виктор промолчал.

Максимов вздохнул.

— Хорошо, можешь взять ее, если хочешь, — сказал он так, словно был руководителем экспедиции. — Когда вы планируете отправиться?

— Через несколько дней. Константинову нужно время подготовиться, собрать оборудование, запас продовольствия, организовать транспорт и все такое.

Максимов одобрительно кивнул и очень тихо добавил:

— Витя, как ты думаешь, что вы там найдете?

Виктор задумался на время, но произнес единственную фразу:

— Не знаю.

Максимов опять вздохнул:

— Видишь ли, во все это так трудно поверить...

— Вы это мне говорите? Да я сам до конца не могу поверить. Нам предоставили столько фактов, но все они порождают больше вопросов, чем ответов. Все так запутанно. — Он взял в руки копию снимка с инсталляцией. — Понятия не имею, что это, кем построено и для чего. Но оно существует в реальности: оно там, в лесу, как и прочие странные объекты. Их видели в Якутии, видели на Холат-Сяхыл. Они существуют.

Максимов молча посмотрел на него, а потом сделал то, чего Виктор никак не ожидал: встал и пожал ему руку:

— Удачи тебе, Витя.

* * *

В ту ночь Виктору не спалось. Часа два он вертелся в кровати и никак не мог устроиться удобно. У него было странное, неприятное чувство, что простыни превратились в погребальный саван и душат его. Он стянул их и лежал уже просто так, думая о предстоящих событиях. В первый раз, после того как дал свое согласие Константинову, он серьезно об этом задумался.

Действительно ли это его дело — идти в тот лес? Лежа в постели, окруженный непроницаемой тьмой, он спрашивал себя, насколько разумно следовать по стопам девяти людей, убитых неизвестной «непреодолимой» силой, как говорилось в отчете. Совсем не разумно, а глупо и самоубийственно. Глубокой ночью, когда страхи и проблемы не дают уснуть, черное всегда кажется еще чернее. Вот и Виктор ничего не мог поделать с внутренним голосом, который неотступно твердил: «Не делай этого! Не ездь туда!»

В конце концов, каким образом это его касается? Неразрешенная загадка... девять погибших... неизвестная сила... прошло уже полвека. Полвека, господи! «Пусть все остается как есть, — говорил ему голос. — Не влезай в это дело!»

— А как же Ника? — спросил он темноту.

Уж она-то пойдет в любом случае, не важно, останется он или нет. Пойдет и обвинит его в трусости. А Максиму что он скажет? Ведь он только-только

сумел добиться уважения от своего редактора — и что же, явиться в его кабинет и сказать, что передумал, что ошибся и все это надувательство? Максимов его тут же уволит и, возможно, пошлет вместо него Черевина.

— Пропади все пропадом! — пробормотал он и отвернулся к невидимой стене.

«Я должен выяснить, что случилось с этими людьми, — думал он. — Они не заслужили полувекового официального молчания и достойны лучшей эпитафии, чем случайные и бестолковые обсуждения на форумах в Интернете».

Наконец ему удалось заснуть. Но сон не стал спасением: ему снилось, что он пробирается по заснеженной равнине, голый и трясущийся от холода. Со странной, уродливой горы на горизонте на невероятной скорости спустился сильнейший шторм, и его накрыла снежная буря, ослепив миллионом острых, как иголки, кристаллов. Он бежал от чего-то, чего не мог видеть, но что вызывало у него тошнотворный ужас, заставлявший его нестись очертя голову. Он изо всех сил прорывался сквозь снег к полоске леса, маячившего в белой дали, но ноги во сне отказывались подчиняться. И вот уже он почти полз среди деревьев, пытаясь скрыться дальше в лес от чего-то, что его преследовало. В глубине леса он наткнулся на холмик, засыпанный снегом. Он почему-то уже знал, что под ним находится. Ломая ногти, он принялся разгребать его, окруженный воющей снежным бураном ночью. И когда закончил, он увидел, что это замерзшее тело Ники: рот ее был открыт в последнем крике отчаяния, но языка в нем не было.

Часть II

Лес

Рассказывает доктор Басков

[5]

В начале нашей следующей беседы я сказал Стругацкому:

— Мне бы хотелось немного поговорить о группе Дятлова.

Он пересел с кровати в кресло, как делал всегда, как только я заходил в его палату.

— Почему нет? С этого все и началось.

— Мне интересно узнать, почему вас начала преследовать идея во что бы то ни стало найти настоящую причину их смерти.

— Я уже говорил вам. И вообще, почему люди хотят выяснить, как кто-то погиб? Почему милиция расследует убийство, например?

— Это работа, за которую им платят, — ответил я.

Стругацкий придвинулся ближе и посмотрел на меня недоуменным взглядом:

— Доктор, вы меня удивляете. Разве это единственная причина? Как насчет желания восстановить справедливость? Сохранить порядок и безопасность в обществе? Желания, чтобы преступник понес наказание за содеянное, чтобы такого большее не повторялось?

— Да, Виктор, вы правы, — сказал я, делая заметку в блокноте, — все это гораздо важнее месячного оклада милиционера. Да... вы правы.

Стругацкий молча смотрел на меня и вдруг улыбнулся.

— О, понял, — сказал он.

Я тоже ответил улыбкой:

— Что же вы поняли?

— Вы пытаетесь узнать что-то из моего прошлого — мотивы моего особого интереса к этому делу. Верно?

— Возможно, и так, — признался я.

— А с другой стороны, — продолжал он, поглядывая на мой блокнот, — вам интересно, верю ли я в то, что местность около Холат-Сяхыл действительно опасна для людей.

— Почему вы так думаете?

— Как только я заговорил об общественной безопасности, вы сделали пометку в своем блокноте. Доктор Басков, думаете, я фантазер? Думаете, я возомнил себя защитником человечества?

— А это не так?

Стругацкий усмехнулся:

— Нет. Я даже друзей своих защитить не смог. Как же я собираюсь защитить остальных?

— Может быть, расскажете о своем детстве?

— Я не возражаю, но думаю, оно покажется вам самым заурядным. Мое детство было безоблачным и ничем не примечательным. Я не голодал, не мерз, меня никогда не били, я не подвергался сексуальному насилию — мои родители меня любили и холили.

— Рад это слышать. Тогда как насчет дела Боровского?

— А что с ним?

— Ну, вы же разозлились, когда Максимов отдал это дело Черевину.

— Да. Я хотел продолжать его, но проблема в том, — я уже говорил, — что я понятия не имею, как разговорить людей, которые боятся за свою жизнь. А Черевин другой — он будет копать и копать, пока не получит все необходимые сведения. Он не будет волноваться о том, что кто-то пострадает. Главное, что у него будет сюжет, а остальное неважно. Разумеется, такие, как Черевин, оправдывают себя благой целью, заявляя, что всем станет жить лучше, если подобные

Боровскому будут справедливо наказаны. Но людям, которые из-за его принципов окажутся в больнице или того хуже, от этого не легче. Поэтому, да, я разозлился, когда Максимов снял с меня это задание.

— Но ведь Черевин и сам может оказаться в больнице или того хуже.

Стругацкий нахмурился:

— Надеюсь, что нет, но я бы не удивился.

— Думаете, это будет заслужено?

— Послушайте, Черевин мне не нравится, но я бы ему не пожелал такого.

Я кивнул:

— И снова рад слышать.

В тот момент мне показалось, что я получил ответ на свой вопрос, и он был прост: скорее всего, Стругацкий перенес свое беспокойство о людях, выселенных Боровским, на Игоря Дятлова и его товарищей. Его нереализованное желание помочь пострадавшим заставило его с головой уйти в распутывание загадочной смерти группы Дятлова. Это было не такое уж блестящее наблюдение, но для меня оно имело смысл. Это был скорее непосредственный вывод.

— У вас было время, чтобы прочитать досье? — неожиданно спросил Стругацкий.

— Да, — ответил я.

— И что вы думаете?

— Как вам сказать... сведения в нем очень необычные, мягко говоря.

— Комар, наверное, сказал вам, что документы настоящие?

— Да, сказал. Но это не означает, что информация в них правдивая, ведь так?

— Ну да, с вашей точки зрения это так.

— А как насчет проекта «Сварог»? — спросил я. — Расскажите о нем что-нибудь еще.

Стругацкий закрыл глаза и потер виски, как будто его внезапно начала мучить головная боль.

— Не сейчас, — прошептал он.

— Почему?

Он просто замотал головой в ответ.

— Хорошо, Виктор, — отступился я, не желая давить на него в этом вопросе. — Может, тогда поговорим о Черниковой? Как вы встретились?

Стругацкий перестал тереть виски, сел свободней и посмотрел на меня.

— Об Алисе... — сказал он, — ладно, я расскажу, как мы встретились.

Глава одиннадцатая

С Алисой Виктор и Ника познакомились у Константинова перед самым отправлением экспедиции на Холат-Сяхыл. Виктора поразила ее внешность — она совсем не соответствовала его представлениям о физиках. Высокая и элегантно одетая, длинные черные волосы убраны в красивый хвост. В ее манере держаться было чуть ли не аристократическое отчуждение и надменность. Темные глаза смотрели пронзительно сквозь очки в дорогой позолоченной оправе.

Она натянуто им улыбнулась с напряженным, обеспокоенным выражением. На журнальном столике лежало досье Лишина, и было очевидно, что она уже прочла его и посмотрела фотографии. Возможно, Константинов уже показал ей антипризму, и Виктору не терпелось узнать, что она, как физик, думает по этому поводу.

Всегда заботливый хозяин, Константинов принес кофе и пирожные, отчего сюрреализм ситуации только усилился. Напоминало больше посиделки старых добрых друзей — словно бы не были они едва знакомыми друг другу людьми, собравшимися исследовать странные и загадочные объекты далекой глуши.

Чтобы хоть что-нибудь сказать, Виктор озвучил эту мысль. Алиса кивнула в знак согласия, Константинов усмехнулся:

— Точно-точно, Виктор.

— Вы же репортер? — произнесла Алиса.

— Да, работаю в «Газете».

Она кивнула.

— Предполагаете написать об этом статью?

Что-то в ее тоне смутило Виктора.

— Полагаю, это зависит от того, что мы найдем.

— Да, конечно, — согласилась она, — от того, что мы найдем. А что говорит по поводу этого редактор?

— Он считает, что все это выдумки и что все сфабриковал Вадим в отместку за отказ напечатать его статьи.

Константинов расхохотался, пробормотав:

— Ну Максимов...

Алиса чуть улыбнулась:

— А вы думаете, результаты этой экспедиции можно будет опубликовать?

— Что вы хотите сказать?

— Если учитывать, как вы получили эту информацию, — она показала на досье, — ведь это все еще государственная тайна.

Виктор не знал, что ответить, кроме стандартного: «Люди имеют право знать правду», но его выручил Константинов:

— Думаю, мы забегаем вперед, Алиса. Сейчас важно собрать как можно больше сведений. А уже от того, что мы соберем, будут зависеть наши дальнейшие действия.

Вместо ответа Алиса взяла пирожное и откусила кусочек.

— Полагаю, Вадим показал вам то, что мы нашли, так называемую антипризму? — поинтересовался у нее Виктор.

— Да.

— И что это, по-вашему?

— Понятия не имею, — сухо ответила она. — Никогда не видела ничего похожего. Хотелось бы отнести ее в нашу лабораторию и взять пробу материала, но это будет трудно.

— Возникнет много вопросов, — уточнил Виктор.

— Именно.

— Сомневаюсь, что было бы много толку, — добавил Константинов, — проект «Сварог» тоже пытался это сделать, но безрезультатно.

Черникова задумчиво сказала:

— Такое чувство, что она не пассивна. Изменения ее цвета и внешнего вида — больше знаки изменений, чем сами изменения. — Она покачала головой. — Невероятно, но я уверена, что это какой-то прибор.

— Может, для коммуникации? — спросил Виктор. — Так думали участники проекта «Сварог».

— Возможно, хотя, естественно, это были лишь догадки. — Алиса пожалала плечами. — Не могу сказать, что я полностью поддерживаю Вадима в намерении вернуть эту штуку на место. Но я хочу воспользоваться возможностью узнать, откроется ли там истинная природа антипризмы.

«Интересно только, хорошо это будет или плохо», — подумал Виктор.

Вероника глотнула кофе и спросила:

— Вадим, а вы составили наш маршрут на Холат-Сяхыл?

Константинов порылся в досье, доставая карту местности с пометками, и разложил ее на столе, чтоб всем было видно:

— Мы поедем на север до Ивделя, потом доберемся до Юрты Анямова. Я арендовал большой внедорожник.

— Юрта Анямова? — переспросила Вероника.

— Это поселение манси, самое большое в том районе. Оно будет нашей последней остановкой перед финишным этапом до Холат-Сяхыл.

— Почему вы хотите там остановиться? — спросил Виктор.

— Чтобы расспросить манси. Они знают ту местность, знают Отортен и Холат-Сяхыл, ведь их предки там жили веками. Возможно, им известно о

странных вещах, происходящих в лесу. Любая информация будет нам полезной, я так думаю.

— Если только она не искажена мифами, — заметила Алиса.

Константинов улыбнулся и ответил загадочно:

— Именно поэтому она и будет полезной.

Алиса ничего не ответила и перевела взгляд на Виктора. Он встретился с ней глазами и почему-то почувствовал раздражение. Что ей надо? Он сказал:

— Вы знаете, зачем я туда иду. Хотелось бы узнать о ваших целях.

— Неужели не ясно?

— Мне — нет.

— Конечно же из-за любопытства. Хочу узнать, что представляет собой эта антипризма, что представляют собой те инсталляции в лесу, для чего они и почему советское правительство хранило в секрете факт их существования. Хочу узнать, что представлял — или представляет — собой проект «Сварог». И учтите, — добавила она, — подозреваю, что мои мотивы в корне отличаются от ваших.

Константинов увидел выражение на лице Виктора и поспешил сказать:

— Не обращайтесь внимания на Алису, Виктор. Она просто не доверяет журналистам.

— Жаль это слышать... А можно узнать почему?

Она вздохнула, откидываясь на спинку стула и кладя ногу на ногу:

— Мне доводилось не раз давать интервью журналистам — в печатных изданиях и на телевидении. И как показывает опыт, они всегда все упрощают до идиотизма, разговор о сложных материях превращают в детский лепет.

— Я читал много книг и статей, которые популяризуют науку, — ответил Виктор, — и я бы не сказал, что они написаны идиотским языком. Может,

следует учитывать, что не все читатели имеют диплом физика и что для них просто необходимо в определенной степени упрощать сложные понятия. Разве читатели не достойны уважения?

— Кто-то, возможно, да. Те, у кого есть настоящий интерес. Но таких меньшинство, скажу я вам. Для остальных журналистов и их читателей наука в целом и физика в частности лишь кладезь любопытных фактов, призванных разнообразить их скучную жизнь. Ваши коллеги так и охотятся на последние новинки, способные возбудить интерес публики, и тут же жадно кидаются на следующую сенсацию. Возьмите, к примеру, большой коллайдер в ЦЕРН — Европейском совете по ядерным исследованиям...

— Я знаю, что такое ЦЕРН...

— Запуск коллайдера — один из самых сложных и крупных экспериментов в истории человечества. А посмотрите, во что его превратили медиа? Ноют по поводу его стоимости и распространяют жуткие истории о том, что он может создать черную дыру, которая поглотит Землю! — Виктор открыл было рот, но Черникова не дала ему и слова сказать. — А когда произошла утечка охладителя и коллайдер временно приостановили для ремонта, журналистов хватило лишь на ехидные комментарии о полном провале и подобную чепуху. И с тех пор о коллайдере почти ничего не слышно. А почему? Да потому, что журналисты уже вовсю ищут очередную громкую новость.

— И вы думаете, что я нахожусь здесь по этой же причине? — спросил Виктор. — Что я ищу очередную громкую новость?

— Хотите сказать, что я ошибаюсь? — спросила она с легкой усмешкой.

Он тоже усмехнулся:

— А если скажу, вы мне поверите?

— Ну, рад, что вы нашли общий язык, — вмешался Константинов. — Кто-нибудь хочет еще пирожных?

Вероника смущенно улыбнулась.

— Хотя, если серьезно, Алиса, — продолжал Константинов, — мы все здесь собрались благодаря Виктору. Досье передали ему. Он бы мог легко оставить его для себя, но обратился ко мне. Думаю, что его честность говорит сама за себя.

Черникова неопределенно махнула рукой, не то уступая, не то протестуя — Виктор не понял, как не понял, на самом ли деле Алиса питает к нему такую сильную неприязнь или же просто дразнит его по какой-то причине. Может быть, она просто пыталась понять, что он за человек, при том что ее нелюбовь к журналистам казалась вполне искренней.

По правде говоря, он чувствовал себя не в своей тарелке и подозревал, что в дороге это ощущение будет только расти. Двое ученых — антрополог и физик — и Ника, бывшая профессиональным фотографом, — все они обладают талантами и опытом, незаменимыми в экспедиции. А что есть у него? Да, это он принес досье Константинову, он все это начал. Да и то как сказать — по-настоящему все начал Эдуард Лишин, а Виктор только передал важные сведения о расследовании случая на перевале Дятлова. Константинов сказал, что его функция хроникера в экспедиции будет чрезвычайно важной. Виктор в принципе был с ним согласен, но ведь и любой другой мог бы с этим справиться. Может, Константинов поручил ему эту роль лишь потому, что чувствовал себя обязанным Виктору за самую возможность экспедиции?

Он чувствовал странную смесь обиды и благодарности за то, что ему позволили присоединиться. Это было очень неприятное ощущение, которое сложно было игнорировать. Может, когда они окажутся в лесу, что-то изменится?

Тут он вспомнил еще один неприятный факт: он никогда не увлекался походами. Константинов и Черникова уже бывали на Холат-Сяхыл, Вероника увлекалась лыжами, много раз ездила кататься на Южный Урал. А как он справится с длительным походом в холодную и дикую местность?

Его размышления прервала Алиса, вытащив пачку сигарет и обратившись к нему:

— Выйду покурить. Виктор, вы не присоединитесь?

— Я не курю.

Она дернула плечом:

— Тогда просто за компанию.

— Алиса, ты можешь курить здесь, если хочешь, — сказал Константинов.

— Да нет, Вадим, не стоит. Виктор, пойдете.

Она поднялась и вышла на балкон, с него открывался вид на газон за домом. Виктор пожал плечами, секунду помедлил, заметив, как нахмурилась Вероника, и проследовал за Алисой.

Небольшой газон и аккуратные рядки кустиков в совершенном зимнем безмолвии покрывало снежное кружево. Небо было спокойным, бледным и безликим, как холст, на котором еще только предстоит нарисовать картину. Черникова закурила, выпустив изо рта смесь из дыма и пара в холодный воздух.

— Виктор, извините, я вас заставила понервничать.

— Все в порядке, — ответил он, слегка растерявшись, — если у вас проблемы с журналистами, я могу понять.

Она снова затянулась и спросила:

— Что вы обо всем этом думаете?

— Если быть честным, я не знаю. Три дня назад я вообще был не в теме — работал над другим сюжетом.

— О чем же?

— Об арендодателе, от которого страдали жильцы в бараках. Меня сняли с задания и послали взять

интервью у Юрия Юдина, чтобы написать статью к пятидесятилетию трагедии.

— А с задания почему сняли?

Он замялся, слабо улыбнувшись:

— Я на такие дела не гожусь. Не могу давить на запуганных людей, чтобы они заговорили. Плохой из меня криминальный журналист.

Она внимательно посмотрела на него.

— В любом случае, — продолжал он, — вы сами что думаете?

— Мне трудно в это поверить. Я просмотрела документы, они наверняка настоящие, как и снимки, хотя, конечно, не могу быть абсолютно уверенной, пока не увижу негативы.

— Думаете, это подделка?

— Даже если и так, конечно же это не Вадим сделал. Но Лишин... это уже другая история. Кто знает, как мыслят эти люди, какие мотивы ими движут? Та же антипризма... Я бы могла поручиться своей репутацией, что это продукт неизвестных нам технологий. Но сколько раз случалось, что эксперты обманывались подделками. Поэтому хоть и верю своим глазам, — которые, правда, очень бегло осмотрели эту антипризму, — но не исключаю возможности, что все это часть чьей-то очень хитрой игры в дезинформацию.

— Игра в дезинформацию? Для чего?

— Не знаю, но прецеденты есть. У нас, в Европе и в Штатах проводились подобные эксперименты, отслеживающие, как распространяется и как усваивается среди населения вера в сверхъестественные явления. Это связано с поиском новых способов контроля над общественным мнением и управления реакцией на различного рода информацию.

— Да уж... более сверхъестественного, пожалуй, и не найдешь, — заметил Виктор. — Но как же якуты,

утверждающие, что видели похожие объекты в своем регионе?

— Вот это меня и беспокоит, — ответила Черникова, — и мешает признать однозначно, что это подтасовка — слишком уж изощренно. Но и признать, что эти объекты на самом деле то, чем кажутся, я тоже не могу.

— А чем они кажутся?

Она сильно затянулась и посмотрела на него:

— Это артефакты. Артефакты неизвестной нам цивилизации.

— Инопланетяне?

— Кто знает? Хотя я сомневаюсь.

— Почему?

— Я видела снимок так называемой инсталляции и «котла». Они не выглядят совершенными. Не похоже, что их создала цивилизация, достаточно развитая, чтобы совершать межгалактические перелеты. Антипризма — возможно. Но не больше.

— Разве можно судить о технологиях и эстетике инопланетного разума? — спросил он, вспомнив слова Юдина: «Что-то настолько странное, что мы даже назвать не в состоянии».

— Конечно нельзя. Тут вы правы.

Почти выкуренная сигарета Алисы тихонько потрескивала в холодном воздухе.

— Послушайте, — обратился к ней Виктор, — я понимаю ваши предубеждения против журналистов, но я здесь не затем, чтобы раскопать сенсацию, которая меня прославит.

— Правда? — Она взглянула на него с легкой улыбкой.

— Я лишь хочу узнать, что на самом деле произошло с группой Дятлова. Вот все, что меня интересует. Возможно, мы найдем ответ, возможно, нет. Возможно, я смогу написать и опубликовать статью, после которой

нас не посадят, — а возможно, нет. Но не это моя главная цель. Я просто хочу узнать правду.

Алиса снова посмотрела на него, все так же улыбаясь.

— Что ж, в этом вы больше похожи на Вадима, чем на меня.

Он вспомнил, как Константинов рассказал ему о том, что двенадцатилетним мальчиком увидел своего друга в гробу, его странного цвета кожу и абсолютно седую голову.

— Да, — согласился он, — думаю, это так.

— Хорошо. В нашей группе образовался определенный баланс. Возможно, мы найдем ответ — возможно, нет, — повторила она его слова, улыбнулась шире и сказала без всякой иронии: — А возможно, закончим, как Дятлов...

* * *

Через пару дней они выехали из Екатеринбурга в сторону Ивделя. До отъезда Виктор больше не видел Лишина; может, тот ушел в тень и снова занялся плотничеством, а может, продолжал наблюдать за ним, но уже со всей подобающей конспирацией. Виктор подозревал последнее. Как бы то ни было, когда они покидали город, у Виктора мелькнула мысль: вернутся ли они сюда снова?

Внедорожником, который арендовал Константинов, оказалась «тойота», большой и мощный автомобиль. Его нагрузили оборудованием для кемпинга и недельным запасом продуктов. Константинов сказал, что больше времени экспедиция не займет. Он называл ее «предварительной разведкой» и предполагал совершить еще целую серию походов в самое сердце таинственной Холат-Сяхыл.

Поначалу они не знали, куда поместить антипризму. Алиса предложила просто положить ее в бардачок. Виктор засомневался, не будет ли она оказывать воздействие на электронные системы автомобиля, но беспокоиться было не о чем: антипризма, что бы она собой ни представляла, в этом отношении казалась совершенно инертной. Поэтому они положили ее в бардачок вместе с копией карты Лишина.

Алиса предложила назвать экспедицию именем Константинова, все заулыбались, включая и самого Вадима, который несогласно замотал головой и замахал руками.

Константинов вел машину, Алиса сидела рядом, Виктор с Вероникой — сзади. Алиса листала копию досье Лишина (Константинов рассудил, что оригиналы слишком ценны, чтобы брать их с собой) и периодически зачитывала вслух отрывки. Остальным это уже было знакомо, но Алиса не могла остановиться. Она напоминала ребенка, прочитавшего новый комикс и теперь гулявшего по нему туда-сюда, останавливаясь на особо интересных местах.

Особенно ее зацепил последний документ в досье под заголовком: «Рекомендации, как вести себя при обнаружении инсталляций и “котлов” в Северо-Уральском регионе». На этих отрывках голос Алисы звучал чуть ли не с благоговением:

«Ввиду ряда сходств между инсталляциями и “котлами”, обнаруженными на Северном Урале и существующими в аномальной зоне № 2 в Западной Якутии, рекомендуется закрыть зону вокруг горы 1079, известной также как Холат-Сяхыл, на карантин не менее чем на три года, с тем чтобы должным образом исследовать эти объекты и их влияние на окружающую среду.

После составления протоколов карантина и присвоения этой области обозначения “аномальная зона № 3” следует установить аппаратуру для исследования, которая будет обслуживаться персоналом проекта “Сварог”. Эта аппаратура будет забирать пробы и производить анализ материалов, из которых состоят инсталляция и “котлы”, а также любые артефакты, обнаруженные внутри них.

Смерть группы Игоря Дятлова из девяти человек показала, что в аномальной зоне № 3 существует реальная опасность для жизни. Этот факт, а также близкая расположенность зоны к крупным населенным пунктам (в отличие от аномальной зоны № 2) диктуют необходимость как можно скорее и точнее выяснить природу этих объектов.

Из сборных модулей надлежит собрать станцию зоны № 3 в районе направленного воздействия. В течение нескольких дней ее следует снабдить всем необходимым оборудованием и запасами продовольствия. Персоналу проекта “Сварог” и охраняющей его военной части будет выдана специальная защитная одежда, которую надлежит надевать при каждом приближении к “котлам” или вхождении внутрь инсталляции».

— По-моему, — сказала Алиса через плечо, — это один из самых интригующих моментов: получается, что у инсталляции есть внутреннее пространство и в него можно войти.

— Полагаю, мы не станем этого делать, — отозвалась Вероника.

Алиса взглянула на нее, но промолчала.

Виктор решил, что Веронику нужно поддержать:

— В отчете говорится, что необходимо надевать защитную одежду при любом посещении инсталляции. Так что мы не сможем туда войти, правда, Вадим?

— Согласен, это будет не очень разумно, — ответил он, — по крайней мере не во время предварительной разведки. Как думаешь, Алиса?

Она улыбнулась ему:

— Конечно. Но учтите, что карантин сняли спустя три года. Остался ли функционировать сам проект «Сварог» в том районе? Или его свернули? Почему так называемую аномальную зону № 3 снова открыли для гражданского населения? — Она зашуршала бумагами досье. — Должны быть еще документы. Это всего лишь начало. Я уверена в этом.

Константинов промычал в знак согласия.

— Думаете, они у Лишина? — спросила Ника Вадима.

— Думаю, да. И вероятно, еще много чего другого. Такие, как он, думают на несколько шагов вперед. Помните? Когда пала Берлинская стена, в стране все кардинально изменилось. Все стало доступно, даже архивы разведки. Никто не знал, что будет дальше, поэтому все, кто мог, подстраховались. Тогда много документов пропало, я подчеркиваю: *много*. Думаю, Лишин, как и прочие агенты, воспользовался возможностью прикарманить потенциально ценные документы, чтобы позже обменять их на твердую валюту.

— Но только Лишин не попросил за них деньги, — сказала Алиса.

— Не попросил, — подтвердил Константинов.

— А почему? — спросила Вероника. — Думаете, его совесть мучает?

Константинов вывернул руль, чтобы объехать большой грузовик, нагруженный пиломатериалами.

— Думаю, это самое логичное объяснение. Очевидно, что он делает это не ради денег.

— Возможно, — согласилась Алиса. — А может, он просто знает, что его сведения бесценны и ты не в состоянии заплатить по их реальной стоимости. Не обижайся, Вадим.

— Да нисколько. Так или иначе, Лишин решил, что пришло время обнародовать хотя бы часть материалов по случаю на перевале Дятлова.

— Возникает вопрос: зачем? — сказала Алиса, бросив взгляд через плечо на заднее сидение. — Почему именно сейчас?

Виктор обернулся к Нике и увидел, что она задумчиво смотрит в окно на проезжающие рядом машины.

Рассказывает доктор Басков

[6]

Как я уже упоминал, главный следователь Комар разрешил мне сделать копии документов из досье Лишина. Я спрятал их в шкафу в своем рабочем кабинете. Я осознавал, что серьезно рискую — точно так же, как Виктор Стругацкий в свое время и сам Комар, передавший их мне. Наказание за распространение важной государственной информации, возможно, уже и не такое серьезное, как в советскую эпоху, но, тем не менее, достаточно строгое. Секретное досье Лишина было подобно динамитной шашке, слишком долго пролежавшей на открытом воздухе: если с ней обращаться неосторожно, она взорвется, а с ней вместе и все мы.

В четверг утром я снова изучал эти документы, сидя за столом. Я пытался сконцентрироваться, но это плохо получалось — мешали беспокойные мысли о жене. Разумеется, я никогда не обсуждал с ней в подробностях истории болезни своих пациентов, да и у нее самой не было желания. Но, добрая и мудрая, она всегда чувствовала, если меня что-то тревожило, и всегда находила способ не напрямую поговорить о проблемах.

Думаю, в такие моменты мы напоминали поэтов, говорящих метафорами, или шпионов, общающихся на кодовом языке. Я всегда извлекал определенную пользу из таких разговоров, но в данном случае я знал, что даже намеком не могу себя выдать. Естественно, мое беспокойство от нее не укрылось, но когда она попыталась вывести меня на разговор, я отказался что-либо рассказывать, заверив, что все хорошо и ей не нужно волноваться. Улыбнувшись и поцеловав ее, я

закрыл тему. Но даже понимая, что такова необходимость, я не мог не чувствовать, что обидел ее — я заметил, как заблестели ее глаза.

Секреты порождают секреты — такова уж их природа. Теперь я впервые осознавал, что кроме этого они порождают неприязнь. Именно неприязнь я испытывал сейчас к себе, Стругацкому, Комару и даже к пачке документов и фотографий, из-за которых пятеро человек отправились в глухомань на Северный Урал.

Копии этих документов лежали передо мной на столе, каждая из них вызывала вопрос: что случилось в лесу в окрестностях Холат-Сяхыл?

Я поискал дополнительную информацию об этимологии слова «Сварог». Оно восходит к славянской мифологии. Сварог был персонификацией неба в религии славян-язычников; «свар» означает «яркий» и «ясный» и имеет родственные корни в санскрите. Сварог считался родителем Дажбога (Солнце) и Сварожича (огонь). Именно он вызывал огненные вспышки молний во время грозы, и он же подарил людям земной огонь. Именно Сварог повелел Солнцу каждое утро зажигать небесный светильник, который каждый вечер гасили демоны теней.

Любопытно, почему это слово было выбрано для названия проекта, целью которого была попытка исследовать объекты, обнаруженные на Северном Урале? Сварог был богом неба. Он был самим небом в космологии древних славян. Означало ли это, что проект «Сварог» был организован для расследования того, что появилось с неба? Я вспомнил слова Стругацкого про якутские легенды о странных объектах, которые падали на землю с неба, которым до сих пор поклоняются как героям и которых боятся как опасных врагов.

Я снова принялся рассматривать символ, стоявший в левом верхнем углу на каждом документе из досье:

символ Перуна, бога грома и молнии, высшего божества древнеславянского пантеона. Символ, который люди вырезали на деревянных стропилах домов, чтобы защитить их от попадания молнии.

Сварог — персонификация неба.

Перун — бог грома.

Символ Перуна означает защиту от молний.

По форме — шар, возможно, олицетворение шаровой молнии.

Светящиеся шары, которые наблюдали в небе в день трагедии.

Что же все это значит?

Я позвонил старшему следователю Комару на мобильный номер и поинтересовался, были ли еще какие-нибудь находки у оперативной группы, производившей поиски в лесу, где пропали люди из экспедиции Стругацкого. Он ответил, что поиски продолжаются, но ничего необычного найдено не было.

— Странно, — заметил я, — может быть, вы не там ищете?

Комар понял, что я не пытаюсь задеть его профессиональные качества, а спрашиваю, направил ли он свою группу именно в те места, которые были обозначены кружками на карте Лишина.

— Да нет, там... по крайней мере, я так думаю. Но это очень большая по площади территория, а подобные вещи требуют времени. Как продвигаются дела со Стругацким?

— Понемногу. Но вы правильно заметили — такие вещи требуют времени.

— Понятно. Но нужно учитывать, что время нас поджимает.

— Знаю. До связи.

Отключившись, я задумался над этим кратким разговором. В голосе Комара чувствовались неудовлетворенность и смущение. Своим людям он

сказал, что получил от Стругацкого детали маршрута в лесу, и приказал сосредоточить внимание на поисках в этих местах. На самом же деле он руководствовался картой. Но они до сих пор ничего не нашли: ни «котла», ни инсталляции, ни чего-то похожего на ртутное озеро, ни даже мертвых тел.

Отсутствие результатов бросало тень на досье и его содержимое — не фальшивка ли все это? Просматривая записи бесед со Стругацким, я начал сомневаться: а не была ли права Алиса Черникова, когда говорила о том, что советское правительство могло осуществлять сложный психологический эксперимент? Но если это так, тогда откуда взялась антипризма и что случилось с остальными членами группы Стругацкого? Может быть, он на самом деле убил их в приступе психоза? Ни одна из версий не казалась безусловно правдоподобной. Пролистав записи дальше, я наткнулся на слова Юрия Юдина: «Вы никогда не найдете начало этой истории: можно потратить годы, размышляя, рождая гипотезы и выстраивая версии, мучаясь бесконечными вопросами, не дающими покоя ни днем ни ночью...» Мне вдруг стало не по себе от мысли, что то же самое может относиться и к так называемой экспедиции Константинова.

Бросив взгляд на настольные часы, я увидел, что подошло время очередной беседы со Стругацким.

Я вошел в его палату, и первое, о чем он меня спросил, было:

— Нашли что-нибудь?

Я покачал головой:

— Боюсь, что нет, Виктор.

Его плечи чуть опустились — то ли от разочарования, то ли от облегчения. Поэтому я поинтересовался прямо.

— И то и другое, — ответил он, подавляя вздох.

— Комар приказал своим людям сосредоточить поиски в местах, отмеченных на карте Лишина. Можете объяснить, почему они ничего не нашли?

Стругацкий, помедлив, ответил:

— Думаю, что да.

Я ждал, что он продолжит, но он замолчал и просто сидел, уставившись в пол.

— Можете сказать мне? — попытался я вывести его на разговор.

— Это трудно, доктор. Поймите же, если я вам это расскажу, вы точно сочтете меня сумасшедшим.

— Это как-то связано с версией, что инсталляции способны перемещаться? Что это своего рода механизмы и они до сих пор активны?

Стругацкий покачал головой:

— Мы часто говорим глупости, когда нам не известны все факты, ведь так?

— Бесспорно. И когда вы делали свои предположения, у вас было крайне мало фактов?

— Я был так доволен собой. Представлял себя Шерлоком Холмсом. Я думал, что вот она — разгадка. Инсталляции и «котлы» выглядели так, будто их кто-то построил, создал. Дятлов и его товарищи видели их, стояли рядом, но, тем не менее, за последующие пятьдесят лет их никто не заметил, хотя местность эта уже была открыта. Там побывала масса людей — туристов, любителей путешествий. Да... И я подумал: ответ кроется в том, что инсталляции могут уходить под землю и снова появляться. Но это неправда. Они могут другое.

— Что же они могут, Виктор?

Он снова затряс головой:

— Доктор, не сейчас.

— Я не буду считать вас сумасшедшим.

Он посмотрел на меня несколько секунд, после чего сказал:

— Я расскажу, но только по-своему: обо всем по порядку — так, как происходили события, одно за другим. Поверьте, вы так лучше поймете.

— Хорошо, — согласился я.

Я включил диктофон, который, как обычно, уже стоял на столе. Зафиксировал в блокноте тот факт, что Стругацкий настаивал на том, чтобы рассказывать по порядку — как будто бы не хотел запутаться в собственных словах. Но возможно, говорил правду: если бы он сразу начал с того, что произошло с ним и его попутчиками, я бы мог не поверить и признать его лжецом или опасным для общества сумасшедшим.

— Вчера мы остановились на том, что вы выехали из Екатеринбурга в направлении Неделя. Начнем с этого момента.

— Доктор, сама поездка была утомительная и ничем не примечательная. По дороге до самого поселка не было никаких приключений.

— Поселка?

— Поселение манси, называется Юрта Анямова. Думаю, вы и сами догадываетесь, что история начинается именно здесь.

Глава двенадцатая

Ивдель остался позади, они продолжали ехать на север по федеральной трассе, а сосновый лес вдоль нее становился все гуще и суровее. Деревья напоминали башни, укрытые снегом и устремленные вверх, в бледное небо, землю укутывала белая пушистая шуба.

За Ивделем Константинов свернул с трассы и направил внедорожник в лес. Следующие шесть часов они очень медленно и осторожно виляли среди деревьев. В это время года грязи не было, все болота застыли, но все равно дорога была трудной и изнуряющей. То и дело попадался какой-нибудь шаткий мост через замерзшую или медленно текущую речку, по которому Константинов ехал с еще большей осторожностью. А вокруг, словно безмолвные солдатские полки, по стойке смирно стояли деревья, упираясь в сонное небо.

На этом отрезке пути никто особенно не говорил. Константинов был сосредоточен на управлении машиной, остальные же просто смотрели в окно на лес, обступавший их со всех сторон. Рев двигателя, то усиливающийся, то затихающий, как у загнанного зверя, глож в воцарившейся тишине. В ее нетронутой глубине было что-то осязаемое, словно она была частью самого воздуха, чем-то, до чего можно дотронуться и почувствовать, как суровый холод воздуха.

На душе у Виктора было беспокойно и некомфортно. Он чувствовал, что лишний здесь, и знал, что остальные думают о том же. Сам себе он казался преступником, которого завезли в лес и оставили на произвол судьбы. Но теперь дороги назад не было. Лишин, оставляя досье в его почтовом ящике, позаботился об этом. Он словно запечатал их судьбу в тот большой желто-коричневый

конверт, а сам растворился в городе, из которого они уехали. Он бросил их.

Виктор размышлял над вопросом Алисы: «Почему именно сейчас?» У Лишина должна была быть веская причина — такие люди никогда не делают что-то просто так. Мир для них — шахматная доска, и они гордятся своими тонкими и продуманными комбинациями. Поэтому его и преследовала мысль, что их пригласили принять участие в чем-то вроде финальной партии.

Его размышления прервал вопрос Вероники:

— Вадим, а Юрта Анямова — это большое поселение?

— Нет, — ответил Константинов, объезжая торчащие из-под снега камни. — Около тридцати человек жителей.

— И это считается самым крупным населенным пунктом в районе? — недоверчиво спросила она.

— Да. Уральские манси — вымирающая народность. Согласно последней переписи их осталось около ста девяноста человек, и их маленькие поселения разбросаны по всему региону.

— А что вообще означает слово «манси»? — спросил Виктор.

— Оно означает «человек». Но они больше известны под их изначальным названием — вогулы. Они появились много веков назад, первые упоминания о них как об отдельной группе появились в письменных источниках в 1396 году. Но еще тремя веками раньше о них упоминал новгородец Рогович. Однако он не разделял их на хантов и манси, а называл собирательно «югорским народом».

— Почему они вымирают?

— Уже в советское время ситуация была неблагоприятна, и за последние двадцать лет она не улучшилась. Зимы суровые, очень трудно поддерживать связь между поселениями. Чтобы выжить, манси

приходится полагаться только на свое умение охотиться. Для них практически невозможно найти себе пару, поэтому они вынуждены покидать свои поселения и жениться на стороне. В результате — демографический кризис, носителей языка манси становится все меньше.

— Так они говорят на русском? — уточнил Виктор.

— Разумеется, манси владеют обоими языками, но в их родной язык проникает все больше и больше русских слов. Многие антропологи считают, что очень скоро русский вытеснит язык манси.

— Печально, — сказала Алиса. — Языкам и традициям нельзя позволять исчезнуть.

Виктор внутренне согласился, но было удивительно слышать эти слова от Алисы. Впрочем, почему бы физику, как и любому другому человеку, не ратовать за сохранение национальных языков и традиций?

— Да, Алиса, очень печально, — отозвался Константинов.

— А правительство принимает какие-нибудь меры? — спросила она.

— Региональное правительство пытается. В планах помочь уральским манси наладить долгосрочные связи с манси соседнего Ханты-Мансийского округа.

— Надеюсь, у них это получится.

— Я тоже надеюсь, — ответил Константинов и кивнул на ветровое стекло: — Смотрите.

Сначала Виктор не разобрал, на что он показывает. Но когда они на низкой скорости подъехали ближе, он разглядел фигуру — сосновый ствол, грубо вырезанный в форме головы и плеч человека, черты лица были лишь намечены. Несмотря на примитивность фигуры (а возможно, именно поэтому), его поразил этот мощный образ: в резном лице было что-то первобытно-жестокое, круглые глаза уставились в лесную глушь, а глубокий надрез, обозначающий рот, был сделан чуть вверх,

отчего образовалась улыбка, не уступавшая своей загадочностью Моне Лизе.

— Это один из их идиолов, — прокомментировал Константинов, — значит, мы уже близко.

Деревья стали понемногу редеть, и наконец машина выехала на открытую местность, покрытую снегом, который волнами уходил до самой кромки леса вдали. Взгляду предстали приземистые, крепкие бревенчатые избы. Вид у них был древний, и хотя заметно было, что сложены они добротнo, их остроконечные крыши заваливались под тяжестью снега, так что казалось: еще одна суровая зима, и они рухнут на землю, когда-то породившую их.

Константинов остановил машину и заглушил мотор.

— Мы подождем здесь, — сказал он.

— Почему? — спросила Алиса. — Думаешь, они недружелюбно настроены?

— Нет-нет, они вполне дружелюбны, — улыбнулся он, — однако не очень вежливо парковаться прямо посреди их деревни, не представившись сначала.

— Думаю, да. Но как долго нам здесь сидеть?

Вместо ответа Константинов открыл дверцу и вышел из машины. Алиса сделала то же самое, с удивлением переглянувшись с Виктором и Никой. Те в свою очередь последовали ее примеру и вышли на мороз, и теперь они все стояли перед машиной и ждали.

Уже через несколько минут в дверях домов стали появляться люди, рассматривая гостей с явным любопытством. Константинов поднял руку и помахал им. К удивлению Виктора, они замахали в ответ. Он ожидал, что местные жители сочтут их приезд в лучшем случае вторжением на свою территорию. Но все они широко улыбались, словно радуясь дорогим гостям, которых давно ждали.

— Идите за мной, — сказал Константинов и двинулся к домикам.

Когда они подошли ближе, вперед выступил высокий и худой человек с правильными, словно высеченными чертами лица, что придавало ему аскетичный вид. На самом деле он больше напоминал православного монаха, чем мужика оторванной от остального мира деревни. У него был светлый и пристальный взгляд и еле заметная улыбка. Как и все остальные, он был одет в тяжелую шубу.

— Это глава, — прошептал Константинов.

— Роман Бахтияров, — представился мужчина, когда они поравнялись с ним.

— А я — Вадим Константинов. — Константинов протянул ему руку, и тот пожал ее после некоторого замешательства. — Это Юрта Анямова?

— Да. Добро пожаловать к нам.

— Спасибо.

Константинов представил остальных, Бахтияров кивнул головой каждому по очереди. На его месте Виктор бы спросил, что они здесь делают и зачем приехали. Но Бахтияров, должно быть, полагал, что они и сами все расскажут в свое время. Или же он был слишком хорошо воспитан, чтобы спрашивать напрямую.

— Издалека приехали? — спросил он.

— Да, — ответил Константинов, — из Екатеринбурга.

Бахтияров посмотрел на него молча, потом сказал:

— В таком случае вы, должно быть, голодны.

Константинов улыбнулся ему:

— Мы вам очень благодарны за гостеприимство.

Бахтияров кивнул:

— Вы будете гостями в моем доме. Идите за мной.

Остальные жители кивали им, когда они проходили мимо. Взгляд Виктора упал на старика, который разглядывал их пристальнее других. Его лицо в глубоких морщинах напоминало замшелый камень, переживший множество жарких лет и суровых зим. Он

улыбался, но необычной, загадочной улыбкой, как будто точно знал о цели их визита. Виктор вдруг почувствовал себя, не без внутренней иронии, какой-нибудь знаменитостью или гостем из другого мира — такое любопытство было написано на лицах деревенских жителей. Возможно, они думали, уж не начальники ли какие приехали, чтобы помочь их деревне и не допустить вымирания?

Но они прибыли сюда не спасти этих людей, а собрать у них сведения о земле, на которой они обитали вот уже более тысячи лет. И Виктора захлестнуло чувство вины перед ними; идя вслед за Бахтияровым и Константиновым, он старался не смотреть людям в глаза.

Бахтияров привел их к дому, который стоял у самой кромки леса, окружавшего поселение. Открыв дверь, он провел их внутрь. Виктор удивился, каким уютным оказался дом изнутри. На бревенчатых стенах и полу были звериные шкуры. В одном из углов был сложен широкий очаг, в котором, ярко и приветливо потрескивая, горел огонь. Над очагом висел котелок, в котором что-то неторопливо булькало. Густой запах дичи заполнял комнату.

— Садитесь, — сказал Бахтияров, а сам прошел в комнату и принялся помешивать содержимое котелка.

Только сейчас Виктор заметил, сколько стульев было в комнате — пять, достаточно для четырех гостей и самого хозяина. «Как будто ждал нас», — подумал Виктор, когда все расселись.

Хозяин стал раскладывать жаркое по деревянным мискам.

— Что это? — спросила Алиса.

Константинов взглянул на нее с явным недовольством.

— Кабан, — ответил Бахтияров, и Алиса, удовлетворившись ответом, что-то пробормотала себе

под нос. Глава повернулся к ней и с улыбкой сказал: — Надеюсь, вам понравится.

— Уверена, что понравится, — ответила Алиса, принимая из его рук миску и ложку. — Спасибо.

Жаркое оказалось очень вкусным, оно было приправлено какой-то смесью зимних трав и ягод. Бахтияров увидел их довольные лица и снова заулыбался:

— Я подумал, что вам это больше придется по вкусу, чем строганина.

Константинов застыл с ложкой у рта.

— Вы *знали*, что мы приедем? — спросил он.

Тот кивнул в ответ, накладывая себе мяса, и продолжал:

— Вы когда-нибудь пробовали строганину? Это сырая замороженная рыба. Моя любимая — муксун, ее нужно тонко нарезать и подавать с приправами и ягодами. Но вам она покажется странной на вкус, если вы не привыкли к такой еде.

— Простите, что перебиваю, — настаивал Константинов, — но *как* вы узнали?

— Прокопий сказал.

— Кто такой Прокопий? — спросила Алиса.

Бахтияров ответил не сразу. Вместо этого он слегка улыбнулся — той самой улыбкой, которой встретил их по приезду, — и заметил:

— Ешьте, ешьте, в отличие от строганины, если остынет, будет невкусно.

Они ели в тишине, только огонь потрескивал в очаге. Роман Бахтияров изучал их по очереди глазами. Виктор пытался прочесть выражение его лица, но оно оставалось абсолютно бесстрастным, как у человека, принявшего ситуацию, которую он не властен изменить.

Константинов доел, опустив пустую миску на колени.

— Еще? — спросил Бахтияров.

— Нет, спасибо. Прокопий — это деревенский шаман?

Бахтияров кивнул.

— А как он узнал, что мы приедем? — спросил Виктор.

Бахтияров лишь посмотрел на него, все так же чуть улыбаясь.

— Это неважно, Витя, — сказал Константинов, — важнее, зачем мы приехали. Прокопий вам это рассказал?

— Он сказал, вы ищете ответ.

— Ответ на что? — вмешалась в разговор Вероника.

— На вопрос, которому пятьдесят лет. Вы хотите знать, почему они умерли.

Виктор почувствовал, как у него внутри похолодело. Так спокойно и повседневно звучал голос этого человека. Он-то думал, что Константинову придется объяснять все с самого начала: что случилось с группой Дятлова на Холат-Сяхыл и почему они этим интересуются. А Бахтияров, оказывается, все уже знал.

Константинов подался вперед:

— А вы знаете, от чего они умерли?

Бахтияров не ответил.

Константинов сделал еще одну попытку:

— Вы знаете, что находится в лесу около Холат-Сяхыл?

— На этот вопрос трудно ответить, — тихо сказал Бахтияров. — Могу описать... но я не знаю, что это. Холат-Сяхыл и Отортен... Вы знаете значение этих названий?

Константинов кивнул.

— У них говорящие имена.

— Мы понимаем. Ваш народ их так назвал.

— Да, давно... И многие поколения наших предков избегали тех мест. Это плохие места для всех, кто бы

там ни оказался. Те, кто пришли туда в 1959 году, поняли это. И это стало последним, что они поняли.

— Вы хорошо осведомлены о том происшествии, — сказала Алиса.

Бахтияров пристально посмотрел на нее:

— Мы знаем все. У нас до сих пор об этом рассказывают, хотя манси, жившие здесь в то время и помогавшие искать Дятлова и его друзей, уже давно мертвы. Это теперь история нашего народа. И для нас это важно...

— Потому что поначалу обвинили манси?

— Потому что Игорь Дятлов и его друзья умерли странной смертью и мы скорбели по ним, — ответил Бахтияров. — Если бы наши люди увидели их раньше и поговорили с ними, то предупредили бы держаться подальше от того места. Но, к сожалению, этого не произошло. Они ушли на гору одни и там погибли.

— Как они погибли? Что их убило? — спросил Константинов.

— Зачем вам знать? — неожиданно спросил Бахтияров. — Почему для вас это так важно?

— Игорь Дятлов был моим другом, — ответил Константинов. — Всю жизнь меня преследует этот вопрос. А сейчас... — он замолчал.

— Сейчас что? — повторил Бахтияров.

— К нам попали некоторые документы через бывшего агента КГБ. Они доказывают, что здесь в лесу действительно существует что-то... что до сих пор представляет опасность.

— Если это опасно, зачем вы хотите это найти?

В разговор вступила Алиса:

— У нас две причины: исследовать неизвестные науке явления и оценить, насколько они опасны.

Бахтияров промолчал, потом произнес:

— Они опасны достаточно, чтобы держаться от них подальше. Что я вам и советую.

Алиса замотала головой:

— Мы не можем последовать вашему совету.

При этом она взглянула на Константинова — как показалось Виктору, в недоумении, словно спрашивая его, зачем они вообще сюда пришли. Константинов тоже почувствовал ее вопрос, поэтому сказал:

— Я знаю, что вы искренне беспокоитесь за нас, но мы должны это сделать. Я лично должен. Можете рассказать что-нибудь о Холат-Сяхыл и местах вокруг, что может нам как-то помочь?

Бахтияров опять загадочно улыбнулся:

— Уже поздно, а с вами еще хочет встретиться Прокопий.

Рассказывает доктор Басков [7]

Сразу после беседы со Стругацким мне захотелось почитать что-нибудь о народности манси в уральском регионе. Должен признаться, меня удивило, что экспедицию Константинова в Юрте Анямова встретили доброжелательно — что манси вообще имели репутацию приветливого и дружелюбного народа. Если учесть, как обходилось с ними государство на протяжении двадцатого века, странно, что им удалось сохранить доброе отношение к пришлым людям.

Манси выпала незавидная судьба проживать в местности, где были обнаружены ценные природные ископаемые. Проблемы у них начались в 30–40-е годы двадцатого века — советскому правительству не нравились их народные обычаи и шаманская религия. В 1960-х, когда в Ханты-Мансийском округе были обнаружены залежи газа и нефти, манси пришлось смириться с развитием промышленности и строительством новых городов, с массовым притоком геологов, нефтяников и строителей. Все это сопровождалось катастрофическим загрязнением окружающей среды: только в 1960 году утечками нефти было отравлено шесть миллионов гектаров пастбищ и 200 тысяч гектаров воды, отчего количество рыбы сократилось на 90 %.

Разумеется, манси не получили никакой финансовой компенсации за этот промышленный бум. К 1990 году государство уже экспортировало из региона нефть и газ на более чем 20 миллионов долларов США. Из этих денег люди, веками жившие на этой земле, не получили ничего. На деле многих манси принудительно выселили из Ханты-Мансийского округа, а те, кто остался,

испытывали невероятные трудности, пытаясь адаптироваться к изменившимся условиям жизни. Русификация, начавшаяся еще в начале 1970-х, прежде всего в школах, не сулила ничего хорошего для будущего народности манси. Около 1980 года меньше половины манси вели традиционный образ жизни, остальные перебивались случайными заработками или были безработными. Многие спивались или заканчивали самоубийством.

Как и говорил Константинов, большая часть женщин манси уезжали из родных мест в Москву и другие крупные города в поисках работы, подрывая демографическую ситуацию внутри своей народности.

В течение десятилетий и без того тяжелое положение манси усугублялось презрительным отношением русских. Поэтому часть манси отстаивает собственные традиции и язык, а другие слились с русским населением.

Но, несмотря ни на что, этот народ без всяких сомнений принял Стругацкого и его товарищей как гостей — их глава разделил с ними еду, словно они были его старыми, добрыми друзьями, которых он не видел много лет. Это действительно впечатляло — так я и сказал Стругацкому в начале нашей следующей встречи.

— Да, — ответил он, — они удивительные люди. Раньше я даже не подозревал о их существовании. Они отнеслись к нам с участием, хотя мы были для них чужаками. Их не должны были волновать ни мы, ни то, что с нами произошло, но они нам помогали, особенно Бахтияров.

— Вчера вы рассказали, что трагедия на перевале Дятлова вошла в их историю. Они знают, что произошло тогда в 1959 году?

— Они знают, что произошло ненормальное.

— Что вы хотите этим сказать?

— Хочу сказать, что люди, живущие в отдаленных уголках мира, понимают истинную природу вещей гораздо лучше нас. — Он ухмыльнулся. — Мы же считаем, что настолько умны, что знаем ответы на все вопросы, а если и не знаем, то у нас есть мозги, чтобы до всего додуматься.

— Но вы так не считаете?

— Касательно многих вещей, конечно, это правда. Но есть вещи, которые мы никогда не поймем, вещи, которые не предназначены для нашего понимания.

— Как трагедия на перевале?

— Да.

— И то, что произошло с вами в лесу?

— И это тоже, — произнес Стругацкий тихо и отрешенно.

Я решил, что пора действовать напрямую.

— Послушайте, Виктор, — обратился я к нему, — вы знаете, почему вы здесь и почему мы ведем эти беседы. Скоро мне нужно будет представить отчет о вашем психическом состоянии в уголовный отдел, чтобы они вынесли решение о возможности привлечь вас к суду за убийство. Вы же это понимаете, не так ли?

— Конечно, понимаю, — ответил он, даже не глядя на меня.

— И вы так хорошо до сих пор мне помогали. Меня впечатляли ваши воспоминания, ваше отзывчивое поведение. Но честно сказать, на данный момент я ни на йоту не приблизился к окончательному заключению, если сравнивать с днем нашей первой встречи.

Он бегло взглянул на меня и заметил:

— Но вы же прочитали досье Лишина. Вы знаете, что все, что я рассказал, правда.

— Согласен. Но наличие досье и его содержание ничего не говорят о тех событиях, что произошли с вами на Холат-Сяхыл.

Стругацкий поразмыслил немного. Затем, вздохнув, сказал:

— Ну, доктор, в таком случае, что бы я вам сейчас ни рассказал, это не исправит ситуации. Даже, скорее, убедит вас в том, что это я убил своих товарищей. Я расскажу обо всем, но только, когда я закончу, у вас не будет выбора, кроме как сказать, что я — псих.

Меня, честно говоря, ошеломило такое прямое заявление.

— Не уверен, что я правильно вас понял, Виктор. Еще вчера вы заявляли, что, если будете говорить обо всем по порядку, я все пойму. А сейчас утверждаете, что я буду вынужден признать вас психически невменяемым.

На самом деле я подумал: может, это всего лишь уловка — он хочет, чтобы я сделал такое заключение? Может, он считает меня своим последним шансом избежать тюремного наказания? Но это показалось мне неубедительным. Во-первых, у него не было явного мотива. В экспедицию отправились Стругацкий, Вадим Константинов, Вероника Ивашева и Алиса Черникова. А шаман Прокопий Анямов присоединился в самую последнюю минуту. Константинова, профессора антропологии, Стругацкий очень уважал. Ивашева была его девушкой, очевидно, что он все еще ее любит. Черникову он знал плохо, а Анямова и вовсе не знал. Какой смысл ему убивать этих людей?

— Наверное, я заслуживаю суда, — произнес он, — возможно, мне не нужно больше ничего вам рассказывать, просто позволить всему остаться как есть. Наверное, тюрьма для меня — лучшее место.

— Вы же сами не верите своим словам.

Он с укором посмотрел на меня:

— Да? Откуда вам знать, во что я верю!

— Думаю, вы обвиняете себя в смерти друзей — если они мертвы, конечно. Но, думаю, при этом в

глубине души вы осознаете, что ничего не могли бы сделать, чтобы их спасти.

Стругацкий только рассмеялся.

Я придвинулся к нему:

— Скажите тогда, что я ошибаюсь. Скажите, Виктор.

— Скажу вам одну вещь, доктор. Если люди Комара найдут то, что они ищут, меня уже через час здесь не будет.

— Хорошо, если они найдут что-то, вас отпустят, дальше что?

— Вероятно, со мной произойдет трагедия.

— Хотите сказать, вас убьют?

Он только пожал плечами.

— Кто?

— Те, кто знает всю правду и всегда знал.

— Кремль? ФСБ? Проект «Сварог»?

— Мне жаль, что вы тоже ввязались в эту историю, доктор. Правда жаль.

— У меня такая работа — ввязываться.

— Не надо мне было ничего говорить с самого начала. Надо было держать рот на замке. Я не понимал тогда. Мне жаль, доктор, — повторил он.

— Вы правда думаете, что мне грозит опасность?

Хотя я скептически отнесся к его переживаниям за меня, но вдруг подумал о Наталье и почувствовал, как внутри шевельнулся сгусток страха.

— Надеюсь, что нет, но... — он замолчал и уставился в пол. Взгляд его был как у загнанного зверя — выражение отчаяния и беспомощности.

— Давайте продолжим, — предложил я. — Вчера вы рассказали, как приехали в поселение и встретились с Романом Бахтияровым. Что было дальше?

Стругацкий поднял на меня глаза, полные отчаяния, и подавил глубокий вздох.

Глава тринадцатая

После обеда Бахтияров пригласил гостей послушать призывную песню, которую должен был исполнить в их честь шаман Прокопий Анямов. Виктор заметил, что Константинов удивился и обрадовался, и спросил его, когда они вышли из дома, что бы это значило. Тот рассказал, что этими песнями манси призывают духов и богов на землю и просят о защите.

Бахтияров провел их к другому дому, который был больше его собственного. Внутри собралось много народу, наверное, вся деревня; они сидели на полу и терпеливо ждали. Все заулыбались вошедшим, особенно дети, во все глаза смотревшие на гостей. Те тоже улыбнулись в ответ и расселись по местам, которые были оставлены для них.

Один из деревенских встал и вышел в центр комнаты. Это был тот самый древний старик с лицом, напоминавшим замшелый камень, которого Виктор заметил в деревне раньше. Мощным голосом старик запел — его резонирующие в нос завывания пересиливали громкий вой ветра среди деревьев. Он пел по-русски, и Константинов заметил своим спутникам, что это очень большая честь для них.

Шаман продолжал петь, и Виктор чувствовал, как слова песни проникают в мозг, искушают, заманивают в ловушку создаваемых образов:

Выросший под утро
На далеком мысе, выросший у золотой травы
Выросший под вечер
На далеком мысе, выросший у золотой травы
На весенних холмах, осыпанных перьями
тетерева

На осенних холмах, осыпанных перьями
тетерева
На высоте бегущего облака
На высоте летящего облака
Мой дом священный в свете красок солнца
Мой дом священный в свете красок солнца
На драгоценном золоте цепи висит
На драгоценном серебре цепи висит
Когда подует хриплый ветер
Из южного из горла
Услышим тонкий звук малого серебра
Подует к водам северной Оби
Он улетит туда
Услышим громкий звук большого серебра
Подует к водам северной Оби
Он улетит туда
Внутри
Священного дома всех цветов луны
Священного дома всех цветов солнца
Рядом со столом на золотых копытах
И на столе на золотых копытах
Белка прячется в священную книгу весны
Белка прячется в священную книгу осени
Мастер пишет
Семь золотых букв
Мастер пишет там
Шесть золотых букв.

Прокопий закончил петь, и Виктор сказал Константинову, что это была одна из самых красивых песен, которые ему доводилось слышать.

— Хотя я не уверен, что понял ее значение, — добавил он.

— Эта песня адресована божеству Мир-суснэ-хуму, чье имя переводится как «смотрящий за миром», —

ответил Константинов шепотом, — в песне описывается его жилище рядом с рекой Обь. Шаман просит Смотрящего за миром защитить нас.

Бахтияров сказал что-то на своем языке человеку, который сидел рядом с ним, и тот достал большой глиняный кувшин и начал разливать белую жидкость по чашкам, которые он раздал по кругу.

— Что это? — спросила шепотом Вероника у Константинова.

— Это перебродившее молоко кобылицы. Но предупреждаю: к этому вкусу надо привыкнуть.

— Похоже на то, — пробормотала Алиса, принимая чашку с кислой улыбкой.

Оно оказалось не так плохо на вкус, как опасался Виктор, хотя рецепта он бы просить не стал. Кислая улыбка Алисы тоже исчезла, когда она отпила глоток. Напиток был к тому же очень крепким, так что Виктор, выпив до дна, захотел выйти подышать свежим воздухом.

Когда он начал извиняться, деревенские снова заулыбались, кое-кто даже громко рассмеялся.

— Может, вам не стоило пить? — сказал Бахтияров, что вызвало еще больший смех.

— Думаю, да, — ответил Виктор, поднимаясь на ноги и пошатываясь. — Прошу меня извинить...

«Боже мой, зелье какое-то!» — подумал он, выйдя из дома и глотнув морозного вечернего воздуха. Несколько минут он ходил взад-вперед, пытаясь освежить голову и рассматривая деревянные домики, которые жались друг к другу, словно лесные обитатели, сбившиеся в стаю, чтобы согреться. Ветер стих совсем, и деревья вокруг в своих меховых шубах из инея и снега стояли не шелохнувшись.

Вдруг приглушенные голоса за его спиной сделались громче — это открылась дверь, и из нее вышла Алиса, закуривая сигарету.

— Лучше возвращайтесь, а то пропустите следующий круг, — сказала она.

— Да ни за что! — рассмеялся он.

Алиса глубоко затянулась, глядя на него сквозь дым. Она улыбалась ему, но улыбка ее была скорее насмешливой, чем добродушной. На ее красивом лице подобное выражение выглядело потрясающе, и Виктор в смущении отвернулся, чувствуя, что сердце начинает биться чаще.

— Виктор, а как вы стали репортером в газете?

— Почему вы интересуетесь?

Она пожала плечами:

— Если всю следующую неделю нам предстоит работать бок о бок, было бы неплохо узнать вас получше.

— Ну... я по натуре любопытный, мне нравится писать. Думаю, что в идеале мне хотелось бы стать писателем...

— А вы пробовали?

— Конечно! Долго пробовал. Но однажды понял, что не дано. Но совсем бросать не хотелось, а журналистика показалась самым приемлемым вариантом.

Она рассеянно кивнула в ответ, делая очередную затяжку.

— А как вы стали физиком?

— Почему вас это интересует?

Он отметил про себя, что усмешка ее сделалась более дружелюбной.

— По той же самой причине.

— Я тоже любопытна — в отношении Вселенной: как она зародилась, почему... Отец у меня биолог, так что я, можно сказать, выросла на уважении к научным принципам и рациональному мышлению. — При этом Алиса оглянулась на дом.

— Поэтому вы считаете, что сейчас мы зря теряем время, — заметил он.

Она не ответила.

— А почему вы не занялись биологией?

— Полагаю, мне хотелось глубже заглянуть в тайны реальности, ответить на самые фундаментальные вопросы. — Она снова улыбнулась. — Проще говоря, атомы меня всегда интересовали больше, чем животные. — Она докурила, но не бросила окурочек на землю, аккуратно засунула его обратно в пачку. — А что у вас с Вероникой?

— Что вы имеете в виду? — спросил он, слегка растерявшись.

— Вы все еще встречаетесь?

— Почему вы думаете, что мы *вообще* встречались?

— Виктор, моя работа — наблюдать. Я хорошо с этим справляюсь.

Он потер виски, пытаясь избавиться от боли, которая начала пульсировать в глаза:

— Мы... у нас ничего не получилось. Мы просто друзья.

— Думаю, она до сих пор хочет большего.

Внезапно Виктору надоел этот разговор. Он не понимал, то ли Алиса заигрывает с ним, то ли просто болтает, да и как-то не хотелось в этом разбираться в тот момент. А выражение лица, разумеется, ничем ее не выдавало.

— Пойдемте в дом, — сказал он.

— Пожалуй, я еще чуть-чуть постою, — ответила она, доставая следующую сигарету.

— Тогда увидимся.

Он уже развернулся было, но Алиса вдруг нахмурилась и схватила его за руку.

— Послушайте, Алиса, я не хочу...

— Тссс! Прислушайтесь!

Он не понял, о чем она, и только собрался спросить, как вдруг услышал что-то в воздухе — слабый звук, который постепенно становился громче. Он посмотрел на Алису:

— Что это?

Она прошептала:

— Откуда я знаю?

Звук, казалось, исходил отовсюду, это был низкочастотный гул, который пронизывал не только слух, но и тело до самых костей. Он рос и стихал в медленной, непрекращающейся пульсации, как биение сердца или дыхание какого-то огромного живого существа.

Виктор посмотрел в облачное небо, где закатное солнце цвета тлеющей золы окрасилось в темно-багровый цвет. Ему казалось, что источник звука находится одновременно рядом и далеко.

— Похоже на трансформатор или генератор, — сказал он. — Что за чертовщина?

— Звук искусственный, — согласилась с ним Алиса, потом посмотрела под ноги. — Он из земли тоже идет.

И правда, Виктор чувствовал пульс, который бил в подошвы его тяжелых ботинок откуда-то снизу. Это легкое вибрирование отдавалось мурашками по всему телу.

— Надо сказать Вадиму, — предложил он.

— Я уже слышу, — раздался голос из-за спины.

Виктор обернулся и увидел в дверях Константинова и Бахтиярова.

— Мы из дома слышали.

— Вы знаете, что это такое? — спросил Виктор, обращаясь к ним обоим.

Бахтияров вышел вперед.

— Иногда я говорю себе, что это звук Смотрящего за миром — сына Нуми-Торума, бога неба. А иногда я верю,

что это сам Нуми-Торум, который наблюдает за нами. Но в душе я знаю, что это не так.

— Значит, вы слышали это и раньше? — спросила Алиса.

— Да... мы слышали несколько раз.

— Похоже на искусственный звук какого-то механизма. Вы знаете, откуда он?

Бахтияров показал на север:

— Отортен и Холат-Сяхыл. Отсюда гор не видно... Но, иногда мы их слышим по вечерам. Поэтому со времен наших далеких предков их всегда боятся. Поэтому Отортен — «не ходи туда», а Холат-Сяхыт — «гора мертвецов». Мы держимся от них подальше.

Как бы в подтверждение слов Бахтиярова северный горизонт озарился светом, похожим на вспышку молнии. Все напряглись в ожидании раската грома, но его не последовало. Воздух оставался тихим и спокойным, если не считать странно пульсировавшего гула.

Константинов и Вероника подошли к Алисе и Виктору, теперь все стояли рядом и вместе всматривались вдаль и прислушивались. В этот момент Виктор заметил, что Бахтияров наблюдает за ними.

Небо снова озарила вспышка, на секунду отогнав приближавшуюся ночь и превратив облака в светящиеся серые в крапинку полотна.

— Что это, как ты думаешь, Алиса? — спросил Константинов.

— Думаю, это какой-то энергетический выброс, — ответила она спокойным и твердым голосом. Очевидно, что ее первоначальному шоку пришел на смену уверенный рационализм ученого.

— Согласен, и, должно быть, очень сильный... но я не понимаю, почему нет сопровождающего его звука.

Виктор обернулся на Бахтиярова и увидел рядом с ним шамана Прокопия, который тоже вышел из дома.

Оба смотрели друг на друга, и Виктор пытался угадать, что означало выражение на их лицах.

Шаман подошел к приезжим.

— Вы все еще хотите туда идти? — спросил он. Его голос звучал мягко и, пожалуй, слишком звонко для человека его возраста.

Константинов кинул на него взгляд:

— Да, мы все еще хотим идти.

Ему никто не возразил, хотя Вероника выглядела так, словно с удовольствием бы поддержала любого, кто выступил бы против. Она заметила, что Виктор смотрит на нее, и слабо улыбнулась. В ее глазах он прочитал страх. Она наверняка спрашивала себя, какого черта они лезут на рожон.

В этот момент Виктор мог бы отозвать ее в сторону. Мог бы спросить, хочет ли она идти до конца или останется здесь, в поселении, пока экспедиция не вернется за ней. Ждала ли она от него такого шага? Надеялась ли, что он предложит ей такой выбор?

Но Виктор ничего не сказал. Он просто улыбнулся ей в ответ, чувствуя себя таким же слабым, нерешительным и испуганным, как и она сама.

Прокопий Анямов выступил вперед.

— Тогда я иду с вами, — произнес он.

Все посмотрели на него, даже Бахтияров, который покачал головой и сказал:

— Нет, Прокопий.

Шаман улыбнулся и закивал:

— Роман, им будет нужен кто-то, кто о них позаботится, кто покажет им путь, расскажет, куда можно идти, куда нельзя... где опасно. Я знаю эту землю лучше, чем кто-либо в Юрте Анямова, даже лучше тебя. Правильно будет, если я отправлюсь с ними, защищу их как сумею.

— Сумеешь ли ты защитить их, Прокопий? — спросил Бахтияров.

Анямов положил руку ему на плечо:

— Я должен попытаться.

Когда Бахтияров обернулся к гостям, Виктор увидел злость в его глазах:

— Вам не нужно было сюда приезжать. Лучше бы вы вернулись обратно в свой город и никогда сюда не возвращались. Лучше бы вы оставили нас в покое!

Никто ничего не ответил.

И только небо снова беззвучно полыхнуло. Станный необъяснимый гул постепенно сошел на нет, и в лесу воцарилась тишина.

* * *

Роман Бахтияров, хоть и был сердит, предложил экспедиции переночевать у себя в доме. Всё же они оставались гостями, пусть и непрошеными, и его долгом было дать им пристанище.

Виктор плохо спал в ту ночь. Его тревожили воспоминания о непонятном шуме, который они слышали, и вспышках света — откуда и что они такое. Вероника лежала рядом, и по ее дыханию он чувствовал, что ей тоже не спится.

Ты можешь еще вернуться, думалось ему. Тебе и Нике незачем туда идти. Но он лежал молча, не шевелясь, слушая тишину, пытаясь уловить гул, сошедший вечером с далеких гор.

Но звук не повторился. По крайней мере, не той ночью.

Глубоко за полночь он забылся неглубоким и тревожным сном, и когда в окна просочился рассвет и Бахтияров зашевелился, он возблагодарил бога, хотя чувствовал себя совершенно разбитым.

Пока они поднимались и собирались в дорогу, Бахтияров говорил очень мало. Но Виктор читал на его

лице смешанные чувства злости и жалости, которые не смягчились, даже когда он открыл дверь и увидел поджидавшего их снаружи Прокопия Анямова.

Старик слегка улыбнулся. Он был одет в толстую меховую шубу, в которой не был бы страшен лютый мороз, в руках держал сумку из звериной шкуры и круглый предмет — свой шаманский барабан.

Бахтияров вышел на улицу, закрыв за собой дверь, и оставшимся в доме было слышно, как эти двое разговаривали между собой на своем языке — один голос был печальным, другой — спокойным и решительным. Виктор взглянул на Константинова — тот тоже смотрел на дверь и прислушивался. И хотя Виктор уже знал ответ на свой вопрос, он все равно спросил, о чем те говорят.

— Бахтияров пытается отговорить Анямова идти с нами... и, похоже, у него это плохо получается.

— Вадим, а он нам действительно нужен? — спросила Алиса. — Мы же не духов идем вызывать...

Константинов повернулся к ней:

— Разве нет?

Алиса возмущенно фыркнула:

— Конечно же нет! Это научная экспедиция. Я удивляюсь тебе. Если бы мы не сделали этот дурацкий крюк и не остановились здесь на ночь, то уже давно были бы на месте.

— Научная экспедиция, говоришь? — переспросил Константинов. — Да, предположительно... но не уверен, что она такой будет.

— О чем, черт возьми, ты говоришь? — выдохнула Алиса.

— Только о том, что, возможно, мы обнаружим нечто не из разряда научных явлений.

— Чушь! *Любое* явление научно.

— По-моему, вы очень самоуверенны, — сказала Вероника. Это были ее первые слова за все утро. — А

как же звук, который мы слышали вчера вечером? Или вспышки в небе?

— Я уже сказала, это какой-то энергетический выброс, — ответила Алиса, даже не взглянув на нее. — Он похож на молнию. А звук мог быть всего лишь проявлением сейсмической активности.

— Сейсмическая активность тут ни при чем, — вмешался Виктор.

Алиса повернулась к нему:

— Правда? И чем вы докажете? Вы что, сейсмолог?

Он почувствовал раздражение:

— Нет. Но ведь и вы тоже. В любом случае, вы сами говорили, что это похоже на звук какого-то устройства.

— Просто первое впечатление, Виктор. Но это только подтверждает мою точку зрения, не так ли?

— Будь что будет, — сказал Константинов, — думаю, мы должны положиться на помощь Анямова. Я вам еще в Екатеринбурге говорил: манси знают эти места — эти горы и лес. И повторяю, что любая информация от них может нам помочь.

— А я тебе повторяю, — продолжала протестовать Алиса, — что все это хорошо до тех пор, пока факты не подменяются мифами.

— Я не хочу больше с тобой спорить, Алиса.

Она готова была возразить, но в тоне Константинова было что-то, что заставило ее промолчать.

В этот момент открылась дверь.

— Вы готовы? — спросил их Бахтияров.

— Готовы, — ответил Константинов.

Бахтияров не стал заходить в дом, как будто бы хотел вернуться в свое жилище лишь после того, как они его освободят. Виктор не знал, правильно ли растолковал его поведение, но от самой этой мысли уже был зол. Чумные они, что ли, или проклятые? Он уже мысленно представлял, как Бахтияров открывает все окна, чтобы проветрить дом после них.

И перестав чувствовать себя желанным гостем, Виктор вдруг захотел оказаться как можно дальше отсюда. В тот момент он самому себе напоминал Алису — ему крайне не нравился ни страх, обуявший всю деревню, ни отношение ко всему этому Бахтиярова. Было обидно и унижительно, что их считают бестолковыми городскими, которые по своей глупой наивности не могут понять, куда суют голову. То, что Бахтияров беспокоится за Прокопия Анямова, это было понятно, но то, что он их самих считает опасными, — это злило Виктора еще больше.

«Он винит нас в том, что старик захотел идти с нами, — думал он, — но мне наплевать, как бы то ни было, наплевать. Это было его решение, а не наше!»

Бахтияров мерил их суровым взглядом, когда они один за другим выходили из дома, словно шайка воров, пойманных на месте преступления. Константинов скупно поблагодарил его за все. Тот лишь молча кивнул.

Пока они шли через деревню к своему внедорожнику, Виктор не увидел ни одного человека. Что-то подсказывало ему, что деревенские уже давно не спали — просто не хотели их видеть. Возможно, Бахтияров запретил им выходить наружу...

Бахтияров проводил их до машины, постоял рядом, пока они рассаживались по местам, и, когда Константинов захлопнул дверцу и взялся за руль, попросил его жестом открыть окно.

— На сколько вы едете?

— Примерно на неделю, — ответил Константинов.

— И привезете Прокопия обратно? — Это прозвучало скорее как утверждение, нежели вопрос.

— Конечно. Даю слово: мы все вернемся, и с хорошими новостями.

Алиса, снова севшая на переднее сиденье, потянулась через него и сказала:

— Может быть, вы еще потом и песню про это напишете.

Константинов бросил на нее испепеляющий взгляд и завел мотор.

— Не думаю, что нас снова пригласят пообедать, если мы все-таки вернемся, — сказала она, когда они отъехали.

— Если он захочет, чтобы ноги твоей больше не было в Юрте Анямова, я его упрекать не стану, — съязвил Константинов.

Алиса покачала головой, но ничего не добавила. Она уже сказала все, что хотела, и хотя Виктор был согласен с ней, что им не стоило сюда заезжать, ему было жалко Константинова. Ведь тот лучше всех понимал, насколько странным и ужасным может быть то, что ожидает их в лесу, поэтому хотел быть во всеоружии, хотел защитить своих спутников любыми средствами — в том числе и древними знаниями шамана.

Они ехали в самое сердце дремучего леса. Виктор поглядывал на Прокопия, зажатого на сиденье между ним и Вероникой: тот смотрел вперед на медленно проплывающие мимо деревья все с той же тихой улыбкой на губах.

Ника первой заговорила с ним — надо отдать ей должное. Представив ему всех, она сказала, что очень рада, что у них появился проводник. Но шаман ничего не ответил, просто улыбнулся шире, и глаза его заблестели, как у обрадованного ребенка.

И до самой Холат-Сяхыл он не обмолвился ни словом.

Рассказывает доктор Басков

[8]

В течение выходных, с 6 по 8 марта, я пересмотрел все записи бесед со Стругацким. Больше всего меня поразило то, что в лес, где пропали его попутчики, его вела какая-то странная неизбежность. Такое ощущение, что он был бессилен ей противостоять: его интерес, его одержимость случаем на перевале Дятлова поймали его в ловушку и затягивали все глубже — словно чарующий аромат плотоядных растений Южной Америки.

Если не считать неясных намеков и отсылок на некие чрезвычайно странные и враждебные силы, рассказ Стругацкого был последователен и логичен, в нем была целостность и законченность. Определенное сомнение вызывало непонятное поведение Эдуарда Лишина, который по необъяснимым причинам считал Виктора единственным достойным преемником сведений, которые до сих пор считаются государственной тайной. Но даже эта кажущаяся выдуманной часть рассказа получила подтверждение благодаря стараниям следователя Комара, который обнаружил досье среди вещей профессора Константинова.

Этот факт разрушал мое первоначальное предположение, что Стругацкий страдает болезнями фантазии. Досье существовало — и до сих пор существует, я прочел его, просмотрел необычные фотографии. Комар подтвердил, что они подлинные. Мне известно, что в той трагедии на перевале было и остается много такого, что советские власти не смели открыть общественности.

Как психиатр, я никогда не верил в паранормальные явления. Я всегда довольствовался принципом лезвия

Оккама^[1]: — человеческий разум и механизмы сознания и самосознания сами по себе без всяких сверхъестественных сил удивительны и загадочны, чтобы пытаться объяснить странные события и ощущения, которые нередко вмешиваются в нормальную жизнь людей. Я, как и Алиса Черникова, считал, что любое явление научно в своей основе. Другими словами: все без исключения происходящее в мире можно объяснить и описать рационально, если владеть достаточным количеством данных.

Таково было мое первоначальное отношение к делу Стругацкого. Поэтому я очень уверенно начал свою работу с ним, полагая, что смогу оценить его психическое состояние и дать здравый и подробный отчет криминалистам. Я и не представлял, что ему удастся открыть для меня мир, о существовании которого я не подозревал. Мир, чья аномальность подорвет мои рациональные принципы, которым я следовал всю свою профессиональную жизнь.

Большую часть выходных я провел дома, в своем кабинете. После восьми лет брака Наталья привыкла к моим моментам затворничества, когда мне попадался особо сложный или запутанный случай, и ее ничуть не раздражало, если я бывал необычно молчалив за обеденным столом. Я видел и ценил ее чуткое отношение и давал себе обещание отблагодарить ее — может, съездить вместе отдохнуть куда-нибудь на черноморский курорт, в Сочи, например, с его прекрасными парками, водопадами и лечебными грязями. Когда все закончится, конечно.

Я постарался забыть предупреждение Стругацкого о том, что можно пострадать от рук властей. Я пытался убедить себя, что его опасения не обоснованы, невзирая на тот факт, что он действительно владел секретными сведениями. Я не верил, что до этого дойдет: все

должно решиться совсем по-другому, убеждал я себя, хотя и сам не знал, как конкретно. И все равно я чувствовал некую уязвимость, подобную той, которая возникала, когда я встречался лицом к лицу с особо буйными и потенциально опасными пациентами, — но только в те минуты за моей спиной были санитары, готовые прийти на помощь в любую секунду. Теперь же угроза была невидимой, а может, и вовсе воображаемой. Но именно эта неопределенность внушала страх — больше за жену, чем за себя, — почему я и спрашивал себя: так ли уж хороша идея отправиться на море или куда-нибудь еще...

Я попытался избавиться от этих тревожных мыслей, а заодно поискать дополнительную информацию по так называемым инсталляциям и «котлам», которые, как считают, находятся в Якутии. Я нашел несколько статей в Интернете, самую обстоятельную написал некий доктор Валерий Уваров, глава отдела исследований НЛО при Академии национальной безопасности России в Санкт-Петербурге. Я вспомнил, что Стругацкий упоминал его имя, рассказывая о их с Вероникой визите к Константинову: он был автором какой-то невероятной версии о древнем сооружении, уходящем глубоко под землю.

Статья начиналась с описания реки Вилуй в ее верхнем течении на северо-западе Якутии. Уваров заявлял, что в этом месте 800 лет назад произошел некий «грандиозный катаклизм», и сейчас здесь можно обнаружить странные металлические объекты неизвестного происхождения, частично уходящие в вечную мерзлоту. Якуты веками избегали эту заболоченную и непроходимую местность, общей площадью в 100 тысяч квадратных километров, потому что хорошо знали, что в ней таится какая-то опасная сила.

В 1936 году в этом регионе старый купец Савинов показал своей внучке Зине один из объектов под названием хелдью («железный дом»). Это была арка из красноватого металла, внутри которой за винтообразным проходом, уводившим глубоко под землю, находилось помещение с несколькими входами, за которыми были комнаты с металлическими стенами. Савинов сказал Зине, что даже в самые суровые зимы в этом «железном доме» всегда тепло.

В предыдущие годы бывало, что местные охотники пользовались этим преимуществом, но те, кто ночевал в металлических комнатах, вскоре начинали болеть и умирали, подтверждая якутские поверья, что это «плохое» место, которого сторонятся даже дикие животные. Точное местонахождение этих комнат теперь неизвестно, поскольку охотники, знавшие об этом, унесли свои знания в могилу, так что намек на их существование можно найти лишь в географических названиях.

В 1971 году, например, двое исследователей Гутенев и Михайловский, проживавшие в городе Мирный в Якутии, описали свою встречу со старым охотником. Тот рассказал им, что между двух рек — Нюргун Боотур («огненный удалец») и Атаратак («место с трехгранной острой») — находится наполовину утопленный в землю объект, очевидно и давший второй реке ее название: большое трехрогое устройство или артефакт, чье происхождение и природа неизвестны.

Дальше Уваров заявлял, что в 1950-х годах в этом удаленном и малонаселенном районе советскими военными проводилась серия ядерных испытаний. В 1954 году было взорвано 10-килограммовое ядерное устройство. Взрыв оказался в две-три тысячи раз сильнее, чем предполагалось, как если бы взорвалась бомба в 20-30 мегатонн. Ученые оказались не в состоянии объяснить такое колоссальное расхождение.

«После испытаний, — пишет Уваров, — местность была объявлена закрытой зоной, где в течение нескольких лет велась секретная деятельность».

Я подумал: а может, так и был организован проект «Сварог»?

Я поискал в статье ссылки на летающие шары, о которых говорил Константинов и которые, как считалось, видела группа студентов-географов в ночь трагедии.

Ссылки нашлись среди пространных рассуждений о Тунгусском метеорите, упавшем утром 30 июня 1908 года (о чем Константинов тоже упоминал). В то утро столб голубого света, яркого как солнце, расколол небо над Центральной Сибирью, на расстоянии примерно 1000 километров севернее города Иркутска на озере Байкал. Тунгусы и русские поселенцы рассказывали о гигантской вспышке и раскатистом звуке, подобном артиллерийскому залпу, за которыми последовала взрывная волна, валившая людей с ног и выбившая окна на сотни миль в округе.

Первое сообщение в иркутской местной газете появилось только через два дня, 2 июля 1908 года. Привожу выдержку из статьи:

...крестьяне увидали на северо-западе, довольно высоко над горизонтом, какое-то чрезвычайно сильно (нельзя было смотреть) светящееся белым, голубоватым светом тело, двигавшееся в течение 10 минут сверху вниз. Тело представлялось в виде «трубы», то есть цилиндрическим. Небо было безоблачно, только невысоко над горизонтом, в той же стороне, в которой наблюдалось светящееся тело, было заметно маленькое темное облачко. Было жарко, сухо. Приблизившись к земле (лесу), блестящее тело как бы расплылось, на месте же

его образовался громадный клуб черного дыма и послышался чрезвычайно сильный стук (не гром), как бы от больших падавших камней или пушечной пальбы. Все постройки дрожали. В то же время из облачка стало вырываться пламя неопределенной формы. Все жители селения в паническом страхе сбежались на улицы, бабы плакали, все думали, что приходит конец мира.

Очевидец из фактории Вановара С. Б. Семенов дал очень яркое и детальное описание случившегося:

...в завтрак я сидел на крыльце дома... как вдруг на севере небо раздвоилось, и в нем широко и высоко над лесом появился огонь, который охватил всю северную часть неба. В этот момент мне стало так горячо, словно на мне загорелась рубашка. Я хотел разорвать и сбросить с себя рубашку, но небо захлопнулось, и раздался сильный удар. Меня сбросило с крыльца сажени на три (около семи метров). После удара пошел такой стук, словно с неба падали камни или стреляли из пушек, земля дрожала, и когда я лежал на земле, то прижимал голову, опасаясь, чтобы камни не проломили головы.

А вот впечатления крестьянина из Кежемского района (200 км от места происшествия):

В ту пору я пахал свою пашню на Народимой (6 км к западу от с. Кежмы). Когда я сел завтракать около своей сохи, вдруг раздались удары, как бы пушечные выстрелы. Конь упал на колени. С северной стороны над лесом вылетело пламя. Я подумал: неприятель

стреляет (в ту пору о войне говорили). Потом вижу: еловый лес ветром пригнуло; ураган, думаю; схватился за соху обеими руками, чтобы не унесло. Ветер был так силен, что снес немного почвы с поверхности земли; а потом этот ураган на Ангаре воду валом погнал — мне все хорошо было видно, так как пашня была на бугре.

По всей стране сейсмографами был зарегистрирован колоссальный взрыв, измеряемый 5 баллами по шкале Рихтера. Сравнив эти данные с сейсмограммами ядерных испытаний на Новой Земле и в Лоп-Норе, физик Арье Бен-Менахем установил, что энергия Тунгусского пришельца оказалась «эквивалентна взрыву внеземной ядерной боеголовки мощностью в $12,5 \pm 2,5$ мегатонн». Это в тридцать раз превышает мощность атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму, и в 0,2 раза — мощность самой крупной водородной бомбы.

Многие годы исследователи неоднократно заявляли, что Тунгусский пришелец был не обычным метеоритом или кометой, а космическим кораблем внеземной цивилизации, находившимся вблизи Земли и потерпевшим аварию. Его взорвавшиеся при падении двигатели вызвали мощную ударную волну. Сторонники этой гипотезы ссылаются на свидетельства многих очевидцев, утверждавших, что траектория движения объекта изменилась — что было бы невозможно при падении метеорита или кометы.

Доктор Уваров эту версию не разделяет: он утверждает, что в то утро 30 июня 1908 года в небе двигалось несколько объектов, и все они летели к месту будущего взрыва с разных сторон. Вот слова Уварова: «Расхождения в показаниях очевидцев, которые в одно и то же время наблюдали в достаточно удаленных друг от друга местах объекты, летевшие в одну точку, ввели

исследователей в заблуждение. Из-за этого и появилась версия, что это был космический корабль, пытавшийся маневрировать над сибирской тайгой».

На прииске Степановский, недалеко от Южно-Енисейска, очевидец Тунгусского феномена находился вблизи небольшого озера, как вдруг почувствовал внезапный необъяснимый страх. Земля затряслась, а вода в озере ушла, обнажив в озерной пойме дыру. Очевидец бросился бежать, а когда обернулся — увидел вставший над озером столп яркого света с неким сферическим объектом наверху. Вокруг стоял ужасный шум и гул, а очевидец получил радиационные ожоги на лице.

Радиационные ожоги, подумал я. Как и у ребят из группы Дятлова...

В своей статье Уваров ссылается на эпос олонхо. Я вернулся к своим записям и прочитал место, где Константинов пересказывает древнюю поэму:

Когда тьма рассеялась, люди увидели огромный круг выжженной земли, в центре его возвышалось некое сооружение, издававшее странный пронзительный гул. В течение нескольких недель сооружение это постепенно уходило под землю, пока не исчезло совсем, оставив после себя большую вертикальную шахту. Временами у жерла этой шахты видели парящий объект, который пастухи называли «вращающимся островом». Особо любопытные люди отваживались заходить на эту территорию, но назад уже не возвращались.

Много лет спустя там произошло сильнейшее землетрясение. Появился огромный огненный шар, который скрылся за горизонтом, в направлении земель соседнего племени, и произвел там свое разрушительное действие.

Поскольку это племя было враждебно якутам, они решили, что шар — их демон-защитник. Его называли Нюргун Боотур, что значит «огненный удалец».

По словам Уварова, в архивах Иркутской магнитнометеорологической обсерватории хранятся записи некоего Кокорина, который работал наблюдателем на метеостанции на реке Кежме, в 600 километрах от места падения Тунгусского метеорита. Его записи от 30 июня подтверждают, что в тот день в небе над Сибирью летел не один объект:

В 7 ч. утра на севере появились два огненных круга огромных размеров; через 4 мин. с начала появления круги исчезли; вскоре после исчезновения огненных кругов был слышен сильный шум, похожий на шум ветра, который шел с севера на юг; шум продолжался около 5 мин. Затем последовали звуки и треск, похожие на выстрелы из громадных орудий, от которых дрожали рамы. Эти выстрелы продолжались 2 мин., а после издавался треск, похожий на выстрел из ружья. Эти последние продолжались 2 мин. Все случившееся было при ясном свете.

Дальше Уваров цитирует нескольких очевидцев, все они рассказывают о ярких летящих шарах, которые он называет «энергетическими шарами». Он предполагает, что именно эти объекты, имевшие мощный электромагнитный заряд, и наблюдали летевшими в небе по разным траекториям, но в одну точку — в место падения Тунгусского пришельца. Шары эти были сгенерированы под землей и запущены посредством энергетической установки из вертикальных шахт

невероятной глубины, которые якуты называют «хохочущие бездны».

Был ли Пришелец метеоритом или кометой, уже неважно. Главное, что энергетические шары остановили и разрушили его до того, как он ударился о землю в густонаселенной местности.

В поддержку этой версии Уваров приводит тот факт, что позже на обширной территории тайги было обнаружено большое количество крошечных шариков с высоким содержанием никеля. Эти микрообъекты размером от 5 до 400 микрон — вот и все, что осталось от Тунгусского пришельца. «Рассуждая о механизме действия энергетических шаров, — пишет он, — мы можем предположить, что при помощи своего мощного электромагнитного заряда они должны были притянуться к летящему метеориту и изменить его траекторию таким образом, чтобы тот вышел из атмосферы Земли. Если бы скорректировать траекторию метеорита оказалось невозможно, они попросту должны были разрушить эти каменные осколки, а именно расплавить метеоритное вещество, которое потом затвердело в крошечные шарики».

Насколько я помнил, Константинов упоминал, что в недавние годы были сбиты еще два метеорита — Чулымский в 1984 году и Витимский в 2002-м. В статье Уварова о них тоже говорилось.

Чулымский метеорит появился 26 февраля 1984 года. Он рассек небо на высоте около 100 км, двигаясь по той же траектории, что и Тунгусский пришелец 76 лет назад. Люди, ехавшие в автобусе по трассе в город Мирный и наблюдавшие приближение метеорита, увидели вдруг столб огня, вырвавшийся из-под земли. В это же время рыбаки на реке Чона заметили два светящихся шара, возникших из-за холмов в северной стороне, граничащей с «долиной смерти». Эти шары поднялись вертикально в небо и исчезли в облаках.

Через несколько минут метеорит, видимо, взорвался над притоком Оби — рекой Чулым. Организованная после экспедиция следов метеорита не обнаружила. В больших количествах были найдены лишь силикатные микроскопические шарики — подобные тунгусским.

В сентябре 2002 года через спутник американского министерства обороны было зафиксировано, что в направлении местечка Бодайбо в Иркутской области летит большой метеорит. Спутник зафиксировал также яркий объект на высоте 62 км, который двигался под углом 32 градуса от линии горизонта по траектории столкновения с приближающимся метеоритом. Неизвестный объект, скорее всего, столкнулся с метеоритом на высоте 30 км с последующим мощным взрывом.

На этот раз очевидцев было много. Например, электрик Евгений Ярыгин из города Слюдорудник находился в щитовой на оптовой базе, когда рабочие слышали отдаленный шум, «похожий на гул самолета» и увидели в окно, выходящее на южную сторону, странное свечение. Что-то очень яркое, как сварочная горелка, спускалось из-за холма на юго-восток и оставляло за собой красно-коричневый след. Через десять секунд этот свет, озарявший все пасмурное небо, ослабел и в конце концов исчез совсем.

Ярыгин с друзьями выбежали на улицу, но тут раздался такой громкий взрыв, что в здании отвалилась штукатурка. Гул, который слышали первым, шел с той же стороны, где появилось свечение, но взрыв раздался с противоположной стороны — с той, куда двигался светящийся объект.

Еще несколько человек рассказали о странном раскатистом громе, раздавшемся как будто из-под земли, после чего появилось яркое свечение, взлетевшее в небо, и произошел ужасно громкий взрыв. Учитывая тот факт, что очевидцы находились в разных

местах, и сопоставляя время наблюдения этих явлений, можно сделать вывод, что объектов было несколько, но они двигались в одном направлении — в точку, где взорвался метеорит.

Закончив читать статью, я несколько минут сидел недоумевая. Версия Уварова об «энергетических шарах» и о древней системе защиты нашей планеты казалась совершенно нелепой, какой-то научной фантастикой. Однако свидетельства десятков очевидцев событий на Тунгуске, Чулыме и Витиме нельзя было просто игнорировать, а из них следовало, что во всех трех местах произошло нечто гораздо более сложное и загадочное, чем падение метеорита.

Я посмотрел на часы — почти полночь. Я выключил компьютер, потер глаза, чувствуя себя растерянным и сбитым с толку. Я не знал, насколько верить только что прочитанному. Все это либо полная чушь, либо нечто бесценно важное. Третьего не дано.

Я достал чистый листок бумаги и записал следующее:

Неопознанные шарообразные объекты совершенно очевидно объединяют событие на Тунгуске, трагедию на перевале Дятлова и происходящее в настоящий момент.

Это постоянная деталь — но что они такое?

Их появление:

— 1908 год, Тунгуска: они останавливают и взрывают Пришельца из космоса прямо в воздухе, не дав ему упасть на густонаселенную местность.

— 1959 год, Северный Урал: их видели в небе над Холат-Сяхыл в ночь гибели группы Дятлова.

— 1984 год, Чулым, 2002 год, Витим: они снова останавливают и взрывают метеориты, не

допустив их удара о землю и его разрушительных последствий.

Дата неизвестна: советское правительство создает сверхсекретный проект под кодовым названием «Сварог». Цель его неизвестна, но он бесспорно занимался расследованием дела по перевалу Дятлова.

Название «Сварог» отсылает к старославянскому божеству неба.

Все документы, относящиеся к проекту, отмечены следующим знаком:

Он представляет собой символ Перуна, бога грома и молнии у славян-язычников.

Существует предположение, что форма этого знака воплощает феномен шаровой молнии и используется для отвода молний, то есть выступает защитным символом.

Выбирая символику для проекта «Сварог», его организаторы определенно знали этот факт.

Вопросы:

— Проект «Сварог» создан с целью защищать или же найти то, что защищает?

— Какова природа и происхождение так называемых уваровских «энергетических шаров», если предположить, что они все-таки существуют?

— Если система обороны Земли, частью которой они предположительно являются, такая древняя, как полагает Уваров, то кто же ее создал?

— Какими мотивами руководствовался Эдуард Лишин, когда передавал информацию о проекте «Сварог» Стругацкому и Константинову?

— Являются ли шары убийцами туристов группы Дятлова? И если да, то по какой причине?

Только я собрался пробежать глазами эту запись, как во входную дверь громко постучали. От неожиданности я вздрогнул: кого могло принести в такой поздний час? Наталья уже спала, поэтому я поспешил открыть, боясь, как бы неожиданный гость не разбудил ее.

На пороге стоял главный следователь Комар: руки глубоко в карманах пальто, воротник поднят — ночь выдалась холодная.

— Извините, что беспокою вас дома, — сказал он, выдыхая морозный пар, — но мне нужно безотлагательно обсудить с вами одну вещь.

— Конечно, — ответил я, сторонясь и давая ему войти. — Вам что-нибудь принести согреться? — спросил я вполголоса, ведя его в свой кабинет.

Он так же тихо ответил, что ему ничего не нужно.

Я предложил ему сесть.

— Чем могу быть полезен?

Комар набрал в грудь воздух и выдохнул:

— Трое из моих людей пострадали.

Я присел на край стола напротив него:

— Ваши люди? Которые отправились в горы?

Он кивнул.

— Их сегодня привезли в Екатеринбург. Они очень больны.

Я с недоумением смотрел на него:

— Как именно больны?

— Похоже на радиационное отравление, но...

— Но что?

Вместо ответа он откинулся на спинку стула, тяжело вздохнул и провел рукой по волосам.

— Не знаю, — пробормотал он после паузы.

— Вы сами их видели?

— Да, я был в Новой больнице, когда их привезли. На первый взгляд, как будто подверглись радиации, но я не уверен.

— Что вы имеете в виду? Извините меня, но вы хоть раз видели облученного человека?

Он хмуро улыбнулся:

— Мой шурин был в команде пожарных, работавших в Чернобыле после трагедии. Да, я видел облученных... но здесь было другое.

Я ждал продолжения; он посмотрел на меня с испуганным изумлением в глазах и сказал:

— Их кожа не обгорела, а как бы сказать... загорела. Неестественным оранжевым загаром.

У меня пересохло во рту.

— А волосы? — спросил я.

— Поседели. Но это еще не все. Говорить они могут, поэтому, когда я спросил, что произошло, они все рассказали о том, что видели в небе.

— И что это было?

— Светящиеся шары, — сказал Комар. — Они висели в воздухе прямо над ними.

Я отошел в угол кабинета, где находился бар с напитками, и плеснул нам обоим водки. Комар без слов принял стопку и опрокинул ее в рот.

— И что вы намерены делать? — спросил я.

— Когда у вас следующая встреча со Стругацким?

— Завтра.

— Во сколько?

— В десять.

— Я хочу присутствовать. И вообще, впредь я хочу присутствовать на каждой вашей встрече. Я хочу лично

услышать, что произошло.

— Хорошо, — согласился я, хотя присутствие угрозыска во время оценки психического состояния пациентов было абсолютно противоправным. По правде говоря, у меня не было выбора, и Комар знал это. Если бы я отказался, он бы просто позаботился о том, чтобы прекратить наши сеансы и отправить Стругацкого в тюрьму. Такой исход дела, конечно же, был самым нежелательным — Комар понимал и это. Если мы хотим, чтобы Стругацкий заговорил, тогда Первоуральская больница — самое подходящее место.

Комар любезно поблагодарил меня, но поскольку это было против моей воли, то я добавил:

— Только при одном условии.

— Каком именно?

— Вы позволите мне проводить сеансы так, как они проходили бы без вас, и предоставите Стругацкому самому решать, как и в какой последовательности рассказывать о событиях, очевидцем или участником которых он стал.

Комар вопросительно взглянул на меня.

— Доверьтесь мне, — сказал я, ободряюще улыбнувшись. — Так мы от него узнаем больше.

Комар кивнул:

— Хорошо, пусть будет по-вашему, но я хочу знать, что случилось с моими людьми. И если их лечащие врачи не могут ответить на мои вопросы, то я вас уверяю: Стругацкий сможет.

* * *

На следующее утро Комар приехал в Первоуральскую больницу в 9:50, мы вместе вошли в палату Стругацкого. Он довольно интересно отреагировал на появление следователя — вздохнул,

закрыв глаза и кивнул, как будто знал или догадался, что произошло нечто важное.

— Виктор, я думаю, со старшим следователем Комаром вы знакомы, — сказал я, когда мы сели. — Он будет присутствовать на всех оставшихся сеансах.

— Что случилось? — спросил Стругацкий.

— Почему вы думаете, что что-то случилось? — спросил его Комар.

— Иначе бы вы здесь не сидели, верно? Что-то там в горах случилось. Так что же?

Я опередил Комара:

— Трое оперативников, которые прочесывали лес в одном из мест, указанных на карте Лишина, заболели. Они говорят, что видели светящиеся шары в небе.

— Где это было?

— Недалеко от места, которое в досье названо ртутным озером, — сказал Комар.

— Они нашли само озеро?

— Нет.

Стругацкий кивнул.

Комар придвинулся ближе и громко спросил:

— Что случилось с моими людьми?

— Это значит лишь, что местность по какой-то причине все еще активна.

— Активна?

Я тронул следователя за плечо и неодобрительно покачал головой. Он сурово на меня глянул, сел на место и скрестил руки на груди.

— Виктор, — сказал я, — похоже, опергруппа столкнулась с тем же явлением, что и группа Дятлова. Можете рассказать нам о нем — хоть что-нибудь? Возможно ли это как-то объяснить?

— Это электромагнитное излучение высокой степени концентрации. Думаю, его источник — шары. — Он запнулся, посмотрел на Комара. — Как близко от них оказались ваши люди?

— Не знаю точно, но, кажется, довольно близко. Они отделились от группы и вели самостоятельные поиски. Вчера группа вышла на связь и доложила, что трое заболели и их нужно срочно эвакуировать.

— Виктор, ведь вы наверняка встретились там с чем-то подобным, — сказал я, показывая на его волосы. — Хотя на вас лично эффект не так очевиден. Почему?

Стругацкий, не ответив, повернулся к следователю и спросил в свою очередь:

— Разве у ваших людей не было приборов для обнаружения радиации?

Комар покачал головой:

— Не было.

Стругацкий горько усмехнулся:

— Ну да, разумеется. Вы ведь совсем не такое расследование предполагали.

— Мы искали тела, — ответил он сквозь зубы, — а не пришельцев, или чудовищ, или неизвестные формы радиации. Это было расследование убийства.

— Но теперь уже нет, — ответил Стругацкий, выдерживая взгляд Комара.

— Какие приборы взяла Черникова на Холат-Сяхыл?

— Обычные датчики. Думаю, вам они известны.

— Уточните, пожалуйста.

— У нее был счетчик Гейгера с трубкой, сцинтилляционный дозиметр гамма-излучения, портативный многоканальный анализатор, ионизационная камера, пропорциональный счетчик и радоновый детектор.

— Откуда у нее все это?

Стругацкий пожал плечами:

— Она же физик, в университете у нее был доступ к оборудованию. Она взяла его на время, не знаю, правда, с разрешения ли начальства. Скорее всего нет, потому что мы не афишировали свои планы отправиться на Холат-Сяхыл.

Комар встал и вышел из палаты, на ходу доставая из кармана мобильный телефон.

Когда через минуту он вернулся, Стругацкий спросил его, улыбаясь:

— Распорядились, чтобы ваша команда была надлежащим образом экипирована? Лучше поздно, чем никогда, правда? Хотя это не поможет. Радиацию там излучают шары, и она неизвестной формы. От нее нет защиты.

Рассудив, что Комар более чем достаточно поучаствовал в разговоре, я взял инициативу на себя:

— Виктор, давайте пока это оставим и продолжим с того места, на котором остановились в пятницу. Помните? Вы сказали, что всю дорогу к горе шаман Прокопий Анямов молчал. В конце нашего прошлого сеанса вы почти добрались до Холат-Сяхыл. Можете рассказать дальше?

Стругацкий перевел взгляд с меня на следователя и сказал:

— Хорошо, доктор.

Глава четырнадцатая

Дорога лежала через холодный, безмолвный пейзаж, образуемый густым лесом и каменными глыбами в снеговых шапках. Виктор был здесь впервые, и это место казалось ему другой планетой, особенно скалы. Константинов сказал, что им более 300 миллионов лет. Время и внутренние геологические процессы придали им причудливую форму, сохранив при этом таинственную упорядоченность: местами они высились огромными отвесными стенами, которые напоминали останки древних замков, возведенных какой-нибудь давно вымершей расой; можно было различить заваливающиеся друг на друга зубцы крепостного вала, кладку из огромных бороздчатых камней и серые башни. Напластования горных пород создавали впечатление, что скалы эти сложены из бесформенных плит, вытесанных неизвестным, фантастическим разумом.

Вокруг стоял молчаливый девственный лес, покрытый снегом. Виктору казалось, что лес... или что-то в лесу наблюдает за ними — было страшно и неприятно ощущать себя маленьким и слабым перед этой необъятной и древней территорией, где человеку незачем появляться и куда им предстояло войти.

А за игольчатыми вершинами деревьев в пасмурное небо уходила круглая вершина Холат-Сяхыл — горы мертвецов.

Константинов остановил машину, и все посмотрели в сторону горы через ветровое стекло. Виктору подумалось: о чем еще, помимо смерти девяти беззащитных людей, хранит память этот седой страж, для которого полвека — лишь один удар его каменного сердца?

Словно пытаюсь отогнать странное оцепенение, овладевшее всеми, Константинов произнес:

— Ну что, будем двигаться дальше. До ночи нужно поставить лагерь, но прежде я хочу вам кое-что показать.

— Что именно? — спросила Вероника.

— То, из-за чего мы сюда приехали, — ответил он, переключая скорость и трогаясь с места.

Через какое-то время они остановились возле другой скалы. К ней была прикреплена большая мемориальная доска из металла, на которой был изображен барельеф: профиль мужской головы, выполненный в монументальном, угловатом стиле искусства советской эпохи.

Константинов выключил двигатель, все вышли из машины, даже Прокопий, и приблизились к камню с доской. На ней было написано:

***Под этим перевалом выюжной ночью 2
февраля 1959 г.***

погибли туристы УПИ.

Памяти ушедших и не вернувшихся

назвали мы этот перевал имени гр. Дятлова.

Дальше шли имена:

ИГОРЬ ДЯТЛОВ

ГЕОРГИЙ КРИВОНИЩЕНКО

ЮРИЙ ДОРОШЕНКО

ЗИНАИДА КОЛМОГорова

ЛЮДМИЛА ДУБИНИНА

РУСТЕМ СЛОБОДИН

АЛЕКСАНДР ЗОЛОТАРЕВ

НИКОЛАЙ ТИБО-БРИНЬОЛЬ

АЛЕКСАНДР КОЛЕВАТОВ

В памяти Виктора всплыли лица ребят, живых и улыбающихся, — и тут же вспомнились другие фотографии: брошенная второпях, придавленная палатка и замороженные тела, наполовину занесенные снегом. В тот момент он не мог представить, что ужаснее: встретить смерть от бездушного стихийного бедствия и даже не успеть этого понять — или быть умышленно убитым неизвестной и необъяснимой силой, обладающей сознанием и разумом.

Вокруг стояла тишина — глубокая, прозрачная тишина зимней природы, не то священная, не то зловещая — Виктору было трудно сказать в такой момент и в таком месте.

И тут Прокопий Анямов поступил очень странно. Он подошел к мемориальной доске, положил на нее ладонь и начал что-то очень тихо говорить на своем языке. Он опустил голову и закрыл глаза, словно молился. Никто не произнес ни слова — все просто стояли и смотрели.

Наконец он закончил, развернулся и, ни на кого не глядя, пошел назад и сел в машину.

Виктор посмотрел на Константинова — тот не спускал глаз с доски, но лицо его было совершенно бесстрастным. В этот момент Виктору показалось, что Константинов как-то вмиг постарел, словно годы вдруг взяли верх над желанием докопаться до правды, ради которого он жил до сих пор. Он был похож на человека, чье долгое и утомительное путешествие подходит к концу, но он все еще не уверен, это ли конечный пункт.

— Вадим, — тихо окликнул он его, — нам надо ставить палатку.

Константинов посмотрел на него с удивлением, словно только что очнулся от кошмарного сна.

— Да, — отозвался он, кинув быстрый взгляд на небо, — скоро начнет темнеть.

* * *

— И где ты хочешь разбить лагерь? — спросила Алиса, когда они вернулись к машине.

В ее голосе угадывалось чуть заметное волнение — ей, как и Виктору, явно было не по себе от окружающей обстановки. Ее обычное легкое высокомерие исчезло. Но было ли это из сочувствия и уважения к Константинову или же от страха? Теперь, когда они достигли Холат-Сяхыл, уже точно зная, что с этим местом определено что-то не так, хотелось ли ей быть здесь?

Константинов достал карту Лишина.

— Вот здесь, — ткнул он пальцем, — сразу за линией леса. Отсюда будет удобно добираться до всех отмеченных мест.

Виктор наклонился вперед, чтобы посмотреть, куда он показывает.

— Здесь нашли тела Георгия Кривонищенко и Юрия Дорошенко.

— Верно. Как видите, все пункты, отмеченные на карте, всего лишь в часе езды на машине с учетом особенностей местности: инсталляция, «котел», ртутное озеро, станция зоны № 3.

— И с чего вы думаете начать? — спросила Вероника.

— Со станции, — не задумываясь, ответил Константинов.

— Почему именно с нее?

— По двум причинам, Ника. Во-первых, это место может подсказать, чем занимался проект «Сварог». Ведь что-то могло остаться после того, как станцию покинули. Маловероятно, конечно, но проверить нужно — и сделать фотографии. Во-вторых, учитывая природу остальных объектов, я хочу начать с осмотра того, который здесь действительно находится. Который не исчезает и не появляется по собственной воле.

— Который был создан человеком, — сказала Алиса. — Хочешь начать с разминки, прежде чем брать серьезный старт.

Константинов выдавил улыбку.

— Да, можно и так сказать.

Он передал Алисе карту, завел машину, и они поехали, оставив позади камень и мемориальную доску на нем.

* * *

Небо уже начало темнеть, когда они добрались до кромки хвойного леса, где в феврале 1959 года первая спасательно-разведывательная группа нашла тела Кривонищенко и Дорошенко — босых и в нижнем белье. Виктор вышел из машины и взглянул на деревья,

росшие по краю. Он вспомнил, что кто-то из туристов вскарабкался на одно из них в явной попытке определить, в какой стороне находится оставленная ими палатка, или посмотреть, что там происходит.

Он обернулся и посмотрел на склон, ведущий к вершине Холат-Сяхыл; взгляд остановился в том месте, где группа Дятлова разбила свою палатку в ту ночь. И он вдруг словно наяву увидел бегущих вниз девять человек, объятых паникой.

Он вздрогнул и отвернулся, заметив стоящего рядом с машиной Прокопия, который наблюдал за ним без всяких эмоций.

Остальные вытаскивали палатку из багажника. Виктор подошел помочь; вместе они стали распаковывать и растягивать тент. Они возились около часа, не заметив, как исчез куда-то Анямов.

А вот теперь он появился из-за деревьев, неся охапку хвороста и наломанных веток, которые свалил недалеко от палатки.

— Для костра, — пояснил он.

— Спасибо, Прокопий, — ответил Константинов.

Шаман разложил ветки на заснеженной земле и с улыбкой взял зажигалку, которую ему молча протянула Алиса. Уже через несколько секунд ярко разгорелся огонь, и Виктор, ощутив его жар на лице, немного взбодрился. Глядя, как над их маленьким лагерем взвиваются искры в холодном вечернем воздухе, он поймал себя на мысли, что огонь порой может творить чудеса. Люди, как биологический вид, никогда не любили тьму, даже те, кто заявлял, что не боится ее. Она отталкивала на подсознательном уровне, и человек своим первобытным животным чутьем ощущал угрозу с ее стороны. Но жаркий потрескивающий огонь уверял, что природа может быть не только врагом, но и союзником и что всегда есть способ отогнать то, что скрывается под покровом тьмы.

Почти всегда.

Вероника установила и разожгла газовую горелку, и они приготовили свой первый походный ужин: тушенка, фасоль и черный хлеб. Конечно, не сравнить с жарким в доме Романа Бахтиярова, но все же горячо и сытно. К тому же у Константинова оказался для них приятный сюрприз. Едва ли не торжественно он достал пачку кофе «Blue Mountain» и заварил его целый котелок, и все они, даже Прокопий, с благодарностью потягивали изысканное питье из железных кружек, слегка перебивавших его благородный аромат.

После ужина Алиса закурила, откинувшись на своем складном стульчике и выдыхая дым в воздух.

— Итак, — сказала она, — каковы наши планы на завтра? Станция зоны № 3?

— Думаю, с нее начать лучше всего, — повторил Константинов.

Прокопий кивнул в ответ. Алиса, увидев это, улыбнулась ему:

— Рада, что вы согласны.

Шаман тоже ей улыбнулся.

— Прокопий, — обратился к нему Константинов, — там, в Юрте Анямова, вы сказали, что сможете провести нас, обходя самые опасные места. Что вы имели в виду?

— То, что сказал.

— Но откуда вы знаете, какие места опасны, а какие нет?

— Мы здесь уже много лет живем, — ответил Анямов, — это наша земля, наш дом... это часть нас, и хотя многие теперь перебираются в города, здесь всегда будут жить манси. — Он кивнул головой в сторону уходящей ввысь Холат-Сяхыл, которая казалась белой на фоне грязно-серого пасмурного неба. — Это место хочет, чтобы его оставили в покое, поэтому мы сюда и не ходим. Но оно все равно наша часть. Вам не понять, но я могу здесь видеть то, чего не видите вы, и

слышать то, что вы не слышите. Я не хочу здесь быть, но я пришел, потому что вам нужен проводник. Вот и все, что я могу сказать. А что я думаю, вам знать ни к чему.

Константинов кивнул:

— Понимаю.

Алиса улыбнулась, переводя взгляд с него на Прокопия.

— Мы все ценим вашу помощь, Прокопий, — сказала она.

Шаман снова улыбнулся ей:

— Необязательно ценить мою помощь. Сейчас важно, чтобы вы следили за небом.

— За небом? Что вы имеете в виду?

Анямов улыбнулся еще шире:

— Важно, чтобы вы следили за небом, — упрямо повторил он.

Все подняли головы.

— Облака рассеиваются, — произнесла Алиса и ухмыльнулась Прокопию. — Вы это хотели сказать?

— Нет.

— Полагаю, что похолодает, — сказала Вероника, поднимая воротник своей теплой куртки и пряча в него подбородок.

Анямов посмотрел на нее:

— Да... но это значит еще кое-что.

— Что это значит, Прокопий, не томи! — вмешался Константинов.

Шаман ничего не ответил, продолжая смотреть в небо с загадочной улыбкой на губах.

Облака и правда рассеивались, обнажая черноту ночного неба. Виктору даже показалось, что они движутся слишком быстро, учитывая, что не было ни малейшего дуновения ветра.

По сути, они вообще не должны были двигаться.

— Посмотрите на звезды, — произнес Анямов.

Они были яркими и четкими — сверкающие булавочные головки, тысячами рассыпанные по черному космическому куполу. Таких звезд не увидишь в городе, где большинство из них тонет в полинявшем от света домов и фонарей небе.

— Красиво, — отозвалась Вероника.

— Он не это имеет в виду, — прошептала Алиса так испуганно, что Виктор и Вероника обернулись к ней.

Она, Константинов и Анямов не сводили глаз с небосвода.

Но улыбался один Прокопий.

— Что такое? — спросил Виктор.

Константинов не ответил и только озадаченно покачал головой.

— Да скажите же, наконец!

— Эти звезды, — голос Алисы дрожал, — они неправильные... все неправильные!

— И что это значит? — спросила Вероника.

— Я не узнаю ни одного созвездия. Это не то звездное небо, которое мы обычно видим с Земли.

— Но это же невозможно, — добавил Константинов.

— Да, — тихо, почти по-детски, удивленно и испуганно произнесла Алиса. — Это невозможно, но это правда. Звезды расположены неправильно... все звезды...

Часть III

В аномальной зоне

Рассказывает доктор Басков [9]

— Он все врет, — сказал следователь Комар, когда мы вернулись в мой кабинет после сеанса.

— Вы так думаете?

Комар посмотрел на меня удивленно.

— Конечно! Как иначе все это объяснить? Я имею в виду неправильные созвездия и тому подобное. Это полная чушь!

— Может быть, у них была общая галлюцинация? — спросил я скорее самого себя, чем следователя. — Или Константинов с Черниковой попросту ошиблись?

Комар покачал головой:

— Сомневаюсь, что Константинов мог ошибаться в таких вопросах. Или Черникова. Она же физик. Невозможно, чтобы она не узнала ни одного созвездия на небе. Хотя странно, что до последнего момента рассказы Стругацкого всегда подтверждаались фактами.

— Вы имеете в виду обнаруженные документы проекта «Сварог»?

Он кивнул:

— Даже существование антипризмы подтверждается документами. А мы установили, что они подлинные. Но это лишь значит, что они не фальшивка, а достоверность их содержания — это уже совсем другой вопрос.

— По словам Стругацкого, Алиса Черникова предполагала, что документы могли быть частью сложного психологического эксперимента...

Комар фыркнул в ответ:

— Это было бы не впервые.

— Однако, — продолжал я, — думаю, нужно учитывать, что все это может оказаться правдой.

— Вы шутите?

— Вовсе нет.

Я открыл шкаф с документами, достал копии бумаг из досье Лишина и протянул следователю один снимок. На нем была надпись: «Ночное небо над лесом к югу от Холат-Сяхыл. Возможно, неудачная попытка заснять необъяснимое явление».

— Вот хотя бы это фото, — сказал я.

Комар взял в руки снимок.

— Здесь же ничего нет, кроме черноты! Вряд ли его можно использовать в качестве доказательства, что с небом что-то не так.

— Согласен, но я больше обратил внимание на описание снимка, чем на сам снимок. Не кажется ли оно вам странным: «Возможно, неудачная попытка заснять необъяснимое явление». Кто бы ни подписывал фото, либо точно знал, либо догадывался, почему именно был сделан этот снимок.

Тут я открыл ящик стола, вытащил статью Валерия Уварова, которую прочитал прошлым вечером и распечатал, после того как ушел Комар.

— Взгляните, — сказал я, протягивая ему статью.

Он пролистал ее.

— И что это?

— Еще доказательства того факта, что на Северном Урале может существовать некий необъяснимый феномен.

Он с сомнением посмотрел на бумаги у себя в руках.

— Просто прочтите... и не забывайте, что трое ваших человек явно подверглись радиоактивному облучению.

Он сурово взглянул на меня:

— Могу вас заверить, что я об этом помню.

— Хорошо, хорошо. Извините. Как они, кстати?

— Я утром звонил в больницу. Их состояние до сих пор тяжелое... врачи делают все, что в их силах, но

признаются, что никогда ничего подобного в своей практике не встречали.

— А как остальная группа?

— Я приказал доставить им приборы для обнаружения радиации и защитные костюмы. До получения этой экипировки операция приостановлена.

— Мудрое решение.

Выдержав паузу, Комар сказал:

— Хорошо, доктор, предположим, что Стругацкий говорит правду о том, что случилось во время их первой ночевки на Холат-Сяхыл и что небо на самом деле стало неузнаваемым. Но как такое могло произойти?

Я нервно рассмеялся:

— Вы это у меня спрашиваете?

Следователь широко развел руками и осмотрелся вокруг:

— Других здесь нет — вы единственный, кого я могу спросить.

— Черникова работала в техническом университете. Полагаю, вы уже опрашивали ее коллег...

Комар согласно кивнул.

— Может, вам спросить кого-нибудь из них?

— Да? — пропыхтел он. — Чтобы надо мной посмеялась вся лаборатория?

— Не думаю, что вас обсмеют. Вам не обязательно рассказывать все. Сделайте акцент на том, что высказываете чисто теоретическое предположение, они захотят над этим поразмышлять. Ученые в этом отношении ведут себя как все остальные люди — они любят говорить о вещах, которые их интересуют. Даже не сомневаюсь, что коллеги Черниковой пойдут вам навстречу, если вы будете задавать вопросы правильно.

Он вздохнул.

— Думаю, это неплохая идея. Вот это я тоже посмотрю, — сказал он, помахав статьей Уварова, после

чего свернул ее и убрал во внутренний карман пальто. — Когда следующая беседа со Стругацким?

— Завтра в то же время.

— Хорошо. Тогда увидимся.

* * *

После ухода Комара я прослушал запись разговора. Мне было жалко следователя: дело, поначалу казавшееся стандартным случаем пропажи людей с возможным убийством, становилось все запутаннее и невероятнее. Надеюсь, что и он входил в мое положение.

Действительно, на первый взгляд то, что рассказал Стругацкий про изменившееся ночное небо, выглядело абсолютно непостижимым. Нелепым даже для научно-фантастического сюжета. И все же... Я вспомнил интервью с американским писателем, которое читал несколько месяцев назад. Он говорил, что мир становится фантастическим романом. Я улыбнулся, вспомнив его слова: они оказались еще ближе к истине, чем он предполагал.

И я вновь принялся раздумывать о странном, угнетающем гуле, который слышал Стругацкий и его спутники в Юрте Анямова. Можно предположить, что вспышки в небе были всего лишь разрядами молнии — достаточно далекими, чтобы сопровождавший их гром был заглушен этим загадочным гулом, доносящимся с гораздо более близкого расстояния.

Это, в свою очередь, напомнило мне случай, о котором я прочитал несколько лет назад. Сейчас я уже не помнил точно ни о чем статья, ни ее подробностей, только то, что произошло это в Соединенных Штатах. Поэтому я зашел в Интернет и набрал в Google ключевые слова: ЗАГАДОЧНЫЙ ГУЛ.

На первой же странице выданных результатов взгляд выхватил название: «Таосские шумы».

Именно это я и искал.

Таос, городок в штате Нью-Мексико, стал известен как место, где появился так называемый «феномен гула»: низкочастотный звук с ритмической пульсацией. Потом его наблюдали во многих точках земного шара, но чаще всего в Америке, Великобритании и континентальной Европе. В 1993 году этот гул настолько стал раздражать жителей Таоса, что они обратились с петицией в Конгресс, прося расследовать это явление, которое описывали как звук включенного двигателя, работающего холодильника или отдаленных раскатов грома.

В конце концов Конгресс согласился удовлетворить просьбу жителей Таоса и пригласил подключиться к расследованию многих ученых из разных научно-исследовательских институтов, в том числе из Лаборатории военно-воздушных сил Филиппа и Национальной лаборатории Лос-Аламос. Согласно Томасу Бегичу, признанному писателю и политическому активисту, ведущему нью-эйдж-страницу Earthpulse.com, неофициальный отчет по делу расследования таосских шумов был написан Джо Маллинсом из университета Нью-Мексико и Хорасом Потитом из Национальной лаборатории Сандия.

В отчете указывались цели расследования: во-первых, расспросить людей, утверждавших, что слышали этот гул, на предмет описания его частоты и влияния на реципиента; во-вторых, определить широту диапазона этого гула посредством измерения плотности заселения города и ближайших окрестностей, установить места, где был и где не был слышен гул; и наконец, попытаться выделить источник этого гула.

Исследователям удалось установить следующие ключевые моменты этой проблемы: гул всегда начинался внезапно, как будто его производило некое включаемое механическое устройство; его слышало совсем небольшое количество людей (всего 2 % населения города); частота его была невероятно низкая (на шкале частот между 30 и 80 герц).

Опрашиваемые группой исследователей люди часто жаловались на тошноту и головокружение, которые возникали всегда, когда они слышали гул; среди жалоб также отмечались головные боли, дезориентация в пространстве, бессонница и кровотечение из носа. Само по себе наличие этого шума угнетало психику — людей сильно беспокоило его искусственное происхождение, многие связывали его с действиями военных на базах в штате Нью-Мексико и за его пределами. Другие предполагали, что виновато министерство обороны США или крайне низкочастотные передатчики военно-морского флота США в северном Мичигане.

На этом этапе к исследовательской группе присоединился Джеймс Келли, специалист по изучению слуха из Научного центра здоровья при университете Нью-Мексико. Он заявил, что ни один из известных акустических сигналов не может являться источником этого гула, точно так же как не существует сейсмических явлений, способных его объяснить.

Тогда группа ученых решила обследовать внутреннее ухо людей, слышавших гул, чтобы выяснить, не страдают ли они некой формой низкочастотного тиннитуса (шума в ушах). Результаты, однако, полностью исключили такую возможность.

При отсутствии конкретных фактов для объяснения таосского шума Джо Маллинс сделал вывод: «Мы сами незаметно создаем электронный шумовой фон... мы переходим на беспроводные приборы, каждый из которых является электромагнитным передатчиком.

Является ли это причиной гула — неизвестно, но эту версию нельзя списать со счетов».

Я с удивлением обнаружил, что некоторые веб-страницы предлагали загрузить аудиофайлы с таосским шумом. Почему-то мне даже в голову не приходило, что этот звук возможно записать и что я могу вот так запросто услышать этот феномен.

Я открыл один из файлов и увеличил громкость на компьютере. Звук оказался настолько невероятно зловещим, что я, даже сидя у себя в кабинете, почувствовал необъяснимый страх. Звук был искусственным — в этом можно было не сомневаться. Я содрогнулся, просто представив, что слышал бы его, идя по улице или находясь дома. Ритмическая пульсация, сопровождавшая металлический гул, угнетала и пугала, и, признаюсь, я почувствовал облегчение, когда через полминуты запись закончилась.

Я сохранил файл на флэш-карте, намереваясь включить его для Стругацкого на следующем сеансе. Я хотел узнать, похоже ли это на тот звук, который он и его товарищи слышали в Юрте Анямова.

Как обычно, когда сидишь в Интернете, я начал кликать на разные ссылки по теме «таинственные звуки». Их оказалось невероятно много. Два из них, которые привлекли мое внимание, имели место не на земле, а в глубинах океана. Им дали названия «Замедление» и «Вой».

«Замедление» зарегистрировали 19 мая 1997 года гидрофоны, расставленные в Тихом океане. Во время холодной войны военно-морской флот США использовал огромное количество подводных прослушивающих устройств для обнаружения советских атомных подлодок. Так называемая звуковая система контроля (ЗСК) состояла из гидрофонов, установленных с интервалом 3000 км на «глубине залегания звукового

канала», где сочетание низких температур и высокого давления позволяет звуковым волнам распространяться на огромные расстояния. После окончания холодной войны эту систему стали использовать для научных исследований.

Итак, «Замедление» было обнаружено тремя гидрофонами на расстоянии 2000 км от берега. В течение 7 минут частота этого звука постепенно снижалась (отсюда и его название). Датчики смогли определить координаты его источника — примерно 15 градусов ю.ш. и 115 градусов з.д. Подобный сигнал ни раньше, ни позже не регистрировался. Природа его остается абсолютно непонятной.

Спустя несколько месяцев система ЗСК обнаружила и несколько раз зарегистрировала еще один загадочный низкочастотный звук. Теперь его координаты соответствовали 50 градусу ю.ш. и 100 градусу з.д. Частота этого звука в течение минуты очень быстро нарастала. Его источник находился, по всей видимости, на расстоянии 3000 км от ближайшего датчика. Не имея ни малейшего представления о происхождении этого звука, исследователи назвали его «Вой».

Многие ученые утверждают, что по своим характеристикам «Вой» похож на звуки, издаваемые живыми существами. Однако учитывая дальность расстояния, следует предположить, что и само животное должно быть просто колоссальных размеров — гораздо больше голубого кита, самого крупного из известных человеку животных на Земле.

Я уже собирался выйти из Интернета, но в глаза мне бросилось необычное название: «Инцидент Вела». Заинтригованный, я перешел по ссылке и начал читать и вдруг понял, что, возможно, это каким-то образом связано со странными вспышками света, которые видел Стругацкий в Юрте Анямова.

Инцидент Вела произошел рано утром 22 сентября 1979 года, когда американский спутник «Вела-6911» с программой системы обнаружения атомной энергии, оснащенный двумя кремниевыми фотодиодными датчиками, зафиксировал серию световых всплесков над Индийским океаном. За этими всплесками тут же последовали резкое волнение в ионосфере, которое зафиксировали в Обсерватории Аресибо в Пуэрто-Рико, и приглушенный звук, зарегистрированный американской системой ЗСК, которой в то время еще пользовались для обнаружения советских подлодок.

Эта серия вспышек могла означать, что над Индийским океаном произошел ядерный взрыв, поскольку никакое другое явление не способно создать подобную серию. Для атомного взрыва в атмосфере характерен двойной световой импульс: первый длится не больше миллисекунды, за ним следует второй, более долгий.

Данные, полученные спутником «Вела-6911», позволили предположить, что взрыв произошел в районе острова Буве, который находится между Южной Африкой и Антарктидой. Согласно обнаруженной тут же в Сети информации, на этом крошечном, покрытом льдом необитаемом острове находилась норвежская автоматическая метеостанция, а в 1964 году здесь нашли оставленную кем-то спасательную лодку с запасами продовольствия.

Мощность взрыва была оценена в 2–4 килотонны, и поскольку ни одна страна, обладающая ядерным оружием, не взяла ответственность за него, в донесениях разведки как наиболее вероятный кандидат фигурировал Израиль. Однако последующие разведывательные полеты американских военно-воздушных сил в зоне предполагаемого эпицентра не обнаружили никаких продуктов распада, характерных для атомного взрыва.

Специально созданный президентом Джимми Картером для расследования «инцидента Вела» комитет ученых заключил, что взрыв атомного устройства ничем не подтверждается. Два фактора были названы спорными: с одной стороны, продукты атомного распада отсутствовали, с другой — вспышки, зарегистрированные датчиками «Вела-6911», сильно различались по интенсивности (до настоящего момента ученые не могут дать никакого объяснения подобному несоответствию).

Однако комитет предположил, что спутник мог столкнуться с микрометеоритом, частицы которого затем отразили солнечный свет в датчиках. Было также высказано предположение, что непосредственно в океан могла ударить супермолния, производя эффект, внешне очень похожий на ядерный взрыв (хотя, по признанию самих же ученых, это маловероятно, учитывая тот факт, что вспышки, зафиксированные «Вела», по энергетическому выбросу были в 400 раз сильнее самого мощного удара молнии).

Я сидел за столом и размышлял над всеми этими загадками. До настоящего момента я рассматривал трагедию на перевале Дятлова и дело Стругацкого совершенно отстраненно, профессионально беспристрастно, в рамках своей работы в Первоуральской психиатрической клинике. Но всего за несколько минут самого беглого и случайного поиска в Интернете я нашел упоминания о таких же сверхъестественных явлениях, как и те, что описывал Виктор. И это еще не касаясь деятельности проекта «Сварог». Я вдруг почувствовал, что и сам оказался в таком же затруднении, за которое только что посочувствовал Комару: то, что началось как обычная оценка психического состояния подозреваемого в убийстве, превратилось в сложный пазл — пугающий

отсутствием объяснений и глобальный по своим масштабам.

* * *

На следующий день я ждал следователя, чтобы вместе начать очередной, десятый сеанс бесед со Стругацким. Однако Комар не пришел, и я позвонил ему на мобильный — узнать, все ли в порядке. Учитывая его решительный настрой присутствовать на каждой встрече со Стругацким, я опасался, что могло случиться что-то серьезное, может быть, это касалось трех его человек, пострадавших во время пребывания на Холат-Сяхыл.

Комар на звонок не отвечал, поэтому я отправил сообщение, в котором выражал надежду, что с ним все в порядке, и просил пройти сразу в палату, если он придет в больницу в течение часа. Санитаров я предупредил, чтобы они пропустили следователя.

Стругацкий посмотрел на меня недоуменно, когда я зашел к нему в палату один.

— Что, доктор, сегодня без милиции?

— Кажется, следователя задержали дела.

— Правда? Вы не знаете, что именно?

— Боюсь, что нет.

— Впрочем, можно догадаться.

— Вы имеете в виду его людей?

Стругацкий кивнул:

— Поверить не могу, что их отправили на операцию без всяких мер предосторожности.

— Они ведь не ожидали... такого, — ответил я. — Это вполне объяснимо.

— Они знали, что произошло на перевале Дятлова с туристами. Они знали, почему мы отправились туда. О чем они только думали, черт возьми?

— Они не осознавали, насколько все действительно серьезно и необъяснимо.

— Но вы-то понимаете? Сейчас вы это понимаете? — Тут он заметил ноутбук у меня в руках и спросил: — Зачем вы это принесли?

Я поставил компьютер на стол и включил. Пока он загружался, я начал объяснять Стругацкому:

— Вчера я кое-что прочитал в Интернете про аномальные звуки. Меня заинтриговал гул, который вы слышали в Юрте Анямова. Вы что-нибудь знаете о таосском шуме?

Он отрицательно покачал головой.

Я вкратце рассказал ему об этом, попутно отыскивая нужный файл и открывая его.

— Я хочу, чтобы вы послушали сейчас и сказали, похож ли этот звук на тот, который слышали вы и ваши спутники.

Из колонок компьютера раздался зловещий металлический звук. Лицо Стругацкого не дрогнуло, но я заметил, как он побледнел.

— Ну? — спросил я, когда запись кончилась.

— Это... — он замешкался, — это не совсем похоже... но и мало чем отличается. Пульсация очень похожа. — Он нахмурился. — И вот этот шум слышали в Нью-Мексико и других местах?

Я утвердительно кивнул:

— Происхождение звука никому неизвестно, но очевидно, что это достаточно распространенное явление.

Стругацкий откинулся на спинку стула и потер лоб рукой.

— Я даже не думал, что такое возможно, — прошептал он.

— Что возможно? Что вы хотите сказать? Ваша экспедиция там что-то обнаружила, Виктор?

Он, не отвечая, посмотрел пристально сначала на меня, потом на экран компьютера.

— Хотите еще раз послушать?

— Нет! — громко сказал он. А потом уже тише: — Спасибо, доктор, не надо. Один раз достаточно.

Я взглянул на часы:

— Похоже, Комар сегодня к нам не присоединится. Расскажите подробнее о вашей первой ночевке на Холат-Сяхыл, — попросил я, — о звездах: чем именно они отличались от обычных.

— Да нечего уже рассказывать. По крайней мере, про это.

— Но ведь похоже, что Игорь Дятлов и его друзья видели то же самое и попытались сфотографировать.

— Да, думаю, так и было.

— А вы понимаете, почему могла произойти такая странная вещь? Может, дальнейшие события дали вам ключ к разгадке?

Стругацкий рассмеялся:

— Да уж, доктор, ключей получилось хоть отбавляй.

— Тогда расскажите.

Глава пятнадцатая

Никто из них не спал спокойно в ту ночь. Палатка была достаточно просторная, чтобы в ней поместились пять человек, но комфорт беспокоил их меньше всего. Из головы не выходило странное небо и необъяснимое расположение звезд. Конечно же, это была чушь — и Виктор с Вероникой несколько раз пытались убедить Вадима и Алису, что те ошиблись.

Безрезультатно. Все-таки Алиса была физиком, уж она-то отлично знала расположение созвездий и стояла на своем, утверждая, что они неузнаваемы. В конце концов Виктор и Ника оставили попытки ее переубедить. Сам Виктор, как и большинство людей, имел смутное представление только о самых известных созвездиях — вроде Ориона и Большой Медведицы. Но и их он не смог найти. *Их просто не было на небе.* Алиса показала примерные области, где они должны были находиться, но звезды там представляли абсолютно незнакомые глазу скопления. Словно бы на них смотрели не с Земли, а из какой-то совершенно другой части Галактики. По крайней мере, так заявляла Алиса.

Теперь они поняли, что именно это и пытался запечатлеть Дятлов своим фотоаппаратом — «неудачная попытка заснять необъяснимое явление», как говорилось в подписи к снимку. Но ведь они находились на Земле, на склоне одной из вершин Уральских гор, рядом с палаткой. Они оставались на месте — но *само небо сдвинулось.*

Если такое возможно, подумал Виктор, тогда возможно все, что угодно.

Вероника установила свой фотоаппарат на треножнике под максимальным углом и поставила самую долгую выдержку, чтобы можно было

сфотографировать свет звезд. Вадим похвалил ее за спокойствие и самообладание, сказал, что получившийся снимок неопровержимо докажет, что аномальную зону № 3 не просто так называли: здесь существует нечто, опровергающее известные человеку физические законы. Он добавил, что при наличии достаточно прописанной программы возможно будет даже определить положение в Галактике, из которого созвездия предстают в таком виде.

Один только Прокопий Анямов ничего не говорил и не делал — просто сидел и смотрел вверх. Если он и знал что-то, что было неизвестно остальным, это был его секрет. Виктор поглядывал на него с намерением спросить, что все это значит, но внутренний голос подсказывал, что спрашивать бесполезно. Почему-то он был уверен, что Прокопий лишь молча улыбнется.

Прокопий же единственный не ворочался всю ночь. Вероника лежала рядом с Виктором. В какой-то момент она дотянулась до его руки, схватилась за нее и уже до самого утра не отпускала.

Под утро на Виктора наконец напала легкая, но беспокойная дремота, в голове проносились обрывочные сны, мелькали смутные образы, исчезающие в тот самый миг, как он пытался их разглядеть.

Сначала возникла гора, одиноко возвышаясь в центре большой и безжизненной долины... и что-то мерзкое, аморфное сыпалось с незнакомого неба... Потом он увидел дятловцев: как неожиданно они просыпаются в своей палатке, как в безумной панике разрезают ее и бегут сквозь снег, задирая головы вверх. Их лица так искажены страхом, что они перестали быть похожи на людей — в них проступило что-то нечеловеческое и примитивное.

Виктор проснулся, и тихо лежал в темноте, слушая дыхание — свое и остальных — и чувствуя, что ему душно в спальном мешке, но расстегнуть его он не мог

из-за холода. Он напряг слух, стараясь расслышать в морозной ночи особые звуки — звуки чего-то надвигающегося, приближающегося, звуки, от которых его пронзит панический ужас.

Но все было тихо.

Только темнота и дыхание, иногда чей-то вздох во сне. И рука Ники в его руке.

* * *

Начало светать, и он расслабился, чувствуя, что неизвестный враг отступил. Сейчас бы он даже нормально смог заснуть, но было слишком поздно. Константинов зашевелился, расстегивая свой спальный мешок, и сел.

— Доброе утро, — пробормотал он вяло.

Алиса зевнула, потянулась и потерла глаза:

— Как всем спалось? Хорошо?

— Куда уж там, — ответил Виктор.

— Ничего удивительного, когда ночуешь в незнакомом месте, — сказал Константинов. — Не беспокойтесь, следующей ночью будет по-другому. Впереди у нас целый долгий день и даже целая неделя. Сегодня ночью выспимся.

— А где наш друг? — спросила Алиса.

Виктор в недоумении посмотрел на нее.

— Прокопий где?

В палатке был только его пустой спальный мешок.

— Я не слышала, как он выходил, — сказала Алиса.

Константинов расстегнул палатку (и Виктору подумалось: как, черт возьми, шаману удалось сделать то же самое так, что никто не заметил?) и выбрался наружу.

— Ты его видишь? — спросила Алиса, вылезая из своего спальника. — Он там?

— Нет.

Они вылезли из палатки, осматриваясь и пытаясь разглядеть что-то за деревьями.

— Его нужно найти, — твердо сказал Виктор.

— Зачем? — спросила Алиса.

— Что значит «зачем»? — резко ответил он. — Вдруг он попал в беду? — Он повернулся к Вадиму. — И как он сумел неслышно выйти из палатки?

— Может, он перенесся в страну сновидений? — пробормотала Алиса.

— Алиса, бога ради, — попросил Вадим, — сейчас не до этого.

Она громко и театрально вздохнула:

— А может, он ушел за хворостом для сегодняшнего костра. Может, он знает, что мы вернемся затемно, и хочет приготовить все заранее. Как вам эта идея?

Вадим улыбнулся:

— Я как-то не подумал об этом.

— Тогда давайте, пока его ждем, займемся завтраком.

— Хорошая мысль, — сказала Вероника и зажгла газовую плитку.

Но Виктора объяснение Алисы не удовлетворило. В любом другом уголке дикой природы планеты оно бы прозвучало разумно, и он бы даже волноваться не стал, — но не здесь. Он прекрасно помнил, что они видели вчера, и чувствовал, что отныне и впредь никакому логическому объяснению происходящего доверять нельзя, как бы сильно оно ни походило на правду.

Он взглянул вверх, но небо было снова затянуто серой, унылой пеленой туч. Он покричал Прокопия — раз, второй, третий, не обращая внимания на удивленное лицо Алисы. Поглощенный снегом крик звучал тускло и глухо и падал камнем в холодной

тишине. Виктор всмотрелся в глубину леса, пытаясь уловить хоть какие-нибудь признаки движения.

И вдруг увидел шамана — метрах в пятидесяти. Тот вышел из-за дерева и просто стоял в лесу, глядя на них.

— Вон он! — сказал Виктор.

Константинов вгляделся и замахал Прокопию.

Но тот не двинулся с места и сам замахал им.

— Думаю, он хочет нам что-то показать, — предположил Вадим. — Виктор, пойдете со мной.

Виктор пошел следом, а Прокопий все стоял на месте, поджидая, когда они приблизятся. Его старое морщинистое лицо было абсолютно невозмутимым, и, когда они подошли к нему и Вадим спросил, ходил ли он собирать дрова, шаман покачал головой.

— Вы спрашивали, что я имел в виду, когда говорил, что смогу провести вас и помогу обойти самые опасные места.

— Да, верно, — сказал Вадим. — Я спрашивал.

— Вот что я имел в виду, — произнес Прокопий и показал куда-то вверх.

Они задрали головы.

То, что там находилось, было скрыто ветками — поэтому они не сразу заметили это. Поначалу Виктор даже не понял, на что он смотрит. Когда же наконец до него дошло и в голове возник зрительный образ, он только выдохнул и непроизвольно отступил назад.

— Боже мой! — прошептал Константинов. — Боже мой...

Среди веток достаточно высоко висело то, что когда-то было медведем. Но теперь это даже тушей медведя сложно было назвать. Отдаленное сходство сохранила только голова, но даже она была деформирована, искорежена и непонятным образом разорвана. Обледенелое тело было одной сплошной массой окровавленных костей и клочков шерсти, в которой невозможно было различить конечности.

Но что больше всего перепугало Виктора, от чего захотелось сию же минуту бежать прочь из леса, — это нижняя часть туши. То, что раньше было брюхом и задними лапами, теперь было растянато в длинную, тонкую ленту, которая свисала среди ветвей подобно виноградной лозе из страшных снов.

— Что с ним случилось? — Он переводил взгляд с Прокопия на Константинова, который уставился вверх, раскрыв рот и не веря своим глазам. — Что, черт побери, с ним случилось?!

— Он пришел в опасное место, — ответил шаман.

— Что за чертовщина... — прошептал Виктор.

— Что происходит? — крикнула Алиса. Она и Вероника пробирались к ним сквозь деревья.

— Предупреждаю, зрелище не из приятных, — ответил им Константинов и показал вверх.

Обе женщины подняли глаза, куда он показывал. Вероника тут же отвернулась и согнулась пополам — ее затошнило. Виктор подошел к ней, кладя на плечо руку, но она молча ее скинула.

Алиса повернулась к Прокопию:

— Вы знаете, в чем дело?

— Я сказал Виктору: зверь зашел в опасное место.

— Что за место? Где оно? Здесь?

— Там все не так, как здесь.

— И как это понимать? Перестаньте говорить загадками!

— Вы до сих пор думаете, что нам он не нужен, Алиса? — спросил ее Виктор.

Он видел, что она готова накинуться на него, но она сдержалась и снова, задржав голову, посмотрела на останки медведя.

— Не знаю, что и предположить, — сказала она. — Его нужно спустить на землю, чтобы я могла осмотреть его поближе.

— Что?! — воскликнула Вероника, вытирая дрожащей рукой слюну с подбородка. — Такое ощущение, что его пропустили через чудовищную мясорубку. Что еще надо знать?

Алиса удостоила ее едкой ухмылкой:

— А вам не кажется, что не плохо бы узнать, что именно это была за мясорубка?

— Насколько я вижу, — сказал Константинов, — это был взрослый медведь. И конечно же, то, что мы видим, оставили не зубы хищника. Так что же могло до такой степени изувечить взрослого сильного зверя?

— А после закинуть его останки на дерево метров на двадцать, — добавил Виктор.

— Может, его туда не закидывали, — предположил Вадим, — может, он туда *сверху* упал.

— От этого, конечно, намного легче, — заметила Вероника и, повернувшись, зашагала прочь.

— Ника, ты куда? — крикнул Виктор. — Нам сейчас нельзя расходиться!

— Успокойся, Витя, — бросила она, даже не обернувшись, — я за фотоаппаратом. Вам ведь будут нужны фотографии.

Алиса показала на растянутую в ленту нижнюю часть медведя:

— Выглядит очень странно. Словно лопнувший пузырь из жвачки. — Ее голос перешел в бормотание — она больше говорила сама с собой, чем обращалась к собеседникам. — Это что-то совершенно невиданное, нигде в мире... ни одно животное не способно на такое... ни одно известное животное, то есть... ни одно земное существо не могло бы сотворить с медведем даже что-то приблизительно похожее. Так что... если это не животное, значит, это какая-то *сила*.

— Неизвестная сила непреодолимого характера, — произнес Вадим. — Эта фраза уже не звучит так расплывчато, как раньше.

Алиса, не отвечая, все смотрела на дерево.

Вернулась Вероника с фотоаппаратом. Алиса протянула руку, но Ника, проигнорировав ее жест, начала сама щелкать затвором.

— Постарайтесь снять со всех углов, — сказала Алиса.

— А я что делаю, — буркнула под нос Ника.

Виктор смотрел, как она работает, чувствуя неожиданную гордость за нее, за то, что она так быстро справилась с охватившим ее страхом и отвращением.

Алиса подошла к стволу, обхватив его руками, словно собиралась вскарабкаться наверх.

— И как мы спустим его? — спросила она.

— Не думаю, что это хорошая мысль, — произнес Прокопий.

— Почему? — метнула в него взгляд Алиса.

— Он находится там по какой-то причине. Нельзя трогать его. Иначе может что-то произойти.

Виктор видел, что она хотела задать следующий вопрос, но, очевидно, догадалась, что не получит вразумительного ответа, и промолчала.

— Я согласен с Прокопием, — сказал Константинов. — В любом случае, медведь оледенел, а здесь мы не сможем его оттаять. Остановимся на фотографиях, по крайней мере пока. Бедняга... Как же его угораздило?

— Сказать вам, что я думаю? — спросила Вероника, не прерывая своего занятия.

Виктор посмотрел на нее:

— Что?

— Знаю, это звучит дико, но Дятлов и его группа еще легко отделались.

После этого никакой завтрак не лез в горло, поэтому они забрались в джип и поехали туда, где по координатам должна была находиться станция зоны № 3. Алиса снова села на переднее сиденье — она никогда не спрашивала, хочет ли кто-нибудь сесть вперед. Видимо, она считала, что это место причитается ей по праву ветерана, уже побывавшего в экспедиции на перевале Дятлова.

Местами они двигались очень медленно: деревья росли так плотно, что машине было не проехать, так что Константинову то и дело приходилось выискивать участки для объезда. Иногда Прокопий говорил: «Не туда», — и Константинов, бросая на него взгляд в зеркало заднего вида, тут же поворачивал руль, меняя направление.

Когда Вадим сделал это в третий раз, Вероника осмелилась спросить шамана, откуда он знает, каких мест избегать.

— Я здесь был раньше, — ответил он.

— Я думала, для манси это место запретное, — сказала она.

— Я был здесь не в моем физическом теле. Я отправлял сюда свой дух, это было частью моей инициации.

— Это такое испытание, чтобы стать шаманом? — спросил Вадим.

— Да.

— И что тогда было? Что вы видели? — спросила Ника.

— Нельзя рассказывать об этом другим. Простите, но большего я сказать не могу.

— Хорошо, — смирилась Ника. — Я поняла.

— Я тут все думаю о медведе, — заговорила Алиса, словно не слушая Прокопия.

— И что? — спросил Константинов.

— То, как он *деформирован*... есть только одна известная мне сила, которая действует подобным образом.

— И какая же? — спросил Виктор.

— Сила гравитации.

— Гравитации?

— Сильная разница между гравитационными полями, которая возникает в очень маленьком пространстве. Только это, думаю, могло так растянуть тело медведя.

— Не понимаю, — сказала Вероника, — как гравитация это делает?

Алиса помедлила, прежде чем ответить, и в голосе ее поубавилось самоуверенности, словно она и сама не верила в то, о чем говорила:

— Гравитация могла бы это сделать, если бы оказалась достаточно сильной... но единственное место во Вселенной, где она настолько сильна, — это горизонт событий черной дыры.

Все молчали.

— Черная дыра? — наконец осмелилась произнести Ника.

— Знаю, звучит как бред.

— Это еще мягко сказано.

— Ничем другим это разрушительное растяжение и компрессию объяснить невозможно. Черт, если бы прямо сейчас доставить эту тушу в лабораторию и как следует изучить!

— Извини, Алиса, — перебил ее Константинов, — ты говоришь, что на Земле, в *этом лесу*, может существовать черная дыра?

Она вздохнула, проведя рукой по волосам.

— Нет, этого я не говорила. Это невозможно. Если бы что-то подобное здесь было, мы бы об этом знали, поверь мне. А на деле она бы уже давно ушла под

землю из-за своей колоссальной массы. На поверхности она никак бы не смогла удержаться. Но все же...

— Все же?

— С медведем произошло абсолютно то же самое, что произойдет с любым объектом, исчезнувшим внутри горизонта событий черной дыры.

— А что такое горизонт событий? — спросила Ника.

— Это воображаемая граница вокруг сингулярности черной дыры — точки, в которой пространство-время искривляется в бесконечность. Горизонт событий — это граница, попав за которую ничто, даже свет, уже не сможет преодолеть гравитационное поле сингулярности. В нем невозможно было бы ничего увидеть — отсюда и название. Когда объект проходит эту границу, разница гравитационных сил, действующих на разные его части, растягивает его в длинную струну. В итоге, попадая в сингулярность, объект распадается на составляющие его атомы.

Все молчали, пытаюсь осмыслить сказанное.

Первым заговорил Константинов:

— Хорошо, Алиса, предположим, ты права и с бедным зверем случилось нечто подобное. Но как это возможно? Ты же сама сказала, что настоящей черной дыры здесь быть не может, хотя налицо ее эффект. Так что же это тогда?

— Какая-нибудь аномалия: что-то вроде области высококонцентрированной гравитации. Это лучшее, что я могу придумать, пока останки зверя даже толком не осмотрены.

Виктор вспомнил о Людмиле Дубининой, Александре Золотареве и Николае Тибо-Бриньоле.

— А может, — высказался он вслух, — дятловцы, умершие не от переохлаждения, погибли от чего-то подобного?

— Не думаю, — ответила Алиса. — Их раны были далеко не такими серьезными. Их убило что-то другое.

Но бесспорно, группа Дятлова обнаружила примерно то же самое, что и мы.

— Вы имеете в виду фотографию, где туристы с тушей какого-то животного?

Она кивнула:

— Очевидно, что этот феномен уже имел место в этом лесу в 1959 году.

— И как он мог произойти?

— Точно не естественным образом, — ответила она.

— Но тогда это дело рук разумных существ?

— Скорее всего, да.

— Враждебных нам?

— Сомневаюсь.

— Почему?

Обернувшись, она посмотрела на Виктора и безрадостно улыбнулась:

— Потому что человечество до сих пор существует.

Рассказывает доктор Басков [10]

Я мог только удивляться решимости участников экспедиции, оставшихся в лесу после увиденного. Кто-то сочтет их действия безрассудными и глупыми, и, должен признаться, та же мысль промелькнула и у меня. Честно сказать, сам бы я и минуты лишней там не пробыл, если бы наткнулся на эти останки медведя. Но команда Константинова продолжала свой путь, несмотря на явную опасность, таящуюся в лесу. Их можно назвать безрассудными, но, безусловно, и храбрыми тоже.

Читателю уже, наверное, ясно, что я начал освобождаться от своего первоначального скептицизма в отношении слов Стругацкого. Меня тоже легко счесть глупым или чересчур доверчивым — за то, что я поверил показаниям человека, чье психическое состояние пытался оценить. Тем не менее я чувствовал, что могу это сделать.

Фотографии, сделанные группой Дятлова в 1959 году, доказывали, что в лесу вокруг Холат-Сяхыл существуют паранормальные явления. Если к этому прибавить остальные документы из досье Лишина, сходство между звуками в Юрте Анямова и загадочным гулом, зарегистрированным в других местах по всему миру, и облучение неизвестной формой радиации трех человек из команды Комара, — все это только подтвердит правдивость слов Стругацкого.

И даже после этого мне все равно было страшно трудно поверить и в то, что звезды каким-то образом поменяли свое положение, и в то, что медведь подвергся воздействию колоссальной гравитационной силы. Не существует таких механизмов — по крайней

мере, известных современной науке, — которые бы могли объяснить эти явления.

Когда я об этом подумал, признаюсь, меня охватило сильное тревожное чувство. Мы привыкли мыслить о Вселенной как о чем-то существующем где-то там, вне нашего мира, вне связи с человечеством, привыкли считать, что от всех ее тайн нас отделяют бесконечные расстояния. Но так ли это на самом деле? Наша планета находится в самом центре Вселенной, и кто сказал, что ее тайны не касаются нашего мира, как и всех прочих миров, существующих на бесконечных просторах космоса?

Именно тогда меня начало беспокоить, как я буду писать отчет для криминалистов. Они ждали моего вывода, чтобы решить, привлекать ли Стругацкого к суду. Какова будет их реакция, если я заключу, что Стругацкий не только психически абсолютно здоров, чтобы предстать перед судом по обвинению в убийстве, но и что сам я лично считаю его невиновным. Конечно, решать вопрос его виновности была уже не моя работа. Но такое заключение станет само собой очевидным, если я заявлю, что Стругацкий отвечает за все свои действия и говорит правду о случившемся с экспедицией в лесу.

Как это ни прискорбно, в тот момент меня беспокоила больше моя репутация и потенциальная опасность ее испортить. К тому же мой отчет должен был попасть не только к криминалистам, но и на стол директора Первоуральской больницы, доктора Плетнера, и я сомневался, что он отнесется к нему с пониманием.

Такие вот мысли, сменяя одна другую, преследовали меня после десятой беседы со Стругацким. Тут в дверь постучали — моя секретарша доложила, что старший следователь Комар пришел и хочет меня видеть. Я попросил пригласить его в кабинет.

Комар вошел, закрыв за собой дверь прямо перед лицом секретарши. Выглядел он ужасно, как будто явился после бессонной ночи, не побрившись и не переодевшись.

— Здравствуйте... — начал было я, но он решительно покачал головой и подал знак, чтобы я молчал. Затем он вытащил из кармана пальто маленький электронный прибор и принялся водить им по всем углам и поверхностям кабинета.

Через пару минут, очевидно убедившись в чем-то, он убрал прибор обратно в карман и тяжело опустился на стул напротив меня.

— Что происходит? — спросил я.

— Я просто проверил комнату на наличие жучков. Все чисто. Теперь мы можем говорить.

— Жучки? Господи, о чем вы говорите? Что случилось? Я ждал вас утром, но...

— Знаю, знаю. Непредвиденные обстоятельства.

— Очевидно, что-то серьезное?

— Можно и так сказать. Эдуард Лишин пропал.

— Пропал? Что? Как вы об этом узнали?

— Об этом сообщила женщина, которая сдает ему квартиру. Она живет в том же доме. Раз в неделю, по пятницам, они играют в шахматы. Но когда она поднялась к нему в квартиру в очередную пятницу, он ей не открыл. Она подумала, что он занят, и забыла об этом на время. Но и на следующую неделю она не смогла к нему попасть, и еще через неделю тоже. Между тем он задолжал за аренду, а раньше, по словам женщины, всегда платил аккуратно, поэтому она начала беспокоиться, что с ним что-то случилось. Она открыла квартиру, воспользовавшись собственным ключом. Лишина там не оказалось, и она обратилась в милицию. Она заявляет, что просто так исчезнуть совершенно не в его характере, и я верю ей.

— У вас есть предположения, что с ним могло случиться?

— У меня предчувствие. И оно мне подсказывает, что бывшие начальники Лишина узнали о его самодеятельности.

— Вы имеете в виду, то, что он передал документы Стругацкому и Константинову и предоставил им антипризму?

— Которые сначала выкрал у них. Это ясно.

— Боже мой, вы правы. Конечно! Чтобы иметь доступ к таким артефактам, Лишин сам должен был входить в проект «Сварог». Если причастные к проекту виновны в его исчезновении, то где они могут его держать — как вы думаете?

— Понятия не имею, да и, по правде говоря, не особо хочу знать. Но можете быть уверены, что они уже вытрясли из него все подробности. Поэтому я и проверил ваш кабинет. Мы не можем рисковать.

Внутри меня все сжалось от страха и ощущения наступившей неизбежности — ведь изначально было понятно, что рано или поздно «Сварог» разоблачит намерение Лишина передать секретную информацию по делу Дятлова и прижмет его к стенке. Возможно, они уже давно его подозревали, но ждали, когда он выдаст себя своими действиями.

Тут я вспомнил о Стругацком, о себе, о Наталье... и меня прошиб холодный пот.

— И что теперь будет? — спросил я. — Ко мне тоже придут из «Сварога»? Сюда? Домой?

— Сомневаюсь. Одно дело — одиноко живущий старик. А Стругацкий все-таки находится под надзором психиатрической больницы и криминальной милиции. Конечно, это не значит, что им до него не добраться, но сделать это будет сложнее. В больницу они не заявятся, потому что тогда возникнет много вопросов. Скорее

всего, они будут выжидать, как сложится ситуация, и действовать в соответствии.

— Знаете, вы меня все-таки не убедили, — ответил я.

— В таком случае, вам не понравится то, что я сейчас скажу. Лишина, по всей вероятности, похитили сразу же после того, как он передал досье Стругацкому. Разумеется, его тут же начали допрашивать. Какое-то время он держался, именно поэтому Стругацкому и компании удалось без помех организовать свою экспедицию на Холат-Сяхыл. Но надолго его не хватило, и в конце концов он сломался...

— И рассказал им все, — закончил я. — По-вашему выходит, «Сварог» узнал, для чего Стругацкий и его группа находятся на Северном Урале?

— Именно, — ответил Комар. — А как вы думаете, мог ли «Сварог» позволить им совать свой нос в этот лес?

— Думаю, нет, — согласился я.

— Похоже, Стругацкий нам не все рассказывает.

— Может, просто еще не успел рассказать, — уточнил я.

В тот момент у следователя зазвонил мобильный. Он ответил. В трубке заговорили; он слушал, и лицо его все больше и больше хмурилось.

— Хорошо, я буду, — сказал он наконец и отключился. Заметив вопрос в моих глазах, пояснил: — Звонил мой начальник.

— Прокурор Глазов?

Он кивнул:

— Хочет видеть меня немедленно.

— По поводу?

— Он не сказал. Но мне не понравился его тон. Когда у вас следующая встреча со Стругацким?

— Сегодня в два.

— Хорошо, постараюсь успеть к этому времени.

— А если нет?

— Начинайте без меня. Расскажите потом.

Комар ушел, а я так и остался сидеть за столом, думая о Лишине. Само собой разумеется, что он был причастен к проекту «Сварог». Иначе как он смог получить доступ к антипризме? Интересно, когда именно он выкрал ее и спрятал в банковском хранилище? И каким образом он был связан с Белорецком-15, где она изначально находилась? Судя по названию, это где-то на Южном Урале, в Башкортостане, но где точно, понятия не имею. Ясно, что это один из закрытых городов — их существовало и существует множество по всей стране. По таким местам много информации выложено на общедоступных интернет-сайтах, поэтому я снова полез в свой компьютер.

Даже после всего, что мне открылось за время изучения случая Стругацкого и трагедии на перевале Дятлова, я оказался не готов к тому, что обнаружил.

Город Межгорье, образованный из двух закрытых городов Белорецк-15 и Белорецк-16, находится в Белорецком районе республики Башкортостан на Южном Урале. Он является одним из самых старых горно-металлургических центров в регионе.

16 апреля 1996 года газета «Нью-Йорк Таймс» написала, что под горой Ямантау, к юго-западу от Межгорья, происходит нечто странное.

По сообщениям официальных западных лиц и российских источников, в России по секретному проекту, напоминающему о самых «холодных» днях холодной войны, идет строительство огромного подземного военного комплекса в Уральских горах.

К спрятанному внутри горы Ямантау в районе Белорецка на Южном Урале огромному комплексу подведена железная дорога и автомагистраль, на нем задействованы тысячи рабочих.

Гора Ямантау находится на расстоянии 500 км к юго-западу от Екатеринбурга и 1500 км к юго-востоку от Москвы. Название переводится с башкирского как «злая гора». Согласно статьям, которые я прочитал, комплекс под Ямантау поистине огромен — более 1000 квадратных километров; это, грубо говоря, целый подземный город, способный поддерживать жизнедеятельность более 60 тысяч человек в течение нескольких месяцев при достаточном запасе пищи и воды. Фотографии со спутника показывают, что строительство надземной части комплекса идет полным ходом.

Естественно, американцев этот факт сильно обеспокоил, и они потребовали объяснений по поводу сооружения объекта в Ямантау. Россия ответила уклончиво, предложив несколько разных вариантов назначения объекта: горнодобывающий комплекс, сокровищница художественного фонда, продовольственный склад и правительственный бункер на случай ядерной войны и иных катастроф.

В архивах газеты «Вашингтон Пост» я нашел статью Брюса Блэра, опубликованную 25 мая 2003 года, в которой говорилось следующее:

Ямантау и Косьвинский комплексы в горах центрального и южного Урала были крупнейшими проектами, строительство которых началось еще в конце семидесятых, когда ядерная мощь Америки сосредоточилась на руководстве коммунистической партии. Опасаясь свержения, советские власти отправили десятки тысяч рабочих в эти удаленные места, где они трудились вплоть до конца девяностых годов, судя по данным американских спутников. Комплекс Ямантау планируется пустить в эксплуатацию в

ближайшем будущем. По диаграммам и записям, полученным мной [Блэром] в конце девяностых от старших офицеров стратегического авиационного командования, командный центр Ямантау находится внутри горы, состоящей из кварцевых пород, на глубине 3000 футов от вершины. Это место является убежищем для российской политической власти на случай войны. То есть это больше укрытие, чем центр командования, потому что средства связи там работают нестабильно. Как выяснилось, кварц создает помехи для радиосигналов, передаваемых из горы. Поэтому основными средствами связи здесь служат кабельные линии и радиопередатчики, находящиеся вне центра.

Порывшись еще в Сети, я наткнулся на статью журналиста Рона Розенбаума «Возвращение машины Судного дня».^[2] Согласно статье, Брюс Блэр — бывший представитель управления запуска межконтинентальных баллистических ракет и эксперт в области российского вооружения, а ныне президент Института мировой безопасности — либерального научного центра в Вашингтоне (округ Колумбия). В 1993 году Блэр обнародовал информацию о том, что лидеры Советского Союза еще в начале восьмидесятых санкционировали установку автоматизированной коммуникационной сети, способной выдержать ядерный взрыв. Эта сеть управлялась сложной компьютерной системой, под кодовым названием «Периметр», которая, как отмечает Розенбаум, поразительно напоминает «машину Судного дня» из шедевра режиссера Стэнли Кубрика — сатирической комедии «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал волноваться и полюбил бомбу».

Сюжет «Доктора Стрейнджлава» завязан на том, что Советский Союз якобы разместил тайно по всему миру 50 кобальтовых водородных бомб. Они автоматически детонируют, если системные датчики зарегистрируют любую попытку ядерного нападения на страну. Как только систему запускают, остановить ее уже невозможно. И когда стратегический бомбардировщик Б-52, оснащенный ядерной бомбой, пытается атаковать советский стартовый ракетный комплекс, машина Судного дня взрывает все эти бомбы, а выпавшие радиоактивные кобальтовые осадки уничтожают все живое на Земле.

По мнению Розенбаума, Блэра и многих других, включая историка по атомному веку Д. Смита из лондонского Университи-Колледж, советская система «Периметр» — реальный аналог «машины Судного дня» из фильма Кубрика, так называемая система «мертвой руки». Если она регистрирует ядерный взрыв на территории России и не получает никаких указаний из Москвы, это означает, что правительство либо уже мертво, либо свержено, и тогда полномочия по запуску всего ядерного арсенала страны передаются одному-единственному человеку. Скорее всего, человек этот будет находиться в том самом центре управления внутри горы Косьвинский.

Отвечая на вопросы журнала *Aviation Week & Space Technology*, представитель из Пентагона заявил, что Вашингтон до сих пор не знает точно, что происходит под горой Ямантау, добавив следующее: «Русские неубедительно уверяют нас, что никакой угрозы против США не представляют». Однако они выстроили целый комплекс, чтобы выдержать десятки ударов атомных бомб.

В онлайн-версии издания *Congressional Record*^[3] от 19 июня 1997 года я нашел еще одно подтверждение

тому, насколько серьезно правительство США воспринимает существование комплекса Ямантау. Под заголовком «Для обсуждения в Палате представителей — Распорядительный акт Министерства обороны на 1998 финансовый год» я прочитал следующее:

Секция _____. Конгресс считает необходимым добиться от России открытости в отношении горного комплекса Ямантау.

Выводы, к которым пришел Конгресс:

Соединенные Штаты и Россия длительно сотрудничают друг с другом после окончания холодной войны с целью установления новых стратегических отношений, основанных на взаимодействии и открытости между обеими нациями.

Попытка установить новый тип стратегических отношений привела к заключению принципиальной договоренности по нескольким соглашениям на будущее, включая СНВ I, II и III (переговоры о сокращении стратегических вооружений), пересмотр пункта о традиционном вооружении в Европейском договоре и еще ряд соглашений (таких, как Договор о запрете комплексных испытаний и Конвенция о химическом вооружении). Все они составлены с целью дальнейшего уменьшения обоюдной военной угрозы и ограничения распространения оружия массового поражения.

Эти долгосрочные соглашения были основаны на понимании США и Россией того факта, что соблюдение буквы и духа соглашений упрочит доверие с обеих сторон, приведет к окончанию гонки вооружений

холодной войны, так что ни одна из сторон не получит стратегического превосходства.

По данным отчетов, в России идет строительство массивного подземного сооружения неизвестного назначения в горе Ямантау в городе Межгорье (бывшие городки Белорецк-15 и Белорецк-16), который спроектирован как бункер на случай ядерной войны и выходит за рамки достаточных требований безопасности.

Проект Ямантау идет вразрез с соглашением об уменьшении стратегической угрозы, политики открытости и взаимодействия на основе послевоенного стратегического сотрудничества США и России.

Россия, по всей видимости, намеренно скрыла и ввела в заблуждение Соединенные Штаты касательно истинных целей возведения комплекса Ямантау...

И тут я наткнулся на сайт, где рассматривалась версия, в которой я все больше уверялся, страница за страницей просматривая информацию о Ямантау. Там был поставлен прямой вопрос: «А что, если предназначение секретного подземного города вовсе не в том, чтобы стать правительственным бункером в случае ядерной войны?»

Что, если он должен стать укрытием от какой-то иной угрозы?

На сайте предлагалось три альтернативы: грядущая экологическая катастрофа, столкновение с астероидом или кометой, которое также приведет к катастрофе, и неясная угроза из космоса...

Я откинулся на спинку стула и дрожащей рукой провел по волосам. Неясная угроза из космоса, думал я, о Боже...

Те, кто знал о комплексе Ямантау, подозревали, что он является частью плана России пережить я дерную войну — неважно, случайную или нет. Похоже, что даже в самых высоких правительственных кругах Соединенных Штатов были твердо уверены, что подземный комплекс должен обеспечить укрытие российскому правительству в случае подобной катастрофы.

Сама по себе эта версия показалась довольно разумной; но если рассматривать ее в контексте гибели туристов на перевале Дятлова, проекта «Сварог», исчезновения людей из экспедиции Константинова и теорий Валерия Уварова... то, все факты уводили совсем в другую сторону.

Они свидетельствовали, что российское правительство чего-то боялось — страшно боялось, но не Америки или любой другой страны на Земле. Последние тридцать лет оно усиленно к чему-то готовилось.

К чему-то, о чем не знал остальной мир.

* * *

Когда через пару часов следователь Комар вернулся, я рассказал ему о том, что прочитал о Белорецке и комплексе Ямантау. Но было видно, что слушает он рассеянно. Тогда я спросил, что случилось.

— Прокурор Глазов распорядился, чтобы я закрыл это дело, — вяло ответил он.

— Что? Закрыть дело? Но почему?

— Это не его собственное решение. Приказ поступил сверху — с очень большого верха. Сам он рвет и мечет, но видно, что руки у него связаны. Он сказал мне, что дело Константинова передали в другое ведомство...

— В ФСБ?

— Возможно, официально туда... Но думаю, мы с вами знаем, кто здесь замешан.

— Проект «Сварог».

— Вот именно.

— А как же ваши люди, которые сейчас в лесу?

— Их отзовут обратно и тут же переведут на другое дело.

— Так, а что Стругацкий?

Комар вздохнул и посмотрел на меня с мучительным выражением на лице:

— Его выпустят из больницы. Все обвинения снимаются. Скоро доктора Плетнера известят об этом.

— Бог ты мой! Стругацкий был прав.

— Прав? В каком отношении?

— Во время одной из наших бесед он сказал, что если ваши люди найдут то, что ищут, уже через час его отсюда выпустят, а после, возможно, с ним произойдет несчастный случай. И что же? Ваши люди так и не нашли то, что искали, и, кажется, не найдут, но Стругацкий уже покидает эти стены.

Следователь кивнул:

— Мы с вами мыслим в одном направлении, доктор. Стругацкий знает больше, чем положено, и, разумеется, видел больше, чем должен был. Лишин, очевидно, сломался во время допроса и все выложил «Сварогу». И уж они-то не позволят Стругацкому разгуливать свободно, будто ничего не произошло.

— А милиция не сможет приставить к нему охрану?

— Вряд ли.

— Но вы же можете пойти к прокурору Глазову и сказать, что Стругацкий в опасности.

— Он захочет узнать почему.

— Ну так скажите ему, ради бога! — закричал я.

— Вы думаете, так он мне и поверит? — сердито возразил Комар. — Да я окажусь в палате на месте Стругацкого, и ваши люди будут вправлять мне мозги.

— Я буду на вашей стороне.

Комар сухо рассмеялся:

— Вы? Да вас уволят за это. А может, что и похуже.

— Но мы не можем так поступить, — упорствовал я. — Мы не можем просто взять и отдать Стругацкого на растерзание волкам.

— Вы думаете, меня такая перспектива радует? У нас просто нет другого выбора!

— Тогда давайте его отпустим. Прямо сейчас! Не будем ждать, когда поступит приказ его освободить. Тогда мы успеем его спрятать в безопасном месте.

— Даже если это ваше «безопасное место» существует, сама больница находится под видеонаблюдением. Как далеко нам удастся убежать?

Конечно же, он был прав: нас арестуют, как только мы переступим порог больницы. Я беспомощно взглянул на следователя.

— Что же нам делать?

Комар молча смотрел на меня. И наконец произнес:

— Я хочу дослушать историю Стругацкого до конца. Хочу знать все подробности того, что произошло в лесу. Хочу знать, почему исчезли Константинов и остальные, — хочу знать все.

— Вы полагаете, у нас есть для этого время?

— Передача расследования из одного ведомства в другое и оформление выписки пациента из клиники — это не дело пяти секунд. Они захотят все сделать официально, а это волокита. Стругацкий успеет все рассказать. А потом...

— Что потом?

Комар вздохнул:

— Потом я решу, что нам делать.

* * *

Стругацкому достаточно было одного взгляда на наши лица, чтобы догадаться:

— Так, так... Вижу, что со времени нашей последней беседы много чего произошло. Рад вас снова видеть.

После того как мы со следователем уселись, я сказал:

— Виктор, эту беседу нужно провести без всяких проволочек, и вы должны рассказать нам обо всем, что произошло дальше на Холат-Сяхыл.

— Почему так?

— Не важно почему, — вмешался Комар, — просто рассказывайте.

— Что-то случилось, ведь так? — спросил Стругацкий.

Я наклонился к нему:

— Виктор, похоже, вас скоро должны выпустить.

Он посмотрел на меня молча, потом прошептал:

— Черт!

— Дело о экспедиции Константинова передается в другие руки, поэтому и наши сеансы тоже прекращаются.

— Эдуард Лишин пропал, — сказал следователь. — Я полагаю, что его забрал «Сварог» сразу после того, как он передал вам документы, после чего его допрашивали — не знаю, с применением каких методов, — но он все им рассказал.

Стругацкий вздохнул:

— Значит, это они были в лесу. Вот кто нас нашел. Не могу обвинять Лишина в том, что он сознался. Кто знает, что они вообще с ним сделали.

Комар и я переглянулись.

— О чем вы говорите, Виктор? — спросил следователь.

Стругацкий сел прямо и тяжело выдохнул:

— Вы хотите знать остальное? Хорошо. Я расскажу.

Глава шестнадцатая

Алиса считала, что сила, убившая медведя, тем не менее, не была враждебна человеку, раз человечество до сих пор живо. Но Виктор не был так в этом уверен — о чем он и заявил.

— У вас есть аргументы против? — спросила Алиса.

— Возможно, медведя убили не так же точно, как группу Дятлова, но результат один — они мертвы. Кто знает, сколько еще в этом лесу животных, изувеченных этой неизвестной силой? Может, их трупами усеяно все вокруг.

— Сомневаюсь.

— Откуда вам знать?

— Вы оба можете быть правы, — сказала Вероника. — Что бы это ни было, оно может причинять вред ненамеренно: это может быть просто настолько отличная от всех известных нам форма жизни, что сближения с ней не переживет ни одно существо.

Алиса бросила на нее взгляд через плечо и сказала:

— Вероника в чем-то права.

— Так что нам теперь делать? — спросил Виктор.

— Довериться Прокопию, — сказал Константинов, многозначительно посмотрев на Алису.

— Ты можешь сколько угодно полагаться на мистику, Вадим, — ответила она. — Я полагаюсь на научное знание. Любой источник такой силы не сможет остаться незамеченным, он проявит себя через мощное электромагнитное поле, которое мы сможем обнаружить с помощью моих приборов, и через сильный шум.

— Шум? — переспросил Виктор. — Тот, что мы в деревне слышали?

— Вот именно. Кроме того, будет слышно его воздействие на окружающую среду — треск ломающихся деревьев, например. Он оставит знаки, по которым мы сможем его выследить.

— Если мы вообще хотим его выследить...

— Интересно, — сказал Константинов. — Но я не припомню, чтобы в том месте, где мы обнаружили медведя, были какие-нибудь сломанные деревья.

— Да, — согласилась Алиса. — Это действительно выглядит так, словно животное сбросили с большой высоты. Но сам феномен должен был произойти на земле, чтобы задеть медведя.

— Что это там? — внезапно спросила Вероника.

Константинов тут же остановил машину:

— Где?

Она ткнула в окно слева:

— Там что-то есть между деревьями. — Виктор, сидевший между ней и Прокопием, почувствовал, как сильно она напряглась, повторяя: — Там что-то есть!

Он приблизился к стеклу, пытаясь хоть что-то рассмотреть вдали среди мерзлых рядов деревьев. На расстоянии около ста метров он различил что-то круглое, тускло-серебристого цвета и абсолютно плоское. Это что-то находилось во впадине, имевшей достаточно правильную и симметричную форму перевернутого конуса.

Константинов сверился с картой, затем с показаниями автомобильного GPS-навигатора и покачал в задумчивости головой:

— Если бы я не знал точного места, сказал бы, что мы наткнулись на ртутное озеро. Но оно не здесь должно находиться.

— Может, оно не одно? — предположил Виктор.

— Должно быть, так и есть, — согласился Вадим.

Тут Алиса открыла дверь машины и вышла.

— Что вы, черт возьми, делаете? — закричал Виктор.

— То, для чего мы приехали, — прокричала она в ответ, открывая откидной борт автомобиля и доставая большую холщовую сумку.

Константинов вопросительно посмотрел на шамана:

— Прокопий?

— Пусть идет, — ответил тот.

— Это не опасно?

— Пусть идет.

Не очень это было похоже на одобрение, но Виктор потянулся и открыл дверь со стороны Вероники. Она выскочила первой, он — следом за ней.

Алиса уже захлопнула борт и, перекинув сумку через плечо, спросила Веронику, взяла ли та свой фотоаппарат. Получив утвердительный кивок, она сказала:

— Тогда пойдем.

Вадим и Прокопий тоже вышли из машины. Все вместе двинулись сквозь деревья к впадине, останавливаясь каждые двадцать метров, чтобы Ника сфотографировала «озеро».

Когда до края озера оставалось метров десять, Алиса открыла сумку и вытащила маленькую коробочку, на верхней панели которой находились кнопочки и шкала со стрелкой; коробочка соединялась тонким шнуром с прибором, напоминающим головку душа.

— Что это? — спросил Виктор.

— Счетчик Гейгера. Он регистрирует источники альфа- и бета-излучения.

— Вы думаете, здесь может быть радиация?

Она не ответила, но пошла медленнее.

«Озеро» было метров пятнадцать в диаметре и абсолютно круглое. Его поверхность была настолько ровной и гладкой, что Виктор засомневался: может, это всего лишь застывшая масса обычной воды — хотя и настораживающе идеальной формы?

— Похоже на кратер от сильного удара, — почти шепотом отметил Константинов.

— Но что произвело такой удар? — спросила Вероника.

Ей никто не ответил. Они двигались дальше, и хруст снега под ногами был единственным звуком, нарушавшим первобытную тишину леса. Алиса медленно водила датчиком взад-вперед, наблюдая за движением стрелки. К счастью, она ни разу не шелохнулась. Явно довольная результатом, Алиса остановилась и, убрав счетчик в сумку, вытащила другой прибор.

— Это многоканальный анализатор, — сказала она, опережая вопрос Виктора.

— Да? И что он делает?

— Автоматически определяет и распознает различные типы радиоактивных веществ, если таковые присутствуют. Очень полезен, если имеешь дело с неизвестными источниками радиации.

— Так все-таки вы думаете, что здесь есть радиация?

— Не знаю, но я знаю, в каком состоянии были найдены туристы из группы Дятлова. Я лишь хочу убедиться.

От упоминания о Дятлове перед глазами Виктора всплыли фотографии из досье Лишина — и ярче всего та, на которой Рустем Слободин бежит прочь от так называемого ртутного озера. Он вспомнил его перекошенное страхом лицо и содрогнулся.

Алиса посмотрела на него и ухмыльнулась:

— Холодно, правда?

— Не в холоде дело. Я думаю, что так напугало Рустема Слободина, когда он подошел к подобному озеру?

Виктор перевел взгляд на Прокопия, пытаюсь угадать, что тот думает по этому поводу. Но лицо

шамана было невозмутимым, он не сводил глаз с озера. Что ж, в такой ситуации молчание шамана было лучшим знаком — к тому же он был рядом и шел вперед. «Все нормально, — думал Виктор. — Пока он здесь, все в порядке... но как только он повернет назад, я тут же последую за ним».

Он и сам не заметил, как доверился способностям шамана, полагаясь на него больше, чем на показания приборов Алисы. У него было чувство, что ее наука вряд ли поможет больше, чем знания старика о мире, который его народ избегал веками, но в котором они были большими чужаками, чем он.

Они подобралась к самой кромке озера, и, заглянув в него, Виктор понял, что, конечно, это никакой не лед. Это не могло быть водой ни в каком ее состоянии.

Это было нечто.

Тот, кто назвал это ртутным озером, нашел удачное сравнение: поверхность его имела яркий металлический, почти зеркальный блеск. Но при этом каким-то странным и необъяснимым образом она не выглядела твердой. Казалось, достаточно просто подуть на нее — и пойдет рябь, как по воде. Снеговые шапки деревьев вокруг и серые в крапинку облака отражались без всякого искажения на совершенно ровной глади этого озера. Осторожно подойдя вплотную и заглянув в него, они увидели собственные отражения.

— Очень похоже на ртуть, — согласился Константинов.

— А она жидкая или твердая? — спросила Вероника, вцепляясь в руку Виктора. Про фотоаппарат, висевший у нее на плече, она, похоже, совсем забыла.

— Выглядит так, будто она одновременно жидкая и твердая, — ответил он.

— Мы можем проверить, — сказала Алиса.

Она наклонилась и набрала в руку пригоршню снега.

— Что вы делаете? — спросил Виктор, прекрасно зная ответ, но не одобряя саму идею.

— Она хочет бросить снег в озеро, — произнес Прокопий тихо и спокойно. — И это будет ошибкой.

Константинов резко повернулся к нему:

— Почему?

— Потому что озеро спит... Если туда что-то бросить, оно проснется.

Алиса смотрела на Прокопия, катая в руках снежок. Она едва заметно ухмылялась — не то удивленно, не то презрительно, а скорее всего, чувствуя и то и другое одновременно.

— Снова ваши сказки, Прокопий? Что будет, если я его разбужу? Оттуда вылетит Баба Яга в своей избушке на курьих ножках?

Шаман ответил ей той же улыбкой:

— Возможно, нет. Могу я о чем-то попросить?

— О чем?

— Пусть остальные вернутся обратно в машину и отъедут немного в лес, прежде чем вы бросите снежок. Я обещаю, что мы вас дождемся. — Прокопий испытующе, не мигая, смотрел ей в глаза. — Хорошо?

Алиса смотрела на свой снежок так, словно держала в руках гранату с выдернутой чекой.

— Вы меня дразните? — спросила она.

— Вовсе нет, — сказал он, не сводя с нее своего немигающего взгляда. — Скажите, чего вы хотите этим добиться?

По лицу Алисы Виктор мог бы легко определить, что сейчас творится у нее в голове. Ей страшно хотелось кинуть снег в озеро, чтобы проверить его плотность, хотелось бросить вызов авторитету шамана — авторитету, который она отказывалась признавать, хотелось доказать, что она не боится этого места, не

боится того, что здесь находится, что она может заставить его раскрыть свои тайны. И она знала, что все это можно решить одним взмахом руки.

Она снова посмотрела на шамана.

— Все, чего я прошу, — произнес он, — это дать нам пару минут, чтобы уйти на безопасное расстояние.

— Я думала, что вы здесь для того, чтобы защищать нас, — сказала она.

— Я предлагаю вам свою защиту. Вам выбирать, примете вы ее или нет.

Алиса перевела взгляд на Виктора, и он увидел, что она колеблется и злится за то, что начала сомневаться.

Он сам обратился к Прокопию:

— А что будет, если мы потревожим озеро?

— Вы его разбудите.

— Да, вы уже это говорили. Но что произойдет, если мы его разбудим?

— Трудно сказать.

— Алиса погибнет, если бросит снег?

— Трудно сказать.

— Да вы что, бредите? — почти прорычала Алиса.

Прокопий посмотрел на озерную гладь и нахмурился, словно что-то придумав.

— Алиса, я покажу вам кое-что, и вы поймете, что я не выживший из ума старик, который верит во всякие глупости. Пожалуйста, — обратился он к остальным, — отойдите на несколько шагов от края.

Виктор заметил встревоженный взгляд Константинова — было видно, что он очень не хочет, чтобы Алиса бросала снег, и надеется, что Прокопий убедит ее не делать этого. Конечно, можно было просто схватить ее за руку. Но где гарантия, что она не опередит их, просто чтобы доказать свою правоту?

— Ника, Виктор, пойдемте, — сказал Константинов.

Они все трое отступили на несколько шагов и теперь стояли поодаль, наблюдая за Прокопием и

Алисой.

Шаман обратился к ней:

— Загляните в озеро, Алиса.

Она наклонилась, всматриваясь.

— Что вы видите? — спросил он спокойно.

То, что произошло дальше, стало абсолютной неожиданностью для Виктора.

Алиса вскрикнула, выронила свой снежок и сломя голову побежала прочь от озера. Ее гнало такое отчаянное желание убежать, что громоздкая холщовая сумка сползла с плеча и упала на землю, но она даже не взглянула на нее, карабкаясь по склону к машине.

— Что за черт... — начал было Виктор, когда к ним подошел Прокопий.

— Нам надо уезжать, — сказал шаман, — кажется, само наше присутствие разбудило его.

Константинов подхватил сумку Алисы и сказал:

— Хорошо, поехали.

— Быстрее, пожалуйста, быстрее, — торопил их Прокопий.

— Что она там увидела? — спросил Виктор, пока они торопливо взбирались вверх по склону. Алиса уже была в машине — он видел ее: она сидела прямо, глядя куда-то перед собой. — Что вы ей показали? — повторил он свой вопрос.

— Что-то, что я заметил перед тем, как попросил вас отойти. Я сделал так, чтобы она больше не сомневалась.

Они дошли до машины, запрыгнули в нее, и Константинов завел мотор.

Ника наклонилась вперед и тронула Алису за плечо. Алиса дернулась, словно ее ударили.

— Да расслабьтесь же! — сказала Ника. — Что вы там увидели?

Алиса повернулась к ним. Ее голос дрожал:

— Я увидела наши отражения. Все мы стояли там, даже после того, как вы отошли от края... ваши

отражения были там, на поверхности... *ваши отражения были там...*

В этот момент из сумки Алисы раздался громкий писк. Она схватила сумку и, пошарив рукой, достала еще один датчик. На нем мигала красная лампочка, а цифровой дисплей, казалось, сошел с ума.

— Что это? — спросил Вадим, переключая скорость.

— Электромагнитный датчик, — ответила Алиса, — обнаружил мощное электромагнитное поле... и похоже, его источник в озере. Вадим, увози нас отсюда скорее, ради бога!

Вероника вдруг схватила Виктора за руку:

— Боже мой, смотри! — Она показывала в сторону озера.

Повернувшись, он увидел, как металлическое вещество озера поднималось высокой и тонкой башней, как будто резиновую пленку изнутри растягивал какой-то острый предмет. Но Алиса тут же опровергла эту аналогию, сказав:

— По-видимому, над озером есть что-то, что тянет его вверх... какой-то источник огромной гравитационной силы...

В тот же момент их практически оглушил мощный звук со стороны озера, который толкнул их массивный внедорожник, словно тот был игрушечным, — скрежещающий металлический звук, словно прямо над их головами столкнулись и протаранили друг друга два военных самолета.

Вадим до упора жал на газ, и Виктор чувствовал, как из-под колес летит снег. Но машина совсем не двигалась.

— Не надо, — закричал он, стараясь перекрыть нестерпимый звук, — так мы увязнем!

— Знаю, — ответил Вадим, — я не подумал. — Он сбавил скорость и тихонько жал педаль. Машина

дергалась вперед рывками, но соскальзывала обратно. — Наверное, мы уже увязли.

— Попробуйте еще раз! — кричал Виктор, через плечо следя за тем, что происходило на озере.

Серебристая башенка все еще возвышалась там метров на пятьдесят и выглядела как небоскреб инопланетного города. Он не понимал, откуда она возникла, но был готов согласиться с предположением Алисы.

Вадим снова и снова пытался тронуться с места, но каждый раз колеса соскальзывали обратно в рыхлую колею.

— Бесполезно! — вскричал он. — Нам надо выбираться и бежать.

Алиса отчаянно замотала головой:

— Нет, так у нас не будет шансов!

— У нас будет больше шансов, если мы... — Вадим осекся, взглянув в сторону озера.

Серебристая башенка клонилась в их сторону, словно щупальце подводного монстра, пытающегося схватить свою жертву.

— Почему? — кричала Вероника. — Что она делает?

— Это источник гравитации, — прокричала ей в ответ Алиса. — Он движется сюда, увлекая за собой вещество из озера.

Вадим снова завел мотор, но даже на маленькой скорости выехать не получилось. Они прочно засели. Он обернулся к Виктору с паническим блеском в глазах:

— Здесь больше нельзя оставаться, нужно бросить машину и попробовать убежать.

Виктор снова взглянул на приближавшееся блестящее острие башни и заметил за задними сиденьями среди прочего снаряжения кое-что еще.

Это было запасное одеяло.

— Черт, — сказал он, обращаясь скорее к себе, чем к другим, — должно получиться.

И перегнувшись через сиденье, он схватил одеяло и выскочил из машины.

— Что вы делаете? — вскрикнула Алиса.

Времени отвечать не было. Он бросился к передним колесам машины, шатаясь от бьющего в него звука. Ничего более громкого он в жизни не слышал. Даже рев реактивных истребителей, воздушное шоу которых он наблюдал с родителями в детстве, не шел в сравнение. Ему хотелось зажать уши, хотя он знал, что лучше от этого не станет. Этот звук заполнял собой весь мир — и поглощал его. Он врезался в голову, Виктор чувствовал, как вибрирует нижняя челюсть. Ему казалось, что мозг вскипит и вытечет из черепа.

В глазах начало двоиться, и он подумал, что сейчас потеряет сознание, но каким-то образом успел добраться до капота. Через ветровое стекло на него смотрели три пары полных ужаса глаз. Именно три — Прокопий не выглядел напуганным. Его лицо было невозмутимым... отрешенным. Казалось, он готов ко всему, что бы ни случилось.

В памяти Виктора всплыл образ медвежьей туши — с ее вытянутой в струну нижней частью, и ему представилось, что то же самое сейчас произойдет с Никой, Алисой, Вадимом, Прокопием... с ним... и решил, что он лично к такому *не готов*.

Он встряхнул, расправляя, одеяло и, бросив взгляд на приближающееся острие, заметил, что деревья вокруг клонятся в его сторону и снег летит с них белыми потоками к невидимому источнику гравитационного поля.

— Боже!

Он сел на корточки и подоткнул край одеяла под передние колеса, после чего, спотыкаясь, почти ползком добрался до открытой задней двери. Ника и Прокопий затащили его внутрь. Он дернул дверь на себя, крича Вадиму:

— Попробуйте сейчас!

Константинов снова завел двигатель, и мягко нажал на педаль газа, готовый тут же отпустить ее, как только почувствует пробуксовку. Но колеса, попав на одеяло, уже нашли твердую опору и рванули вперед.

— В лес, — скомандовал Прокопий.

Вадим повел машину, выжимая полный газ. Ртутное озеро осталось позади, но звук не только не стал тише — теперь к нему примешался непонятный треск. И тут Виктор через заднее стекло увидел, в чем дело: деревья за ними вырывало из земли и крошило в щепки какой-то непонятной штуковиной, реявшей в воздухе.

Алиса торопила Вадима:

— Быстрее, быстрее, если эта штука окажется над нами...

— Я знаю! — кричал он, выворачивая руль и лавируя между деревьями.

Виктор крепко зажмурил глаза и молился: «Боже, пожалуйста, дай нам уйти! Что бы это ни было, спаси нас!»

Он услышал, как застонала Ника, и открыл глаза, чтобы прижать ее к себе, но увидел, что она смотрит в окно и мотает головой, приговаривая:

— Нет, нет, нет, нет!

Тут он и сам увидел *это* и в первый миг ничего не понял, но когда после шока в мозгу сложился образ, он почувствовал, что его сейчас стошнит.

Это была собака — она бежала через лес за машиной метрах в десяти от них. Виктору показалось, что это борзая — длинная и ухоженная, темно-серая шерсть лоснилась. Но это была не борзая. Ее лапы были слишком длинными и тонкими, скелетообразными, морда тоже была слишком вытянутой. Она передвигалась широкими, мощными скачками, словно в замедленной съемке, не сводя крошечных черных глаз со стоявших впереди деревьев.

Это была собака — и в то же время не собака.

Чуть дальше между деревьев двигалось еще что-то. Это существо напоминало большую кошку — рысь, судя по черным кисточкам на кончиках ушей. В отличие от собаки, она была абсолютно нормальных пропорций для большой дикой кошки. Но когда она повернулась мордой...

У нее были слишком большие глаза, и даже на расстоянии Виктор мог разглядеть, что это человечески глаза.

Увидев их, Вероника вскрикнула. Виктор прижал ее к себе, заставляя отвернуться от окна. Она начала всхлипывать у него на груди:

— Что это? Кто это?

— Не знаю, — отвечал он, — не знаю.

Алиса тоже видела их, и Вадим, петляя среди деревьев, успевал взглянуть мельком. Виктор хотел спросить у Прокопия, знает ли он, что это такое, но шаман вдруг подался вперед, схватившись обеими руками в подголовники передних сидений, и словно пытался что-то высмотреть сквозь ветровое стекло. Было очевидно, что в этот момент его лучше не отвлекать.

Алиса посмотрела в свое окно и крикнула:

— С этой стороны тоже что-то есть!

Виктор увидел бегущих рядом с машиной зайцев. Как и собаки, они делали неправдоподобно длинные прыжки. «Что за чертовщина?» — подумал он.

И вдруг Прокопий закричал:

— Впереди! Впереди!

Впервые Виктор услышал панику в голосе шамана и вскоре понял ее причину.

Прямо впереди из мерзлой земли торчало что-то большое, метров десяти в диаметре, полукруглое и вогнутое, внутреннюю его часть скрывала черная тень.

Это был «котел».

— Уезжайте от него! — кричал Прокопий.

Вадим резко крутанул руль вправо, меняя направление, так что их всех по инерции швырнуло влево.

А потом стало слышно только шум работающего двигателя.

Звук, раздирающий воздух вокруг, прекратился внезапно, как будто кто-то щелкнул выключатель. Вадим остановил машину на заносе и тяжело дышал, вцепившись в руль. Все сидели, боясь шелохнуться, слушая холостой ход двигателя. Виктор чувствовал, что в ушах звенит, но это был лишь остаточный эффект преследовавшего их невыносимого звука.

— Все целы? — нарушил наконец всеобщее молчание Вадим.

— Куда исчезли животные? — спросила Вероника, игнорируя его вопрос. — Где они? Они тут, рядом?

— Я их не вижу, — сказала Алиса, озираясь по сторонам.

— Не следовало вам вообще видеть их, — сказал Прокопий.

Виктор повернулся к нему:

— Что вы имеете в виду?

— То, что сказал. Людям вроде вас нельзя такое видеть.

— Вроде нас? То есть не шаманам?

— Именно. Но вы их увидели.

Виктор слышал смятение в его голосе. В первый раз за все время пребывания в лесу Прокопий казался настоящему потрясенным и потерявшим самообладание. Плохой знак.

— Вы видели их раньше? — спросил Вадим. — В смысле до того, как все это произошло? Когда мы только въехали в лес?

Шаман отрицательно покачал головой:

— Так не бывает. Мы не видим такие вещи просто так. Мы видим их, только когда наш дух путешествует, когда мы вступаем в иной мир. Ни вы, ни я не могли увидеть этих животных без особой подготовки. Я не понимаю, как это произошло... это очень странно.

— Да, это странно, — произнесла Алиса, все еще всматриваясь в окно. — Но еще страннее, что та штука, в которую мы чуть не въехали, исчезла. Этот котел исчез.

* * *

Они вышли из машины и огляделись. Не было ни странных животных, сопровождавших их сумасшедший побег от ртутного озера, ни «котла». Все снова выглядело нормальным, если, конечно, это место можно было назвать нормальным.

— Как могла такая громадина так быстро уйти под землю? — спросила Вероника. — В смысле она ведь должна была уйти под землю? Судя по легендам...

— Да, — ответил Константинов, — должна была.

Он прошелся по следу, оставленному колесами на снегу, до того места, где они круто свернули направо, чтобы избежать столкновения с «котлом». Остальные пошли за ним, и все вместе осмотрели место, где торчал «котел». Даже снег там лежал нетронутый.

— Эта штука не ушла под землю, — заключила Алиса.

— В таком случае куда? — спросил Виктор.

Она пожала плечами:

— Я могу поразмышлять логически, если хотите.

— Давайте.

— Итак, если бы я не видела его собственными глазами... как и все остальное... я бы сказала, что все это смахивает на оптическую иллюзию. Но, разумеется,

сейчас я так не скажу. Единственное объяснение: чем бы ни являлась эта штука, она способна мгновенно перемещаться из этого места куда-то еще.

— Телепортация? — сказала Вероника.

— Да, как бы невероятно и *неправдоподобно* это ни звучало. Но что-то подсказывает мне, что дело здесь не только в телепортации.

— А в чем тогда?

Алиса показала на нетронутый снег в том месте, где несколько минут назад стоял «котел», наполовину уходящий в землю.

— Если «котел» отсюда был телепортирован, должен был остаться полукруглый след, но, как вы видите, абсолютно ничего — словно его никогда не было. Это ставит меня в тупик. Если только...

В напряженном молчании все ожидали продолжения, но она задумчиво смотрела себе под ноги.

— Если только что? — не выдержал Виктор.

— Если только это не связано со временем. Да... со временем.

— Я не понимаю. Что вы хотите сказать?

— Я запаниковала там, на озере, — ответила она, — когда Прокопий показал мне... Это был такой шок — увидеть все наши отражения, когда вы уже отошли от края. Может, Рустем Слободин видел то же самое... Во всяком случае, на той фотографии он выглядел напуганным не меньше меня. Такое ощущение, что в озере время движется медленнее, чем вокруг.

— Смещение во времени? — задумчиво сказал Константинов.

— Точно, — подтвердила Алиса. — Когда Прокопий попросил меня заглянуть в озеро, я увидела ближайшее прошлое. — Ее голос стал взволнованнее. — И то же самое могло произойти с «котлом». Сейчас его здесь нет, но он мог быть здесь в прошлом.

— Но не в ближайшем прошлом, — добавил Виктор, — ведь речь идет не о минутах?

— Конечно, определенно не о минутах, может быть, даже о столетиях.

— Господи, неужели такое возможно? Смещение во времени?

— Это единственное, что приходит в голову, и единственное хоть отдаленно похожее на правду. И... возможно, это объясняет то, что произошло с небом прошлой ночью.

Она многозначительно посмотрела на Вадима и Нику, и до Константинова наконец дошло, что она имеет ввиду.

— Ты хочешь сказать... что мы не узнали созвездий, потому что смотрели не на «наше» небо, а на небо, каким оно было в далеком прошлом?

Алиса кивнула:

— Конечно, мы всегда видим только то небо, каким оно было в прошлом, поскольку скорость света — величина конечная. Если мы видим звезду, которая находится на расстоянии ста световых лет от нас, мы видим ее не такой, какая она есть сейчас, а какой она была сто лет назад, так как свету требуется время, чтобы дойти до нас. Однако то, что прошлой ночью вообще не было известных созвездий, означает, что мы видели небо, каким оно было в очень далеком прошлом, возможно миллионы лет назад.

— А животные? Они откуда?

— Не уверена точно, — ответила Алиса, — может, то же самое касается и их.

— Но как происходят эти смещения во времени? — спросил Виктор. — По какому принципу?

— Не знаю. Обычно, когда говорят о путешествии во времени, мы представляем, как человек перемещается сквозь время в прошлое или будущее. Но никогда не думаем о перемещении промежутков времени.

— Что бы ни происходило сейчас, мы к этому не готовы, — сказал Виктор.

Алиса пристально посмотрела на него:

— Что вы имеете в виду?

— То, что мы оказались в чертовски опасной ситуации, и я думаю, нам не стоит здесь задерживаться.

— Хотите сказать, что мы должны все бросить? — спросила Алиса недоверчиво.

— Да. Не знаю, что я здесь ожидал найти, но, черт возьми, уж точно, не это. Это слишком ненормально. — Он посмотрел на Вадима. — Мы не справимся с тем, что происходит.

— Виктор прав, — поддержала его Вероника. — Мы едва не погибли... еще чуть-чуть — и были бы сейчас как тот медведь. Уж не знаю, что это за штука, но она деревья выдирает, как сорняки, и крошит их в щепки. И нас бы она размолотила точно так же. Мы не можем больше здесь оставаться.

Алиса посмотрела на нее с недовольством:

— Значит, вы хотите просто развернуться и уехать домой? Оставить все как есть, плюнуть на все эти тайны и укатить в Екатеринбург — как ребенок, которому надоела игра?

— В том-то и дело, что это не игра, Алиса! — закричала Ника. — Дело не в том, хочу или не хочу я продолжать игру, а в том, что я хочу выйти отсюда живой! — Она повернулась к Константинову. — Виктор прав, мы больше не можем здесь оставаться.

Взгляды всех обратились на Вадима — что скажет он? Он долго молчал, и Виктору было ясно, что его мучает дилемма: остаться и продолжать разведывать этот лес с его опасными загадками — или вернуться в безопасный город. Если бы решать приходилось Виктору, он бы не сомневался. Он не подписывался на такое и с удовольствием рванул бы домой. Максимов,

конечно, будет не в восторге от его истории и, вероятнее всего, тут же его уволит — тем лучше. Это было не важно — главное, убраться отсюда, пока их не расплющили до молекул, как бедного медведя.

Вадим, безусловно, был главным в «экспедиции Константинова» (сейчас это название звучало по-глупому самонадеянно), и окончательное решение оставалось за ним. Виктор попытался представить, как поведет себя, если профессор решит остаться. Может, он и Ника устроят бунт? Займут машину и поставят ультиматум: либо они все вместе уезжают, либо упрямцы остаются и идут прямой дорогой в ад? А что, если после этого Алиса и Вадим все равно решат остаться? Сможет ли он так просто взять и уехать, бросив их в лесу — даже по их собственному выбору? Позволит ли ему совесть?

Такие мысли бились в голове у Виктора в ожидании ответа Вадима. Наконец, глубоко вздохнув, Константинов заговорил:

— Мне очень тяжело. Вы не представляете, как я ждал этого — оказаться здесь и увидеть то, что видели они... наконец-то, наконец-то после пятидесяти лет сплошных вопросов без ответа быть так близко к разгадке их смерти... — Он посмотрел по очереди на каждого и покачал головой, опуская взгляд. — Но я не могу просить остаться тех, кто не хочет... Я не смогу жить с этим грузом, если что-то случится... если они...

— Вадим... — начала было Алиса.

Он жестом остановил ее:

— Все. Решение принято: мы немедленно возвращаемся в Екатеринбург.

— Но ведь ты вернешься сюда, — сказала Алиса.

— Конечно вернусь... очень скоро.

Алиса посмотрела на Виктора и Нику.

— И я вернусь с тобой, — сказала она.

Вероника выдержала ее презрительный взгляд и пожелала:

— Удачи. Вам она понадобится. — Потом повернулась к Прокопию, который молча слушал их, стоя в сторонке, и обратилась к нему: — А вы готовы ехать сейчас домой?

Он не ответил, но просто повернулся и пошел к машине.

— Видимо, это «да», — пробормотала Вероника.

Остальные устало потянулись вслед за ним — ничего не говоря и даже не глядя друг на друга. Константинов занял водительское место и завел двигатель, Алиса снова села рядом, хлопнув дверью сильнее, чем требовалось. Ника обменялась взглядами с Виктором и слегка улыбнулась ему, и у него потеплело на душе. Тот факт, что это она настояла на своем участии в экспедиции на Холат-Сяхыл, не менял дела — ведь если бы изначально Виктор ей не позвонил, ее бы здесь сейчас не было. Поэтому он чувствовал огромное облегчение, оттого что они воспользовались возможностью и повернули назад. Если бы с Никой что-то случилось, он бы никогда себя не простил. А что касается его самого, для него происшествие на перевале Дятлова навсегда останется неразрешенной загадкой. Но ему уже было все равно. «Пусть прошлое остается прошлым, — думал он. — Я не хочу ничего об этом знать, не хочу знать, что за чертовщина здесь творится. Я хочу просто обо всем забыть. Малодушно? Ну и прекрасно! Значит, я трус, и катись оно все к чертовой матери!»

Потом он подумал о Вадиме, и ему вдруг стало его ужасно жалко — не потому, что тот принял такое решение из-за него, а потому, что Константинов скоро вернется сюда, чтобы встретиться лицом к лицу с тем, от чего они сейчас убегали. Что с ним будет и какая судьба его ждет? Удастся ли ему найти разгадку? Или

она погубит его? Но пока они двигались назад к лагерю, разбитому у кромки леса на перевале Дятлова, то, что сначала ощущалось как облегчение, постепенно сменилось унынием.

Первое легкое подозрение, что что-то не так, закралось после слов Алисы:

— Мы уже давно должны быть на месте.

Вадим остановился, сверился с GPS-навигатором — ведь он еще утром завел в систему координаты их лагеря.

— Что-то не так? — спросил Виктор.

— Странно, — ответил Вадим, — навигатор показывает, что мы находимся в лагере. Но я его не вижу...

Вероника подвинулась вперед.

— А он правильно работает?

— Вроде да. Наш лагерь должен быть прямо перед нами, но...

— Его нет, — констатировала Алиса.

— Вот дерьмо собачье! — выругался Виктор, вылезая из машины.

Он огляделся вокруг — куда ни глянь, во все стороны простирались могучие деревья. Его осенила догадка, но он постарался отмахнуться от нее — понимая, что она верна, но не желая в этом себе признаваться. Однако выбора не было. Он снова сел в машину и сказал, обращаясь ко всем:

— Никаких признаков лагеря, зато есть кое-что другое.

Вадим повернулся к нему:

— Что другое?

— Вы уверены, что навигатор работает нормально?

— Да, абсолютно уверен.

— Тогда у нас проблемы.

— Почему?

— Потому что мы разбивали лагерь на краю леса, но здесь края леса нет — нигде.

— Ерунда какая-то, — прошептала Алиса.

— Вовсе нет, — произнес Прокопий, не сказавший ни слова за всю дорогу от озера.

— Что вы хотите сказать? — спросила Алиса.

— Вы правда думали, что сможете так просто покинуть лес? Вы правда думали, что после всего, что вы увидели в нем, сможете развернуться и уйти? Он вас заметил и не отпустит вас так скоро и по вашей воле.

— Вы хотите сказать, *что это лес не позволяет нам уехать?* — спросила Алиса.

— Да, это я говорю, — подтвердил шаман. — Ваше присутствие здесь — это вопрос, заданный лесу, и он отвечает вам; а то, что вы больше не хотите получить его ответ, — уже не важно. Он все равно даст вам ответ.

— Мы умрем? — спросила Ника еле слышно. — Этот ответ будет стоить нам жизни?

— Не мне отвечать. Я сам ничего не знаю. *Откуда* мне знать? Наш народ сотни лет сторонился этого места. Отортен и Холат-Сяхыл хранят свои секреты, и мы это понимаем.

— Но ваш дух был здесь во время обряда инициации, — сказал Вадим, — если вам что-то известно об этом месте, вы должны нам рассказать...

— Я сам буду решать, что вам рассказывать. Но обещаю, что сделаю все, что в моих силах, чтобы вы остались в живых, когда лес даст вам свой ответ. Но сейчас мы должны ждать здесь.

— Чего ждать? — спросила Алиса.

— Того, что случится. Виктор прав: края леса нигде не видно.

— Но как далеко он отсюда?

— Очень далеко, чтобы дойти до него — ни этой, ни следующих жизней не хватит.

Виктор хотел было в очередной раз спросить Прокопия, что тот, черт возьми, имеет в виду, но, уже открыв рот, остановился. Он вдруг с совершенной очевидностью осознал смысл слов шамана. Глядя в окно на окружавший их лес, он абсолютно точно понимал, что имел в виду Прокопий, и был больше чем уверен, что тот прав.

Он был уверен, что лес этот не кончится никогда.

Глава семнадцатая

Итак, они ждали. И снова ждали. Время ползло, и невидимое солнце медленно катилось за горизонт, а лес сначала дышал сумерками, а потом окутал их темнотой. Никто не был настроен на разговор; время от времени кто-нибудь из них выходил из машины на несколько минут, чтобы размять ноги.

В очередной раз Вероника, уже выходя из машины, взяла Виктора за руку, давая понять, что хочет, чтобы он пошел с ней. Она обошла машину и оперлась на багажник. Он стоял рядом, засунув руки в карманы своего пуховика.

— Витя, — сказала она, — что с нами происходит? Что это за место?

— Не знаю.

— В мире такого не бывает. Такого не может быть. Не может!

Он увидел, как ее глаза наполняются слезами.

— Прости меня, Ника. Прости, что втянул тебя во все это.

— Я сама захотела ехать.

— Все равно я виноват. Я не должен был тогда звонить тебе и просить встретиться.

Она усмехнулась, вытирая слезы:

— Ты же не знал, что произойдет. Откуда тебе было знать, что начнется это безумие? Ты не виноват.

— Мы выберемся отсюда, Ника, я тебе обещаю, мы выберемся.

— Спасибо за эти слова, Витя. Но ты не больше меня знаешь, что происходит.

— Прокопий нам поможет.

— Ты правда думаешь, что он сможет помочь?

— Я верю. Странно, я никогда раньше не интересовался такими вещами... всеми этими народными поверьями, шаманской культурой и прочим. Никогда этого не понимал — считал примитивной ерундой. Всегда смеялся над теми, кто увлекается нью-эйджем. Сейчас я понимаю, что ошибался.

— Почему мы расстались, Витя? — спросила она вдруг так неожиданно, что он не нашелся, что ответить. — Я ужасно из-за тебя страдала... я ненавидела тебя за это. Это было так странно — чувствовать вместо любви ненависть — так внезапно. Я как будто вдруг стала другим человеком, сама того не желая и не понимая, что со мной происходит... И за это еще больше ненавидела тебя.

Виктору захотелось плакать — не столько от ее слов, сколько от того потока мыслей, которые она разбудила: о ее слезах и ненависти к нему, о Дятлове и его товарищах, замерзших в ледяном аду, о Людмиле Дубининой, лежавшей в овраге с вырванным языком, о Николае Тибо-Бриньоле с разmozженным черепом, о неведомой и тошнотворной силе, изувечившей медведя, о невероятных животных, настигавших их огромными прыжками по дороге от озера...

Сколько еще потрясений выдержит человек, прежде чем сломается? Стоя рядом с женщиной, которую он когда-то любил — и знал, что любит до сих пор, — в дебрях леса, из которого не было выхода, Виктор понял, что не может больше держаться.

— Боже мой, — только и вымолвил он, крепко сжимая ее в объятиях и чувствуя, как у самого текут слезы. — Боже мой, Ника...

Она обняла его и сказала:

— Я люблю тебя, Витя.

— Я тебя тоже люблю, — прошептал он. — Мы выберемся отсюда. Я обещаю, что выберемся.

Алиса первой заметила, как вернулся их лагерь — или как они вернулись к лагерю. Не произошло никакого движения, никакой перемены — она просто выглянула в окно и изумленно вскрикнула:

— Вон наш лагерь!

Палатка стояла справа от них, метрах в пяти, чуть дальше виднелась кромка деревьев, за которой в темноте возвышалась круглая вершина Холат-Сяхыл.

Алиса схватилась за ручку двери, но Константинов остановил ее.

— Погоди немного, — сказал он, опуская стекло и направляя фонарь на палатку.

В узком луче света она казалась абсолютно нетронутой и целой. Хотя почему бы ей не быть целой? Все это время она находилась здесь: это *они* были в другом месте — что бы там ни показывал навигатор.

— Думаете, это не опасно? — спросила Ника.

— Есть только один способ узнать, — ответил Виктор, выходя из машины.

Ника выбралась вслед за ним — и они вместе пошли к палатке. Перед ней все так же чернели на снегу остатки их вчерашнего костра. Виктор огляделся. Вокруг стояла морозная тишина; его дыхание, клубившееся густым паром, было единственным, что ее нарушало. Он понимал, что никогда бы не смог привыкнуть к этой тишине — и дело не в зловещих событиях. Для того, кто провел всю жизнь в обстановке города, где все и всегда издает какие-нибудь звуки, эта абсолютная тишина слишком неестественна и тревожна, слишком таинственна и загадочна — она словно дышит призраками.

Однако ничего необычного не наблюдалось. Тогда Виктор и Ника замахали остальным — те поспешно

вылезли из машины и подошли к ним. Константинов тут же занялся газовой горелкой, Алиса вытащила из палатки два фонаря и зажгла их.

И их лагерь снова превратился в уютный уголок — по крайней мере, Виктор пытался настроить себя на это. Но после ужина и пары кружек горячего крепкого кофе он и впрямь почувствовал себя лучше, хотя ощущение, что они стоят на краю пропасти и земля крошится под ногами, осталось...

Остальные, видимо, чувствовали то же самое — судя по тому, что за ужином все молчали и то и дело всматривались в окружающую их темноту. Зато к Прокопию, похоже, наоборот, вернулась его привычная невозмутимость — он кивком головы поблагодарил за еду, которую ему предложили, и все поглядывал на небо, пока ел. Небо снова затянуло облаками, но Виктор подумал, что Прокопию это не мешает, что шаман видит сквозь облака — вот только что он видит?

По вполне очевидным причинам они решили дожидаться утра, чтобы свернуть лагерь и двинуться назад в Екатеринбург. Приняв окончательное решение, Вадим, казалось, немного повеселел — наверняка глубоко в душе он тоже чувствовал радость оттого, что жуткое место остается позади. Конечно, он сдержит слово и вернется сюда, но сейчас он слишком устал от всего этого.

Когда, прибравшись после ужина, они забрались в палатку, Вадим сказал это вслух:

— Знаете, чем больше я думаю, тем больше уверяюсь, что вернуться в город — самое лучшее решение.

Виктор посмотрел на Алису, ожидая услышать какое-нибудь колкое замечание, но она молчала. Наверное, она тоже устала от этого места.

— Нужно о многом подумать, — продолжал Вадим, — обобщить полученную информацию,

сформулировать гипотезы, сравнить с тем материалом о перевале Дятлова, который у нас был. Это была предварительная поездка, небольшая разведка — но если учесть то, что мы испытали, она прошла исключительно успешно.

— Не поспоришь, — заметила Алиса, ухмыльнувшись.

Виктор повернулся к Прокопию:

— А вы что думаете? Вы сказали, что лес нас не отпустит. Вы до сих пор так думаете?

Шаман задумался на секунду и ответил:

— Лес задержал наш отъезд, он не хотел, чтобы мы уехали сегодня. А что будет завтра — я не знаю. Посмотрим.

Вероника вздохнула:

— У кого-нибудь есть предположение, какого чёрта творится в этом месте? — Она посмотрела на Алису. — Вы физик, у вас должны быть какие-то идеи, хотя бы догадки.

— Единственное, что пока приходит в голову, — это то, что местные явления могут подтверждать М-теорию.

— Что за М-теория? — спросил Виктор.

— Сокращенно «мембранная теория», но... ее надо долго объяснять.

— Мы не торопимся, — заметила Ника.

Алиса закурила. Никто не стал возражать.

— Хорошо. Эта теория касается происхождения Вселенной. На данный момент физики почти единодушно принимают так называемую стандартную модель ее возникновения, согласно которой Вселенная появилась после мощнейшего взрыва примерно четырнадцать миллиардов лет назад.

— Это теория Большого взрыва, — прокомментировал Константинов, — первым ее выдвинул Эдвин Хаббл.

— Да, но только Хаббл вовсе не был первым. Эта честь принадлежит бельгийскому астрофизику Жоржу Леметру, который, по иронии судьбы, был к тому же священником. В двадцатые годы прошлого века Леметр сделал предположение, что Вселенная возникла из «изначального атома», или «космического яйца», примерно 20–60 миллиардов лет назад. Он полагал, что это была сфера, диаметр которой в тридцать раз превосходил диаметр Солнца. В этом отношении, а также в оценке возраста Вселенной он ошибся, но сама идея была верной. Ее быстро подхватили другие ученые, включая Хаббла, который заметил, наблюдая звезды и галактики, что чем дальше находится звезда, тем большую длину волны имеет ее световое излучение. Ее свет смещается в красную часть спектра. Хаббл рассчитал, что красное смещение галактики пропорционально ее расстоянию от Земли: другими словами, чем дальше от нас находится галактика, тем быстрее она убегает от нас. Это наблюдение известно как «закон Хаббла», и из него неизбежно следует, что в силу своего расширения Вселенная должна была иметь сингулярную точку возникновения в далеком прошлом — четырнадцать миллиардов лет назад, если быть более или менее точными. Тогда вся материя и энергия космоса были сжаты в пространстве гораздо меньших размеров, чем «космическое яйцо» Леметра. Оно было бесконечно малым и бесконечно плотным, и никто не знает, каким образом и откуда оно возникло и как ему удалось расшириться вовне, учитывая бесконечную силу гравитации, характерную для таких объектов.

— Все это очень интересно, — произнес Виктор, — но как это соотносится с мембранной теорией?

— Терпение, Виктор, сейчас я почти до нее дошла. Эта идея о первоначальной сингулярности, способной расшириться до размеров Вселенной, является

серьезной проблемой для астрофизиков. Такого расширения не должно было бы произойти, ведь сила гравитации в этой сингулярности слишком велика.

— Это похоже на черную дыру, — сказала Ника.

— Именно. Как только мы затрагиваем что-то «бесконечное» — так сразу возникают проблемы. Современное понимание физики не позволяет нам сказать ничего определенного о процессах, происходящих в пространстве бесконечно малых размеров и бесконечной плотности... поэтому астрофизики предпочитают считать, что Вселенная возникла из пространства размеров планковской длины.

— Что такое планковская длина? — спросил, наморщив лоб, Виктор.

— Это самое маленькое расстояние, которое наша физика способна описать: 10^{-35} . Идея изначального расширения Вселенной дополнилась идеей ее «раздувания»: это была сила, давшая Вселенной сильный толчок вовне, ускоривший ее расширение, прежде чем сила гравитации смогла остановить процесс и вернуть ее в сингулярность. Вот здесь и появляется мембранная теория. Она дала начало появлению новой модели возникновения Вселенной, которая уходит от необходимости «раздувания». Она называется экпиротической моделью, от греческого «экпиротисис», «большой пожар» — в философии стоиков так назывался процесс, посредством которого Вселенная периодически сгорает и возрождается заново. Согласно теории, наша Вселенная представляет собой четырехмерную мембрану, внедренную в область пятимерного пространства.

— Кажется, вы меня окончательно запутали, — признался Виктор.

— Хорошо. Тогда представьте Вселенную в виде листка бумаги, плавающего в пространстве комнаты.

— Представил, — кивнул он.

— Этот лист бумаги имеет два измерения — длину и ширину. А комната, в которой он плавает, имеет еще одну, дополнительную величину — высоту. Теперь если вы добавите одно измерение этому листку бумаги и одно измерение комнате, то получите нашу Вселенную, плавающую в многомерном пространстве. Наша Вселенная является «мембраной», плавающей в безгранично-многомерном пространстве. И то, что мы называем Большим взрывом, было вызвано столкновением двух мембран. При этом кинетическая энергия столкновения превратилась в фундаментальные частицы, которые составили нашу Вселенную и оказались запертыми в трехмерном пространстве мембраны.

— Ладно, логику я вроде бы уловил, — сказал Виктор. — Но как это связано с тем, что мы видели?

Алиса бросила окурок в кружку, из которой пила кофе, хотела закурить еще, но передумала.

— Эта теория объясняет возникновение, исчезновение, изменение. И чем больше я об этом думаю, тем больше подозреваю, что смещение во времени здесь ни при чем. Что, если М-теория верна? Что, если Вселенная и в самом деле встроена в четырехмерную мембрану, которая, в свою очередь, движется через пятимерное пространство? И что, если существует бесчисленное множество подобных мембран и они не только сталкиваются друг с другом, но и могут взаимодействовать каким-нибудь иным способом... более мягким, скажем так? Что, если они могут пересекаться без катастрофического высвобождения энергии, которое и привело к образованию нашей Вселенной?

— Слишком много «если».

Алиса вздохнула.

— Сама знаю. Но не могу забыть небо прошлой ночью — на котором все созвездия были незнакомы. Я предположила, что, возможно, мы наблюдали за небом из другого временного периода нашей истории... но ведь возможно, мы смотрели на небо из другого измерения, через пересечение нашей мембраны и какой-нибудь другой.

— А «котел»? — спросила Вероника. — Каким образом он исчез? Вы говорите, что это не из-за смещения во времени, а...

— А в результате еще одного пересечения мембран. Да, я это хочу сказать. «Котлы» и инсталляции — что бы они собой ни представляли, принадлежат другому измерению...

Все какое-то время молчали, пытаюсь переварить информацию. Все это было настолько фантастично и невероятно. Смещающиеся измерения пространства-времени, которые пересекаются друг с другом через многомерное пространство... Господи боже! Но логика в этом была. Виктор вспомнил, что кто-то однажды сказал, что экстраординарные заявления требуют экстраординарных доказательств. Но тогда и экстраординарные явления требуют экстраординарных объяснений.

Вероника выразила его сомнения кратко и ясно:

— Если это правда, почему это происходит только здесь? Почему не во всем мире? Не все время?

Алиса ответила не задумываясь:

— Может, и происходит. Подумайте о появлении НЛО: за все время их были тысячи — в основном шарообразные объекты вроде тех, что видели лыжники в ночь гибели группы Дятлова. На самом деле, форма здесь не главное: это может быть шар, диск, сигара — не важно. Важно то, что люди веками, а может быть, тысячелетиями наблюдают в небе странные объекты. Не слушайте скептиков, которые говорят, что это

чушь — многие из них даже не интересуются доказательствами. Факт остается фактом: *что-то* такое существует, но это не космические корабли с других планет галактики, а нечто иное, гораздо более необычное. Да и на самой Земле есть много странных объектов, которые очевидцы и исследователи принимают за следы приземления космических кораблей... но это может быть совсем другое. А еще сферы...

— Сферы? — переспросил Виктор, замечая, как устраивается поудобнее Константинов с расползающейся по лицу улыбкой.

— Вот уже много лет на фотографиях людей проявляются странные сферические объекты размерами обычно несколько сантиметров в диаметре. Иногда их видят в так называемых паранормальных зонах вроде домов с привидениями, но чаще — в самых обычных ситуациях и местах. Эти объекты видны на проявленной пленке. Их часто списывают на блики в объективе или случайную двойную экспозицию, но я думаю: так ли уж верно это объяснение? То же самое и с шаровой молнией: это признанный феномен, но его невероятно сложно воссоздать в лабораторных условиях...

Алиса говорила все быстрее, следуя за потоком собственных мыслей и размышлений.

Виктор поднял руку:

— Подождите, подождите минутку! Предположим, что вы правы и что мембраны пересекаются, позволяя, скажем так, *различным вещам* проходить через другое измерение. Получается, что это движение в одну сторону. Почему все время только их объекты проникают к нам, а наши в их измерение проникнуть не могут?

Алиса посмотрела на него с выражением крайнего удивления:

— Виктор, не могу поверить, что вы такое спрашиваете!

Видимо, он только что сморозил глупость, по крайней мере с точки зрения Алисы. Нисколько не смутившись, он сказал:

— Ну так просветите меня.

— Вы удивлены, что из нашей мембраны ничего не попадает в другую при пересечении? Вы хоть представляете себе, сколько людей пропадает по всему миру ежегодно? Сотни и тысячи. Ну да, разумеется, многие из них рано или поздно находятся, живыми или мертвыми, но все равно остается внушительное число тех, кто исчезает бесследно — это полная загадка, как и сами *обстоятельства* их исчезновения.

— Но это не значит, что они проваливаются в другое измерение, — возразил Виктор, чувствуя странное нежелание верить теориям Алисы. Казалось бы, после всего, чему они стали свидетелями в этих местах, он должен быть благодарным за любое возможное объяснение происходящего. Но ее «объяснение» было еще более невероятным, чем сами явления, — и он отказывался верить, отказывался принять подобный мир.

Алиса вздохнула:

— Хорошо, я приведу пример. Этот случай широко известен в литературе о паранормальных явлениях. Зимой 1873 года в Англии, в Бристоле, на вокзале была арестована молодая пара за поведение, нарушающее общественный порядок: они явились на станцию одетыми в пижаму и потребовали вызвать полицию. Уже в полицейском участке они рассказали, что поселились в отеле недалеко от вокзала. В Бристоле они были проездом из Клифтона в Уэстон-Сьюпер-Мэр и рано утром собирались продолжить путешествие, чтобы оказаться на месте в нужное время. Они легли спать в полночь, но не прошло и часа, как их разбудил

странный шум, и тут же пол их гостиничного номера превратился в вихревую воронку, в которой, кроме темноты, ничего нельзя было разглядеть. Мужа едва не засосало, и жене пришлось его спасать. Глядя, как в воронку затягивает вещи, они поняли, что через дверь им не выбраться, и решили выпрыгнуть в окно с высоты четырех метров. В панике они прибежали на вокзал, где и были арестованы за неприличное поведение.

— Интересно, — заключил Виктор и хотел уже выразить свои сомнения по поводу правдивости этой истории, но вдруг сообразил, что в свете всего, что они пережили в этом лесу, она выглядит не более странной. Поэтому он спросил: — Так вы считаете, что эти люди стали одними из первых свидетелей... э-э... пересечения двух космических мембран?

— Именно, — ответила Алиса, — я думаю, что между нашим миром и тем, что находилось с «той стороны», была разница в давлении. Атмосферное давление в том измерении более низкое, возможно вообще вакуум, поэтому воронка засосала несколько вещей из комнаты и чуть не затянула человека. Но это лишь одна из массы историй, не говоря уже про случаи исчезновения самолетов и кораблей по всему миру в местах вроде Бермудского треугольника — это тоже происходит на протяжении десятков, если не сотен лет.

— Ну, — сказала Вероника, — если все, о чем вы говорите, хотя бы частично правда, тогда нам тем более следует скорее убираться отсюда. Да, возможно, такие вещи могут случаться в любой точке Земли, но такое чувство, что здесь их какая-то немыслимая концентрация.

— Разница давления... — пробормотал Константинов себе под нос.

— Что? — переспросила Ника.

— Алиса, ты сказала, что могла возникнуть разница давления между комнатой молодоженов и миром по ту

сторону пересечения?

— Да, сказала. Это достаточно логичное объяснение эффекта засасывания.

— А что, если такое пересечение откроется в среду с *большим* атмосферным давлением?

Алиса пожала плечами:

— Будет обратный эффект — поток воздуха будет уходить не в воронку, а из нее.

— Значит, если давление на... на другой стороне, как ты сказала, будет во много раз больше, чем в нашем мире, произойдет мощный взрыв?

— Верно. А теперь подумайте, что произойдет, если разрыв между измерениями откроется в область планеты-гиганта с давлением в тысячу земных атмосфер?

— Тот, кто окажется вблизи, будет смят и погибнет на месте, ведь так? — спросил Константинов.

Алиса смотрела на него, не отвечая. До всех вдруг начало доходить, что он имеет в виду.

— Боже мой! — воскликнул Виктор. — Травмы Дубининой, Тибо-Бриньоля, Золотарева, Колеватова... травмы, похожие на те, что получают в автокатастрофах на большой скорости!

— «Неизвестная сила непреодолимого характера»... — сказал Константинов. — Возможно, сейчас нам удалось приоткрыть истинное значение этой загадочной фразы.

— Это может объяснить произошедшее с туристами, — согласилась Алиса. — И не только их многочисленные травмы, но и цвет кожи и волос. Вероятно, они оказались под воздействием атмосферы, радикально отличной от нашей по своему химическому составу.

— А как же проект «Сварог»? — спросил Виктор. — Ясно, что они давно тоже все это выяснили. Ведь здесь

у них была полностью оснащенная исследовательская станция, так?

Константинов кивнул:

— Отсюда возникает вопрос: почему они бросили ее? Потому что получили ответы на все свои вопросы? Маловероятно. Даже если Алиса права всего лишь наполовину, то и половины этой хватит для исследований на сотни лет вперед. У них не было причин сворачивать свою деятельность в этих местах.

— Может, дело в опасности? — предположила Ника. — Ведь от того, что здесь происходит, нет защиты. Может, они и хотели остаться, но потеряли много людей, оборудования. Помните останки, которые вы тут обнаружили в прошлый раз и которые Юдин назвал «захоронением металлических отходов»? А может, они и правда ответили на *все* свои вопросы или нашли что-то такое, что сделало продолжение исследования нецелесообразным.

Константинов добродушно рассмеялся:

— Вот мы и снова столкнулись с главной проблемой перевала Дятлова: каждая версия порождает больше вопросов, чем ответов. — Он зевнул. — Знаете, в одном я уверен — я устал, да и вы все тоже. Думаю, нам пора на боковую.

Все согласились. День был длинным и полным событий — всем нужно было отдохнуть. Они забрались в свои спальные мешки, Вадим пожелал всем спокойной ночи и погасил фонарь.

И тогда они слышали звуки.

Глава восемнадцатая

Сначала они были очень тихими — откуда-то издалека слегка нарушавшими лесную тишину, как слабое дуновение ветерка, когда проваливаешься в сон. Виктор сел и начал вслушиваться, затаив дыхание.

Постепенно звук нарастал, становился громче.

Кто-то из них прошептал:

— Что это?

Кто-то ответил:

— Тсс!

В кромешной тьме они сидели и слушали.

Звуки не были похожи на те, что они слышали в Юрте Анямова или в лесу, когда убегали от ртутного озера. Они были мягче и органичнее — как будто что-то огромное дышало. Это дыхание сопровождалось еще одним звуком — словно в густой и вязкой жидкости вскипали и лопались пузырьки. Был звук, напоминавший стрекотание сверчков или цикад, раздававшееся эхом на многие километры вокруг, хотя было понятно, что в студеном лесу их просто не может быть. И был звук голосов, говоривших на незнакомом языке; он становился то громче, то тише — словно его транслировало плохо настроенное радио.

Виктор сидел, не смея пошевелиться, парализованный страхом. Рядом слышалось прерывистое дыхание Ники. Она изо всех сил пыталась сдержать крик, шумно и судорожно сглатывая.

Он сам крепко зажмурился, когда услышал такое же громкое сглатывание *снаружи* палатки. Ника застонала от ужаса, и Виктор прижал ее к себе, чувствуя, как ее колотит дрожь.

Но тут вдруг, к всеобщему облегчению, все смолкло.

Ника понемногу успокаивалась в объятиях Виктора и дышала ровнее.

Кто-то прошептал:

— Оно ушло?

Никто не ответил — все наслаждались благословенной тишиной, впитывая ее, как пьют воду умирающие от жажды.

Виктор уже чуть было не ответил: «Да, *оно* ушло», но слова замерли на языке, когда в палатку проник новый звук.

Хруст шагов по снегу.

Они слушали, как этот мягкий хруст приближается к палатке, и Виктор хотел умереть, хотел, чтобы сознание оставило его и он погрузился в бесчувственное забытие. В первый раз в жизни он молил Бога дать ему умереть, умолял о быстрой и безболезненной смерти.

Но, конечно же, она не наступила.

И вот он лежал живой, слушая шаги, медленно обходившие палатку. Самым страшным была их совершенная нормальность — после необъяснимых и призрачных звуков, которые они только что слышали. Виктор понятия не имел, откуда могли взяться те звуки, но эти... вне всяких сомнений, это были шаги человека.

Но какого человека? Откуда ему тут взяться ночью?

Да, можно было открыть палатку и посмотреть. Но делать этого не хотелось. Господи, только не это! Он слишком боялся того, что мог увидеть.

Ника всхлипывала и шептала:

— Кто это? Кто это?

Казалось бы, проще простого было встать и расстегнуть палатку, проще простого выйти наружу, чтобы встретиться с нарушителями их покоя лицом к лицу и выяснить, что им здесь надо.

Да, это было бы проще простого, если бы не один вопрос, сверливший Виктору мозг: *а что, если это вовсе не человек?*

Он услышал, как Константинов прошептал:

— Нужно выйти... выйти и посмотреть, кто это.

— Ты с ума сошел? — зашипела Алиса.

— Может, это кто-то заблудился в лесу и ему нужна наша помощь.

— Тогда почему он молчит?

— Судя по шагам, это человек.

А если не человек?

*Сколько можно просто лежать и трястись от страха!
Будь мужчиной, сделай уже что-нибудь!*

А-если-это-не-человек?

Шаги были медленными, осторожными. Палатку обошли еще три раза. Затем шаги остановились... и стали удаляться в сторону леса, постепенно становясь тише и неразличимее.

— Оно уходит, — сказал Константинов, и слово «оно» предательски выдало его тайные мысли и страхи.

Внезапно он пополз к выходу.

— Что ты делаешь? — запротестовала Алиса.

Услышав звук расстегиваемой палатки, Виктор почувствовал, как бешено заколотилось сердце. Но тут он понял, что Вадим сделал лишь щелочку, чтобы посмотреть, что происходит снаружи.

— Вы что-нибудь видите? — спросил он, не зная, хочет ли получить ответ.

Вадим не отвечал. Тогда Виктор подполз к нему, но голова Константинова, прильнувшего к щели, закрывала весь обзор.

— Видите что-нибудь? — повторил он свой вопрос.

— Вижу... — начал тот и, набрав в грудь воздуху, сел прямо. — Мы правильно сделали.

— В каком смысле?

— Правильно сделали, что не вышли.

— Что вы там увидели, Вадим? Скажите же!

— Я успел увидеть мельком, прежде чем оно исчезло в лесу, и это был не человек.

* * *

Остаток ночи они провели в состоянии между тревожным бодрствованием и беспокойным сном. Разумеется, они по очереди несли вахту, хотя никто не знал, что делать, если повторятся звуки или вернется их незнакомец. И эти несколько часов Виктор пытался отделаться от мыслей о группе Дятлова, разрезавшей свою палатку и сбежавшей в панике ночью пятьдесят лет назад.

Никогда время не шло так медленно, никогда прежде он не молился про себя с таким жаром, чтобы наступил день, в то же время страшась наступления этого дня.

Все снова молчали — отчасти потому, что остерегались выдать себя тому, кто мог находиться снаружи, но больше потому, что никакие слова не могли принести хоть немного облегчения.

Так они и пролежали до рассвета.

* * *

Когда через щели в брезенте палатки забрезжили первые лучи солнца, Виктор поднялся, садясь и благодаря Бога, что все живы. Остальные тоже закопошились, собираясь в дорогу — прочь из этого жуткого и странного леса.

Застегивая рюкзак, Виктор заметил, что Прокопий сидит к ним спиной у самого входа в палатку, уставившись на брезентовый полог, хотя, разумеется, смотреть там было не на что. У Виктора возникло подозрение, что он чего-то ждет или хочет, чтобы они узнали то, что уже понял он. Между коленей у него,

словно талисман-оберег, был зажат его шаманский барабан.

Константинов пополз к выходу.

— Прокопий, подвинься.

Но шаман даже не шелохнулся.

Непонимающим взглядом окинув остальных, Вадим неловко пролез мимо него и открыл застежку палатки. Он уже начал вылезать, как вдруг остановился и замер на четвереньках, словно что-то снаружи его парализовало.

Виктор посмотрел на Алису и Нику — они тоже непонимающе переглянулись, и глаза их были полны тревожного страха, который он и сам чувствовал в этот момент.

— Что такое, Вадим? — окликнул он Константинова.

Тот, не ответив, сдвинулся с места и выполз из палатки. За ним скрепя сердце последовал Виктор и, выйдя, встал как вкопанный с разинутым ртом оттого, что увидел перед собой метрах в десяти.

Прошлой ночью на поляне, где была разбита их палатка, не было ничего, кроме нескольких деревьев.

Сейчас здесь возвышалась инсталляция.

Глава девятнадцатая

Она была не похожа на инсталляции с фотографий из досье Лишина — эта почти полностью уходила под землю, так что только самый верхний купол и второй купол, поменьше, торчали из снега. Виктор и Константинов стояли рядом, разглядывая ее, и вдруг почувствовали, что с ними стоит и Прокопий.

— Она появилась ночью, — прошептал Виктор.

Факт, разумеется, был очевиден, но он произнес это вслух, чтобы хоть немного уяснить то, что отказывался принимать его мозг.

Вероника и Алиса вышли из палатки и вскрикнули от испуга.

— Боже, боже мой! — повторяла Ника. — И что нам... что нам теперь делать?

— Мы осмотрим ее, — тут же ответила Алиса.

— Что значит «осмотрим»?

Алиса показала на купол поменьше и отверстие в нем:

— Мы посмотрим, что внутри.

— Вы с ума сошли? — воскликнула Ника. — Я не собираюсь лезть в нее — вы меня не заставите туда лезть, понятно?

Алиса кинула на нее испепеляющий взгляд:

— Думаете, у нас есть выбор?

Все посмотрели на нее.

— Что за ерунду вы несете? — возмутился Виктор.

Она кивком головы показала на Прокопия:

— Вот он знает.

— Полагаю, Алиса права, — заговорил шаман. — Вчера, когда вы приняли решение уехать, лес спрятал ваш лагерь и сделался бесконечно длинным, чтобы помешать вам уйти. Теперь он принес прямо к вашему

порогу этот железный дом. Он требует, чтобы вы оставались здесь.

— Вы шутите, — сказала Ника, — не может быть, чтобы вы...

— Уверяю вас, я говорю серьезно, — ответил Прокопий, не сводя глаз с инсталляции. — Не думаю, что лес позволит нам уехать, пока мы не войдем в железный дом. Приехав сюда, вы задали вопрос. Думаю, что это и есть ответ на него.

— Я тоже думаю, что инсталляция появилась здесь по какой-то причине, — согласился Константинов.

— Дело в антипризме, — произнес Виктор, — он знает, что мы привезли ее обратно.

Прокопий резко повернулся к нему:

— Что вы привезли обратно?

— Одну вещь, — сказал Виктор, — которую много лет назад достали из точно такой же инсталляции. Мы не знаем ее назначения, но она точно не из нашего мира... Здесь ее место.

— Тогда я ошибался, — сказал шаман, — вы не задали вопрос — вы сами дали ответ.

— Почему бы нам просто не оставить ее здесь? — спросила Ника. — Не обязательно заносить ее внутрь. Оставим ее рядом и уберемся отсюда.

— Этого будет недостаточно, — ответил Прокопий. — То, что взято, должно вернуться на то место, где его взяли.

Собачий холод зимнего утра пробрался сквозь одежду Виктора и сжал его ледяным кулаком. Он почувствовал себя в ловушке — как лабораторная крыса, запущенная в незнакомый лабиринт, без малейшего представления о том, что таится внутри. И в то же время его возбуждала перспектива попасть внутрь и исследовать этот невероятный артефакт, созданный необычайно развитой цивилизацией. По крайней мере, он полагал, что, какая бы непостижимая

алхимия ни приводила к переходам через измерения и разрывы между мирами, это вряд ли некий естественный феномен, а скорее, результат грандиозного научного эксперимента.

С одной стороны, ему хотелось поддержать предложение Ники — оставить антипризму рядом с инсталляцией и вернуться в Екатеринбург, навсегда забыв о своем пребывании в этом месте. Но с другой стороны, он хотел попасть внутрь инсталляции — прямо сейчас, чтобы раскрыть ее тайны вместе с Константиновым, которого всю жизнь преследовали призраки девяти человек, столкнувшихся с той же чертовщиной. Сама мысль о том, что в результате они погибли, наполняла его ужасом... но и ребенок, когда лезет на дерево, знает, что может упасть и разбиться, и все равно лезет выше и выше, не желая спуститься на безопасную землю.

Он услышал умоляющий голос Ники, зовущий его словно откуда-то издалека:

— Витя, пожалуйста...

Он посмотрел на нее и покачал головой:

— Прости, Ника, я думаю, у нас и правда нет выбора.

Она побледнела и уронила взгляд вниз, на мерзлую землю. Она выглядела так, словно только что выслушала свой смертный приговор и смирилась с судьбой.

Это сравнение пронзило Виктора, и он взял ее лицо в свои ладони:

— Тебе не надо туда ходить, ты останешься ждать в лагере.

Она накрыла его руки своими и отрицательно покачала головой:

— Нет, я не останусь, я пойду с тобой, Витя. Я ведь этого хотела. — Она измученно улыбнулась. — Я ведь этого хотела.

И тогда он понял, что вовсе не из любопытства поехала она с ним в экспедицию. Нет... вовсе не из любопытства...

Они стояли, обнявшись, и Виктор видел, как посмотрел на них Прокопий, как кивнул ему и снова повернулся лицом к инсталляции.

* * *

В рюкзаки они положили энергетические батончики и фляжки с водой — неизвестно, сколько времени они проведут внутри. Кроме того Алиса взяла наплечную сумку со всеми своими приборами, а Вадим достал кварцевый контейнер с антипризмой из бардачка машины и упаковал его в свой рюкзак.

Уже стоя у основания купола, Виктор вспомнил фотографию из досье Лишина и представил скрытые под землей части инсталляции. Цилиндрическая конструкция высотой примерно двадцать метров в окружении опор, похожих на колонны, но скошенных, как лезвие клинка. Главный полусферический купол был около пятнадцати метров в диаметре, но наполовину находился в земле, поэтому они без особого труда смогли вскарабкаться на него. Их подошвы отлично держались на поверхности бронзового цвета, так что они относительно легко забрались и на второй купол, поменьше, метров трех в диаметре.

Вход, высотой в два метра и шириной в один метр, зиял полнейшей темнотой. Константинов встал на пороге и очень медленно заглянул внутрь.

— Что ты видишь? — спросила Алиса.

— Кажется, лестницу, — ответил он, высовывая голову. — Выглядит как винтовая и спускается в темноту. — Он достал кварцево-галогенный фонарик из кармана, включил его и обвел глазами их всех. — Итак...

Алиса улыбнулась и показала на вход:

— Думаю, честь быть первым принадлежит вам, профессор.

Он улыбнулся ей в ответ и, глубоко вздохнув, шагнул в отверстие.

Друг за другом они последовали за ним: Алиса, потом Виктор, Вероника и последним Прокопий. Виктор достал собственный фонарик для дополнительного света. Алиса тоже хотела включить свой, но он остановил ее, сказав, что батарейки лучше поберечь. Согласившись, она убрала фонарик обратно в карман.

— Ты был прав, Вадим, — сказала она, — это на самом деле лестница, и она свидетельствует о том, что построившие ее гуманоиды практически одного с нами роста.

Спускаясь, Виктор почувствовал, что ступеньки слегка пружинят, как будто покрыты чем-то похожим на резину. Лестница и ее опоры были того же бронзового цвета, как и купол снаружи, и, скорее всего, это был один и тот же материал.

Алиса провела рукой по стене и сказала:

— На обратном пути постараюсь взять этот материал на пробу. Непонятно, что это такое... гладкий, но чувствуются вкрапления, похоже на тефлон.

Что-то привлекло внимание Виктора, и он присмотрелся к стене.

— Уберите, пожалуйста, свой фонарь на секунду, — попросил он.

— Зачем? — спросил Константинов.

— Что-то такое в этом материале... пожалуйста, выключите.

Они выключили фонари и остались в кромешной тьме.

За спиной у Виктора раздался испуганный голос Вероники:

— Витя, что ты делаешь? Пожалуйста, включи фонарик.

— Смотрите! Смотрите на стенку!

Вкрапления, которые нащупала Алиса, слабо светились.

— Неужели встроенный источник света? — удивилась Алиса.

— Но я их не заметил, когда заглядывал снаружи, — сказал Константинов.

— Может, их просто не было видно из-за дневного света, — предположила Алиса.

— А может, они среагировали на наше присутствие, — сказала Вероника. — Может, эта штука понимает, что мы внутри нее.

Постепенно освещение становилось ярче, пока они не начали довольно четко различать лестницу. Но обстановка оставалась совершенно незнакомой, поэтому Виктор предложил Вадиму снова включить фонарики, чтобы видеть отчетливо, куда они идут.

Еще через пару минут спуска раздался голос Прокопия:

— Мы уже под землей.

Виктору показалось, что никому из них даже думать об этом не хотелось.

— Ты что-нибудь видишь внизу? — спросила Алиса.

— Пока нет, — ответил Вадим. — Нет, подожди, я что-то различаю.

Он замолчал, так что Алиса не выдержала:

— Вадим, боже мой, что ты там видишь?

— Конец лестницы. Все ждите, где стоите. Виктор, идемте со мной. Надо проверить.

— Я ценю ваши рыцарские замашки, но я тоже спускаюсь, — ответила Алиса.

Константинов вздохнул:

— Извини, Алиса. Конечно, спускайся.

Замечание Алисы о рыцарстве не оставило Виктору иного выбора, кроме как поспешить за ними.

Через узкий арочный проход они попали в просторную, шарообразную комнату; закрытая лестница, по которой они спускались, служила центральной колонной, поднимавшейся до самого купола. Алиса достала свой фонарик, так что теперь по стенам заплясали три луча, высветив еще несколько арок — видимо, ведущих в другие комнаты.

— В диаметре эта комната такая же, как и верхний купол, — отметил Константинов.

— Это значит, что инсталляция — не просто цилиндр, — добавила Алиса, — и под землей она гораздо больше. Только вот интересно, насколько больше...

В этот момент в комнату спустились Вероника и Прокопий. Увидев их, Константинов вздохнул и пробормотал с легким раздражением:

— Я же просил оставаться на лестнице!

— Да, — ответила Ника. — И что теперь — отправите нас домой в наказание?

— Здесь могло быть что-то опасное, — продолжал он ворчать.

— Если здесь есть что-то опасное, тогда нам всем крышка, — парировала она, — хоть здесь мы будем, хоть там.

Вадим не нашелся, что возразить, поэтому сказал примирительно:

— Ладно, вы правы. Думаю, надо лучше держаться всем вместе.

— Вот именно, — заключила Ника, оглаживая комнату и стены с арочными проходами. — Что это за место?

— Думаю, что-то вроде вестибюля, — ответил Вадим. — Нужно продолжить осмотр.

— Пойдем через какой-нибудь вход? — спросил Виктор. — Через какой?

— Они все выглядят одинаково, — заметила Алиса. — Вадим, тебе выбирать.

Вадим показал на проем прямо перед ними:

— Сюда.

Алиса достала свой датчик электромагнитного поля и последовала за Константиновым.

Они прошли в арку и ступили на что-то вроде пандуса, некруто уходящего вниз. Константинов посветил фонариком вверх и по стенам вокруг, и в этих пляшущих пятнах света они различили резьбу — ничего подобного Виктор раньше не видел. Стиль был исключительно своеобразный, и это тревожило. От круглых стен во все стороны отходили нервюры и миниатюрные контрфорсы; причудливо ассиметричные поверхности были испещрены знаками, напоминающими сложные иероглифы или мифические ландшафты, изображениями, похожими на звезды или галактики, — и все это в невообразимых завитках и переплетениях.

Удивительная вещь — тишина! Полное отсутствие звуков может восприниматься совершенно по-разному в зависимости от ситуации и настроения человека. Тишина, которой их встречала эта комната, пока они спускались по пандусу, была совершенно не похожа на тишину в лесу. Она была совсем другого характера и плотности, она не шла в сравнение с ночной тишиной удаленных мест, она была глубже могильной тишины — молчание неизвестности, где останавливается всякая мысль и просыпаются низшие биологические инстинкты, словно внутри человека тревожно оживает первобытное мышление.

Они продолжали спускаться, Константинов освещал фонарем пол, а Виктор — стены и потолок. Он показал на стены, заметив любопытный элемент, который

проходил наискось вдоль всего прохода, разделяя резные плиты надвое. Он имел форму волны, в углублениях которой находились яйцевидные панели с изображением звезд и галактик.

— Как вы думаете, что это? — спросил он Константинова.

— Могу ошибаться, — ответил тот, — но, вероятно, океан.

— Космический океан, — предположила Алиса, — или лоно Вселенной: видите, звезды связаны с ним, словно от него зависит их существование.

— Как фрукты на ветках дерева, — добавил Прокопий.

Наконец они дошли до конца пандуса и оказались в длинном арочном коридоре. Странные резные изображения и барельефы исчезли. Стены коридора были сильно рифлеными, с глубокими впадинами, куда не доходил свет их фонарей.

Виктор почувствовал, как страх внутри него усилился — кто знает, что таится в этих углублениях?

Они шли по коридору, ступая осторожно, словно водолазы, шагающие по предательски опасному дну океана. Виктор то и дело косился на черные ниши в стенах, но они ничем себя не проявляли.

Дойдя до конца коридора, они поняли, что он переходит в следующую комнату.

Константинов прошел в проем и неожиданно остановился.

— Что там? — спросил Виктор.

— Не знаю, просто у меня какое-то очень странное ощущение.

Виктор осветил лицо профессора.

— Что за ощущение? — Насколько было известно Виктору, Вадим обладал отменным здоровьем, но все-таки он был уже немолод, и пережитый стресс вполне

мог его подкосить. Он вдруг представил, как Вадим падает с сердечным приступом. — Что-то болит?

— Нет, — покачал тот головой в растерянности, — нет, нет, я просто почувствовал, как что-то прошло сквозь меня или я сам прошел сквозь что-то.

— Не понимаю.

— Это похоже... — он с трудом пытался найти сравнение, — похоже на то, как проходишь сквозь паутину. — И он осмотрел притолоку проема.

Виктор прошел вслед за ним и заметил:

— Я ничего не почувствовал.

Вадим улыбнулся:

— Думаете, это у меня воображение разыгралось? Что ж, все может быть...

Виктор сказал извиняющимся тоном:

— Не мудрено в таких ненормальных обстоятельствах.

Вадим, подумав, согласился:

— Да, конечно, вы правы.

Первым впечатлением от комнаты, в которой они оказались, было странное замешательство, и через несколько секунд Виктор сообразил, что она напоминает естественную пещеру. Стены ее были угловатыми и напоминали сгруженные беспорядочно массивные каменные блоки, между которыми в образовавшиеся проемы кто-то затолкал камни поменьше. Если это было сделано намеренно, то разум, задумавший такую конструкцию, был совершенно лишен человеческого рационального подхода. Виктор вовсе не был набожным человеком, но в этих хаотичных линиях ему почудилось что-то богохульное, что-то целиком и полностью принадлежащее таким глубинам космоса, куда не осмелится и никогда не сможет попасть ни одно человеческое существо. Они шли совершенно вразрез с их представлениями об инсталляции, но, вне всяких сомнений, были ее частью.

Виктор хотел было высказаться по этому поводу, но тут вдруг Вадим вскрикнул и скинул с себя рюкзак на пол.

— Что случилось? — испуганно спросила Алиса.

— Это антипризма, — задохнулся он, — я почувствовал, что она *пошевелилась*.

Глава двадцатая

Все взгляды обратились на валявшийся на полу рюкзак. В нем и вправду чувствовалось шевеление. Это было очевидно. Словно внутри сидел зверек, пытавшийся освободиться.

— Открой, открой быстрее! — потребовала Алиса.

Вадим не решался — на лице его были написаны ужас и растерянность.

— Мы из-за этого сюда пришли. Открывайте же, — добавил Виктор.

Вадим осторожно присел на корточки рядом с рюкзаком, расстегнул молнию и быстро отпрянул назад.

Тонкая красная нить вырвалась из сумки, словно лазерный луч и остановилась прямо в центре комнаты, метрах в трех от пола.

А потом появилась сама антипризма, и все они — в удивлении, оцепенении и ужасе — смотрели, как она двигается по красной нити, словно ткацкий челнок вдоль нити, медленно, но верно подбираясь в центр комнаты. Это уверенное движение сопровождалось слабым гулом, отчасти электрическим, отчасти органическим, похожим на женский голос, пропущенный через искажающий его акустический прибор.

Когда антипризма оказалась в центре комнаты, красная нить уползла обратно в нее, и гул прекратился. Какое-то время антипризма висела без движения, а потом словно вспыхнула, и внутри нее и снаружи все заиграло переливами пересекающихся граней и невообразимых огней.

В ее глубине Виктор видел ландшафты, целые миры, составленные из танцующих геометрических фигур, то и дело разбивающихся и принимающих новые

формы. Она тянула к себе; он смутно осознавал присутствие своих товарищей, которые тоже двигались к центру комнаты, где зависло это непостижимое нечто.

Виктор остановился прямо перед ней и заглянул в ее бескрайние глубины. Ему казалось, что он пролетает насквозь всю Вселенную и перед его глазами раскрывались одна за другой все новые и новые большие и малые скопления звезд. Он увидел отливающие перламутром галактики других вселенных, замершие на своих плоскостях, словно дождевые капли на бесконечных стеклянных листах.

«Космические мембраны, — подумал он, — неужели это космические мембраны?»

Он увидел сам великий акт Сотворения в его законченности, уходящий в бесконечность многомерного пространства: мембрана на мембране, плавающие в вакууме, каждая из которых представляла собой отдельную вселенную, усыпанную островками галактик и крошечными точками дрейфующих между ними блуждающих звезд. Каждая мембрана пространства-времени располагалась под своим углом, плавая в бесконечном движении.

Перпендикулярно бесконечному горизонту своей вселенной еще две мембраны, усыпанные светом галактик,плыли по направлению друг к другу, излучая столбы бесконечного света. Виктор наблюдал, как чуть заметно росло, образуя две неглубокие выемки, искривление каждой мембраны, приводимой в возмущение большим количеством флуктуаций в вакууме в рамках собственного пространства-времени. Они двигались навстречу друг другу и столкнулись, образуя огромную световую вспышку, их кинетическая энергия при этом моментально преобразовалась в бессчетное количество триллионов частиц, расширяющихся вдоль плоскости каждой из мембран.

Рождение новой вселенной...

Постепенно бесконечные мембраны начали бледнеть, свет их галактик становился все слабее — словно молоко растворялось в воде. И вот они совсем исчезли из поля зрения, и Виктор смотрел уже на бесконечную пустоту насыщенного темно-синего цвета. Но он все равно чувствовал, что в этой пустоте присутствует что-то, что в ней кипит невидимая квантовая жизнь, так же как вакуум нашего пространства-времени кипит бесконечными субмикроскопическими событиями.

Но эта пустота казалась иной — не говоря уже о том, что он ощущал ее внутреннюю структуру. Он чувствовал в ней упорядоченность — изначальную и прекрасную, полную противоположность квантовой «пене» нашей Вселенной, которая пузырится и расплывается по космической мембране.

Он ощущал беспорядочные отголоски всевозможных вселенных, движущихся через спектр потенциала: от определенности и вероятности до невероятности и невозможности. Он видел вселенные: и те, которые существовали, и те, которые не могли возникнуть — не успев сформироваться, они исчезали, не имея ни малейшего шанса, как нет его у обреченной материи, устремляющейся в гравитационный колодец черной дыры.

Но вот и этот бесконечный синий цвет пустоты начал бледнеть — его прекрасный свет понемногу затухал и погас вконец.

Вместо него появился ужас.

Виктору казалось, что он плывет в центре огромной сферы, образованной искривляющейся, зловонной, омерзительной темнотой. На границах этой сферы миллионы тел разнообразных форм извивались, ползали, метались и рвались. Они были повсюду, по всем направлениям. От них нельзя было скрыться.

Он хотел закричать, а может, и закричал — он не мог понять, настолько сильны были омерзение и ужас, разрывавшие его мозг и доводящие его до безумного отчаяния.

Сфера смыкалась вокруг него, сужая свои стенки, и тела становились ближе и ближе. Темнота сладострастно трепетала, словно чувствовала его беспомощность.

Сфера продолжала смыкаться — или это расширялось его сознание? Он перестал что-либо понимать. Он знал лишь, что расстояние между ним и ужасом, обступавшим его со всех сторон, стремительно уменьшается.

До него вдруг донеслись крики людей, и он понял, что это кричат Вероника, Алиса, Вадим, Прокопий и он сам.

А потом ему показалось, что стенки сферы обхватили его вплотную и прошли сквозь него. Но боли не было, и взрыва мозга, которого он ожидал, тоже не случилось. Однако что-то изменилось — он чувствовал перемену в своем сознании, глубокую и колоссальную перемену.

Ощутимая враждебность существ, которые извивались и корчились на границах шара, исчезла — в них не было больше ни мерзости, ни ненависти, ни жадной дрожи, ни безумных вспышек агрессии. Даже внешне они неузнаваемо изменились. Виктор все еще чувствовал присутствие сферы, но теперь она расширилась до необъятного космоса, который мог бы вместить в себя миллиарды вселенных.

Существа по-прежнему были на поверхности сферы — на безмерно далеком расстоянии, но он осознавал, что они там, словно расстояние не имело никакого значения. Он воспринимал их новым сознанием, изменившимся вместе с пространством, в

котором он теперь находился. И эти существа были прекрасны в своем совершенстве.

И Виктор заплакал.

Он плакал о каждом живом существе в своей вселенной, о хаосе, первоначально принятом за упорядоченность, о гармонии, которую всегда искали, но никогда не находили, потому что она была иллюзией и не могла существовать. В первый раз он так остро и невыносимо осознал всю хрупкость материи, которая составляла его существо, ее катастрофическую непредсказуемость, отчаянное перекручивание суперструн и печальную музыку реальности, которую они играли.

А потом это видение исчезло, и он снова стоял в странной угловатой комнате, глядя на плавающий в ее центре предмет, который переливался невероятных цветов гранями и лучами. Его тошнило, он смутно видел, что Вероника, Алиса и Вадим упали на пол и что Прокопий попытался подойти к нему, но не устоял и упал на колени.

Ноги Виктора тоже подкосились, и, падая навзничь, он успел заметить, как в комнату вошел кто-то, отдаленно напоминавший человека, но не человек. Существо было высокого роста и очень тонкое и двигалось медленно и размеренно на своих невероятно тонких и длинных ногах. Увидев его лицо, Виктор хотел закричать, но крика не получилось — страшная слабость и тошнота вконец лишили его сил.

Лицо существа было безобразно вытянуто и больше напоминало морду животного — возможно, лошади или собаки. Цвет его кожи был красно-коричневый, а само оно было практически голым, если не считать каких-то лохмотьев на плечах. Волосы были редкими, серебристо-белыми. Глаза... глаза были человеческими, но совершенно неуместными на этом лице, как у рыси,

которую они встретили в лесу, убегая от ртутного озера.

Существо останавливалось и осматривало каждого из них по очереди, но Виктор не мог пошевелиться, не мог даже попытаться отползти. Он покосился на Нику, которая, загипнотизированная ужасом, не сводила глаз с этого существа.

Когда оно подошло к нему, он смог лучше рассмотреть свисавшие с его плеч тряпки. Это были грязные обрывки лабораторного халата с бейджем, на котором была напечатана фамилия.

Фамилия была СОЛОВЬЕВ.

И прежде чем окончательно потерять сознание, Виктор все же нашел в себе силы закричать.

Глава двадцать первая

Открыв глаза, он сразу понял, что уже не находится в комнате со странноугольной, немыслимо переливающейся антипризмой. Тошнота слегка отступила, но он все еще чувствовал ужасную слабость, так что не мог двигаться. Он лежал на чем-то мягком, скорее всего на кровати. Перед собой он видел лишь белый потолок с голой мигающей лампочкой, висевшей прямо над ним. Он открыл рот, чтобы сказать что-нибудь, но звука не было. В горле так пересохло, что он некоторое время лежал, собирая слюну.

Когда ему наконец удалось проглотить сухой комок, он вымученно произнес:

— Где я?

Откуда-то слева до него донесся голос, мало похожий на человеческий, словно у говорившего были повреждены или каким-то образом изменены связки: глубокий и скрипучий с прищелкиванием, как будто в горле было что-то порвано.

Голос поскрежетал:

— Вы в больничном изоляторе станции зоны № 3.

Виктор покосился в сторону, откуда шел голос, и к нему вернулся прежний страх, от которого он снова чуть не закричал.

Он крепко зажмурился и невероятным усилием воли подавил приступ паники.

— Как я сюда попал? — прошептал он.

— Станция зоны № 3 теперь является частью инсталляции.

— Почему?

— Инсталляция захотела более детально ее исследовать. Она часть инсталляции уже много лет.

— Кто... кто вы?

— Я доктор Антон Соловьев, номинально управляю станцией.

— Проект «Сварог»?

— Да.

Виктор почувствовал движение вне поля зрения и набрался смелости посмотреть в ту сторону. Перед глазами предстала удлинённая лошадиная голова, и он снова почувствовал, как из груди рвется крик.

— Пожалуйста, не бойтесь.

— Вы Соловьев?

— Да.

— Боже мой, что же с вами произошло?

Узкий рот растянулся — видимо, это была попытка улыбнуться.

— Слишком долго пробыл в инсталляции... слишком долго без других людей... слишком долго в других местах. Все это меня изменило.

— Где остальные?

— Остальные?

— Люди, с которыми я сюда пришел.

— Они здесь.

Виктору наконец удалось сесть и осмотреть комнату — это было лучше, чем наблюдать перед собой высохшего полуголого призрака. Изолятор находился в полном запустении: пол был усыпан осколками и обломками разбитых стеклянных шкафчиков, стоявших вдоль стен. Тут и там в беспорядке стояли тележки со всевозможным медицинским инструментом. Это место, очевидно, не использовалось годами, а может, и десятилетиями.

Рядом с кроватью Виктора находилось еще четыре — на них лежали с закрытыми глазами его товарищи. Все, кроме Прокопия, который сидел на своей койке и, склонив голову набок, чуть ли не с улыбкой рассматривал существо, некогда бывшее Антоном Соловьевым. Прокопий казался абсолютно

спокойным — и Виктор догадывался, что за всю свою шаманскую жизнь он повидал столько странных вещей, что даже теперешнюю ситуацию мог воспринимать невозмутимо. Виктор ему завидовал.

— Ты и шаман очнулись первыми, — сказал Соловьев скрежещущим, щелкающим голосом, — поэтому, когда остальные придут в сознание, вы им поможете спокойнее воспринять ситуацию. Я же понимаю, что такое трудно перенести... по крайней мере, в первый момент.

Виктор встал и, шатаясь, побрел по замусоренному полу к кровати Вероники, а Прокопий встал между Вадимом и Алисой, хотя смотрел на Алису.

Когда глаза Ники приоткрылись и тут же широко распахнулись в припомнившемся ужасе, Виктор взял ее руку и нежно сжал.

— Ника, — прошептал он ей, — все в порядке, я здесь.

Она посмотрела на него, открывая рот и готовясь закричать, но он покачал головой, отчаянно надеясь, что она сдержится. Если бы она закричала, тогда и он вместе с ней, потому что внутри него все еще вскипала паника, и достаточно было малой капли, чтобы превратить ее в неостановимый поток.

— Ника, не надо. Я здесь, мы все здесь...

— Витя, что за бред происходит? — застонала она. Она посмотрела на Соловьева, стоявшего в другом конце комнаты. — О боже, боже мой!

Ее тело напряглось, и Виктор понял, что если бы не парализующий ее страх, она бы давно вскочила и побежала.

— Не бойся, — сказал ей Соловьев.

Она зажмурилась и просипела:

— Боже, оно разговаривает. Эта тварь умеет говорить!

— Он человек, Ника, — успокаивал ее Виктор, — его зовут Антон Соловьев. Ты же помнишь, это имя упоминалось в документах.

Она снова посмотрела на Виктора и, заметив в его взгляде тот же страх, почувствовала некое родство и поддержку, поэтому молча кивнула и крепко сжала его руку.

Алиса и Вадим начали просыпаться. Виктор видел, что они справляются с ситуацией лучше, чем Ника. Прокопий что-то тихо им говорил, и они кивали, не сводя глаз с Соловьева.

— Где мы? — наконец спросила Алиса.

Виктор повторил ей слова Соловьева о том, что станция зоны № 3 сейчас часть инсталляции.

— Что ж, по крайней мере, сэкономили на дороге.

В первый миг Виктор поверить не мог, что она шутит, тем не менее ее слова чудесным образом притупили его страх. Он улыбнулся ей:

— Да, очень удобно.

— Я пить хочу, — сказала вдруг Ника, и Виктор вспомнил о своем пересохшем горле.

— Ваша вода там, — произнес Соловьев, показывая своей длинной, тощей рукой на рюкзаки, сваленные кучей на столе.

Виктор подошел к ним, достал фляжки и раздал всем.

— Хорошо, — сказал он, напившись, и хотел что-то добавить, но Соловьев оборвал его на полуслове:

— Я знаю, у вас много вопросов. Нам будет удобнее в конференц-зале. Пожалуйста, идите за мной.

Он двинулся к двери своей странной, насекомообразной походкой, и остановился, дожидаясь остальных.

* * *

Ника не отпускала руку Виктора, пока они шли за доктором Соловьевым по коридорам станции зоны № 3. Теперь Виктор понял, что имел в виду Соловьев, когда сказал, что станция стала частью инсталляции. Стены и потолок в коридорах местами были повреждены, и сквозь зиявшие дыры были видны еще одни стены — тусклого бронзового цвета. Станцию, похоже, буквальным образом вырвали с корнем с ее прежнего места и поместили внутри инсталляции и, очевидно, в процессе этого сильно разрушили.

Из досье Лишина Виктор помнил, что станция была построена из готовых модулей, доставленных на Северный Урал сразу после гибели группы Дятлова. Это было особенно заметно на стыке коридоров, где болты были выдраны из крепежных колец, обнажая сломанные вентиляционные трубы и покореженную арматуру. Идти приходилось очень внимательно, следя за каждым шагом, и осторожно переступать через разошедшиеся модули.

Наконец они дошли до конференц-зала и Соловьев, открыв дверь, нагнулся, чтобы войти. Там был такой же кавардак, как и в изоляторе: по всему полу валялись бумаги и чьи-то личные вещи. В центре стоял круглый стол с восемью стульями вокруг; в одну из стен были вмонтированы девять телевизионных экранов, сломанных и уже не работающих, а на противоположной стене был нарисован символ проекта «Сварог»:

— Садитесь, пожалуйста, — пригласил Соловьев.

Когда все расселись, Виктор взглянул на Нику, чтобы удостовериться, что она держит себя в руках. Лицо ее было белым как мел, она сидела такая напряженная и скованная, как будто была начинена

взрывчаткой. Он чувствовал, что она вот-вот сорвется в истерику. Но Виктор ее понимал — на существо, бывшее Антоном Соловьевым, и впрямь было жутко смотреть, у него самого это с трудом получалось. Слишком тяжело было осознавать и слишком трудно поверить, что некий процесс может так изменить, так изуродовать и деформировать человека, оставив при этом ему жизнь и здравый рассудок.

Сам Виктор уже не испытывал того первоначального отвращения и ужаса и был достаточно спокоен. По-видимому, из-за шока его мозг перешел в режим отстраненного наблюдения, как это часто бывает в особенно стрессовых, травматичных ситуациях. Ему не раз приходилось брать интервью у очевидцев катастроф или жестоких нападений, и он понимал, что с ним сейчас происходит. Ситуация, в которой они оказались, находилась за такой гранью мыслимого и правдоподобного, что он и впрямь перестал осознавать себя участником происходящего и словно наблюдал за всем со стороны.

Он посмотрел на своих спутников, пытаясь понять, в каком они состоянии. Вадим, похоже, чувствовал то же самое: он сохранял внешнее спокойствие, но глаза его, не мигая, следили за стоящим перед ним существом. То же творилось и с Алисой, хотя после ее шутки он был уверен, что ее страх уступил азартности и любопытству ее натуры. При взгляде на Прокопия он в очередной раз убедился, что шамана трудно удивить сверхъестественными обстоятельствами. «Для него такое в порядке вещей», — подумал Виктор.

И все же, несмотря на отстраненность от происходящего, Виктора мучили вопросы, требовавшие незамедлительного ответа, поэтому он спросил:

— Что произошло в той комнате? Что с нами сделала антипризма?

Соловьев, все так же стоя (при его трехметровом росте обычные стулья были неудобны), ответил:

— Антипризма? Да, так мы называли эти вещи. Их так обозначили, потому что не знали, как назвать то, у чего нет названия. Вы вернули ее туда, где ей следует быть. Это хорошо.

— Что они вообще такое?

— Каждая антипризма принадлежит своей инсталляции, хотя само слово «инсталляция» неподходящее название для этого места. Насчет того, что с вами произошло в ее присутствии... Могу сказать лишь, что вы ее увидели, заглянули в ее разум, вжились на время в ее процесс мышления.

— Я видел весь процесс сотворения мира — бесчисленные вселенные, заключенные в свои космические мембраны... Алиса, вы были правы! Вы были правы! Я видел, как рождается вселенная, а потом очутился в другом месте, наполнившем меня ужасом, затем этот ужас сменился печалью, мне стало невыносимо грустно... за мою собственную природу, за природу всего сущего во вселенной и...

Виктор замолк, чувствуя, что не может продолжать.

— Я тоже это видела, — произнесла Аписа.

Остальные просто закивали.

— Вы увидели мельком то, что пришло в этот мир, в эту вселенную, — сказал Соловьев. — Но не пытайтесь понять то, что видели. Не пытайтесь проанализировать его природу или природу увиденных вами сооружений: инсталляций, «котлов», ртутных озер и вихревых сингулярностей. Ваш мозг просто не имеет возможностей постичь, что они на самом деле представляют собой.

— Что вы хотите этим сказать? — возмутился Виктор. — Мы разумные существа, мы развитая в технологическом отношении цивилизация, и,

естественно, мы сможем понять, если вы нам объясните.

— Нет, не сможем, — вмешалась Алиса, — я всегда подозревала, что именно таков будет результат соприкосновения с внеземным разумом. Трагедия полного непонимания, наша абсолютная невозможность понять, с чем мы столкнулись. Это все равно что показать компьютер неандертальцу — он даже задуматься не сумеет о том, что это за штука, будет сидеть и пялиться на нее, а может, испугается и разобьет вдребезги. Так и мы. — Она грустно усмехнулась. — Наша цивилизация и писать-то умеет лишь несколько тысяч лет! Как нам понять существ, которые не только в технологическом плане стоят неизмеримо дальше нас, но и чей разум и процесс мышления в самой сути своей для нас непостижимы?

— Но я хочу попытаться, — упорствовал Виктор едва ли не с отчаянием в голосе, — я просто хочу попытаться понять. Я проделал весь путь сюда не для того, чтобы это услышать. Я пришел сюда не для того, чтобы мне сказали, что я слишком глуп, чтобы понять ответы на свои вопросы! — Он повернулся к Соловьеву. — Что такое инсталляции и «котлы»? А ртутные озера? И эти... как вы их назвали... вихревые сингулярности? Что все это такое?

Соловьев задумчиво опустил свою лошадиную голову, а потом внимательно посмотрел на Виктора человеческими глазами.

— Вы можете считать их компонентами машины и транспортом. Да, транспортом для путешествий между вселенными, хотя слово «путешествие» здесь не совсем годится, как, впрочем, и «транспорт» или «машина». Не спрашивайте о них больше, потому что ни один ответ не удовлетворит вас.

— Я хочу кое-что выяснить, — заявила Алиса. — Вы сказали, что антипризмы принадлежат инсталляциям,

но они созданы не гуманоидами. Почему тогда лестницы, по которым мы спускались вниз, сконструированы как у людей?

Соловьев попытался ей улыбнуться:

— Это не лестницы.

— Что тогда?

— Это просто часть конструкции. Я не знаю их точного предназначения, но это не лестницы, как и ртутные озера — это не озера и вихревые сингулярности не сингулярности. Вы сами привели очень удачную аналогию с неандертальцем и компьютером. Представьте, что вы даете компьютерный диск человеку, живущему в шестнадцатом веке. Возможно, он рассмотрит его и подумает, что это зеркальце, и ни за что не догадается о его истинном назначении, а если вы ему расскажете, он сочтет вас безумцем или посланником дьявола! Так же и всё, что вы здесь видели. Вы просто не знаете истинных функций и назначения этих вещей... просто не знаете.

— Ладно, — согласился Виктор. — Что такое антипризмы? Это исследователи? Ученые?

— Нет. Исследование и наука — это человеческие понятия, которые принадлежат этому миру. Антипризмы — это ни то ни другое. Они даже не живые — в том смысле, в котором вы понимаете это слово. Вы находитесь в плену собственного разума, собственной природы — ваше мышление безнадежно антропоцентрично, как и у меня когда-то. Вы пытаетесь наделить человеческим образом и подобием то, что далеко от человеческого, как и сам человек далек от амебы — и даже бесконечно дальше... Вы никогда не задумывались, что конечная цель этой или любой другой вселенной не имеет ничего общего с жизнью? Вы никогда не думали, что жизнь во всем ее многообразии может быть всего лишь побочным

продуктом какого-то другого процесса, который находится за пределами физического разума?

Тот, кто некогда был Соловьевым, задавал эти вопросы без всякой злобы: его голос звучал тихо, сочувственно, почти умоляюще, словно он безумно хотел, чтобы они его поняли.

Виктор готов был возражать и дальше, но слова застряли в горле. Ему вдруг стало очень страшно, но по-другому — не так, как раньше. Если то был утробный, животный страх ощущения опасности, то сейчас он испытывал чисто ментальный ужас, отвратительное чувство беспомощности перед лицом вечной непроницаемой тайны. Поэтому он промолчал.

Заговорил Вадим — в первый раз, после того, как они очнулись:

— А что случилось с военными и учеными, которые работали на этой станции? Где они сейчас? И что случилось лично с вами? Или мы этого тоже не поймем?

Соловьев долго молчал, потом глубоко, шумно вздохнул и начал рассказывать:

— Проект «Сварог» не был научным предприятием с самого начала. Он был основан в тридцатые годы как антропологическая исследовательская программа с целью изучения системы верований традиционных этнических сообществ по всему Советскому Союзу. Была собрана огромная информация в виде мифов и легенд, включая и мифы якутов в Восточной Сибири.

Туда были направлены экспедиции, записавшие рассказы якутов о «железных домах» и «котлах», об огненных шарах, появляющихся из-под земли и вступающих в небесную битву с врагами. В одной из таких экспедиций выяснилось, что это не просто легенды. Экспедиция обнаружила «железный дом» — инсталляцию на дне замерзшего болота. И стало

понятно, что в наш мир откуда-то извне, откуда-то издалека приходит нечто.

Конечно, на тот момент все это мыслилось в пространственных категориях, что не верно. Но оно стало изучаться.

В конце сороковых цель проекта коренным образом изменилась — организация больше не занималась антропологией и изучением древних обществ; она превратилась в научно-исследовательскую группу, задачей которой было обнаружить внеземной разум и по возможности вступить с ним в контакт.

Они понятия не имели, чем на самом деле является инсталляция, — знали только, что она построена не людьми. Все попытки исследовать инсталляцию сошли на нет, когда она исчезла вскоре после того, как ее обнаружили. С того момента руководители проекта задались целью найти подобные сооружения. Для этого — а совсем не для того, чтобы продемонстрировать силу инженерной мысли СССР перед США, как считают многие, — в октябре 1957 года был запущен спутник. Спутник был дистанционным датчиком — примитивным, да, и всего лишь первым из многих последующих, — но его основной целью было обнаружение присутствия этих незваных гостей в нашем мире.

Третий спутник, запущенный в мае 1958 года, первым обнаружил признаки их деятельности на Северном Урале. Прикрепленные к проекту «Сварог» военные отряды несколько раз прочесывали этот район, но результаты оказались неудовлетворительными. А потом, спустя девять месяцев, в феврале 1959 года, на перевале погибла группа Дятлова — это произошло недалеко от места, где располагался небольшой военный отряд с исследовательской целью. Военные были готовы к встрече с инсталляцией и связанными с ней объектами, потому что их хорошо

проинструктировали. Чего они не ожидали, так это появления девяти гражданских лиц, которых попытались предупредить, чтобы они покинули это место, но не успели — и тоже погибли.

Проект «Сварог» тут же взял под контроль расследование инцидента. Тела погибших военных было приказано вывезти в закрытый город Белорецк-15 для дальнейшей экспертизы.

Тогда же в лес на Холат-Сяхыл приехали первые исследовательские группы и начали собирать доказательства деятельности внеземной цивилизации: странным образом убитых животных, локальные источники сильной гравитации — все то, что вы и сами видели. Поэтому район был объявлен закрытой зоной, на которой построили исследовательскую станцию.

Рискованность такого предприятия понимали все — и ученые, отправленные для изучения местных феноменов, и военные, которые, как самонадеянно полагали власти, должны были защитить нас от любых возможных опасностей. Да, мы знали, на что шли — примером была смерть группы Дятлова.

Да, они погибли, но мы считали, что силы, убившие их, не враждебны человеку: это не оружие, оно не было создано с каким-то злым умыслом. Вы, Алиса, правильно догадались, что травмы туристов были вызваны разницей давления между нашей средой и другой — одновременно бесконечно далекой и бесконечно близкой. Туристы стали жертвами того, что не собиралось причинить им вреда, поскольку «вред» — понятие нашего мира, но не имеет смысла для пришельцев. С определенной точки зрения можно сказать, что смерть группы Дятлова оказалась либо абсолютно бессмысленной, либо абсолютно возвышенной. Полагаю, что однажды я смогу узнать, что они думают по этому поводу, потому что они продолжают существовать...

Вы смотрите с недоумением, но это правда, потому что здесь мы поняли, в частности, что сознание — это глобальный феномен, оно не зависит от мозга; мозг является скорее медиатором, нежели «производителем» сознания, позволяя ему существовать.

Вы спросили, что случилось с нами, учеными и военными, которые здесь жили и работали... В течение трех лет мы изучали инсталляцию, «котлы», ртутные озера, зоны высокой гравитации, шары. Каждый день, отправляясь со станции зоны № 3 в неизвестное, мы надеялись на новые открытия, но осознавали опасность. Мы резюмировали свои вопросы и версии, обсуждали их друг с другом в таких вот конференц-залах и пересылали в Москву.

Но как часто происходит с людьми, уверенность перерастает в самоуверенность: мы начали воспринимать эти объекты как собственные. Они появились в СССР, значит, они принадлежат исключительно СССР. Это было нашей самой большой ошибкой. Ошибкой было решение доктора Козерского, приказавшего извлечь антипризму. Козерский полагал, что антипризма — не более чем деталь инсталляции, в то время как мне казалось, что это что-то вроде ее разума или души... или даже партнера. Мои возражения были выслушаны, но отвергнуты. Думаю, мне повезло, что мне позволили работать в проекте дальше, позволили остаться здесь. Хотя, судя по вашим лицам, вы не считаете, что мне повезло — учитывая мое теперешнее состояние.

Когда антипризму извлекли, инсталляция покинула этот мир, но перед этим она поглотила станцию зоны № 3. Я до сих пор не знаю зачем. В качестве компенсации за свою потерю? Сомневаюсь. Из мести? Определенно нет. Из любопытства? Тоже нет. Правда в том, что ни одно действие инсталляции нельзя

интерпретировать с точки зрения человеческого разума — а возможно, и любого разума, принадлежащего нашему пространственно-временному континууму. В тот момент на станции находилось десять человек — пятеро ученых и пятеро военных, и она забрала нас с собой.

Она забрала нас в другие измерения, другие мембраны, по которым путешествуют эти инсталляции. Мои товарищи закончили плохо, несмотря на суровую подготовку. Один военный посмотрел не в том направлении не в тот момент и сошел с ума, а вскоре умер от остановки сердца. Трое просто исчезли, а пятый покончил жизнь самоубийством.

Мои коллеги-ученые пытались зафиксировать наше перемещение при помощи оборудования, которое еще функционировало. Это было смело, учитывая, что они могли так же легко расстаться с жизнью.

Так и получилось.

Сам я заглянул кое-куда вне станции. Я не знаю, ни что я такое сейчас, ни каким образом изменился, ни как мне удалось выжить после путешествия инсталляции по мембранам. Но я здесь... все еще здесь.

Завершая свой рассказ, Соловьев сделал паузу и спросил:

— Но вы... ведь вы не имеете отношения к проекту «Сварог»? Как вы нашли антипризму? Где она была?

— На нас вышел некий Эдуард Лишин, — ответил Константинов. — Он указал, где находится антипризма, которую он украл, или лучше сказать, вывез из Белорецка-15. Мы предположили, что он хочет, чтобы мы вернули ее на место.

Соловьев закивал своей большой лошадиной головой:

— Вы сделали правильный вывод. Эдуард всегда считал, что антипризмы не просто технические устройства. Он считал, что это непосредственное

проявление разумного управления инсталляцией. Но, в таком случае, почему его нет с вами?

— Думаю, он испугался. Скорее всего, он понимал, что «Сварог» за ним следит. Мы никогда не встречались с ним и не знаем сейчас, где он может быть.

— Жалко, — сказал Соловьев, — мне бы очень хотелось его снова увидеть.

Виктор задал мучивший его вопрос:

— А где была инсталляция все то время, пока антипризма отсутствовала?

— Она путешествовала по вселенным, без всякой определенной цели, — ответил Соловьев.

— А сейчас что будет?

— Не знаю. Но здесь она не останется.

— Она покинет пределы нашей планеты?

— И планеты, и Вселенной.

— Когда?

Соловьев поднял свою тяжелую изуродованную голову, словно прислушиваясь к чему-то, чего никто из них не мог слышать.

— Прямо сейчас.

Глава двадцать вторая

Виктор так ничего и не услышал, хотя Соловьев, похоже, слышал прекрасно — или чувствовал, — что инсталляция готовится к отбытию.

— Я не хочу, — произнесла Вероника, в ужасе вскакивая со стула.

— Сколько времени у нас есть? — спросил Виктор у Соловьева.

— Если вы хотите выйти отсюда, вам надо уходить прямо сейчас.

Алиса и Вадим тоже вскочили. Прокопий остался на месте.

— Пойдемте, Прокопий! — воскликнул Вадим. — Надо убираться отсюда. Живей!

Шаман улыбнулся и покачал головой:

— Думаю, я лучше останусь.

Виктор посмотрел на него потрясенно:

— Господи, вы... вы уверены?

— Уверен. До свидания.

Вадим похлопал его по плечу:

— Ну, тогда удачи вам.

Виктору захотелось что-то добавить — попытаться его переубедить или просто поблагодарить за все. Он не мог развернуться и убежать, не сказав ему ничего. Но в тот момент единственная мысль, владевшая им, была «бежать» — перспектива повторить судьбу Соловьева лишила его всякой способности думать.

— Как отсюда выбраться? — обратился он к Соловьеву.

— Я вам покажу, — ответил он, направляясь к двери, — пойдемте.

Виктор схватил Веронику за руку, и они побежали к двери, Алиса и Вадим за ними. Пока они торопливо

пробежали по коридорам станции, Алиса спросила:

— Почему Прокопий хочет остаться в этом месте? Почему он хочет отправиться в другие места?

— Разве не очевидно? — ответил, задыхаясь, Вадим. — Инсталляция собирается уйти в миры, которые он за свою шаманскую жизнь видел лишь мельком. Другое пространство-время, другие измерения, другие вселенные — даже представить сложно, что он увидит и испытает... В какой-то мере я ему завидую.

— Но не настолько, чтобы захотеть присоединиться к нему?

— Да, не настолько.

Когда они вошли в комнату с антипризмой, Виктор опять почувствовал внезапный приступ тошноты, и ноги его подкосились. Невыносимый объект был здесь, спокойно висел в центре комнаты непонятной формы. Но теперь он как будто бы стал больше, а его непрерывно плавающие плоскости и лучи доходили до самых стен.

— Мы не сможем пройти, она заблокировала выход! — задыхаясь, крикнул он.

— Нет, вы можете пройти сквозь нее — она не причинит вам вреда. Идите дальше, — сказал Соловьев.

Прижав Нику к себе, Виктор прошел сквозь «тело» антипризмы, ощутив легкий поток воздуха, словно кто-то выдохнул ему в лицо. В мозгу словно бы отразились геометрические формы — кубы, пирамиды, шары, многогранники, которые пересекались друг с другом в темном вакууме, который обступали какие-то огромные, освещенные сооружения...

Он тряс головой, пытаясь сконцентрироваться на выходе из комнаты. Он не хотел оглядываться, не хотел видеть Соловьева, не хотел говорить с ним — только выйти!

Вот они уже бежали по коридору к пандусу, ведущему вверх. Тошнота и странные видения прекратились. У самого пандуса Виктор оглянулся, чтобы проверить, идут ли за ним Алиса и Вадим. Все вместе они в последний раз оглянулись, чтобы попрощаться с Соловьевым, оставшимся в комнате. Он поднял тощую руку на прощание, а потом повернулся и пошел — навстречу новым тайнам.

Виктор думал о Прокопии и надеялся, что тот будет счастлив в мирах, которые раньше являлись ему только вспышками озарения.

Глава двадцать третья

Пока они карабкались по конструкции, которую изначально приняли за винтовую лестницу, уши начал раздирать скрежещущий гул, ставший еще сильнее, когда они, изможденные, выбрались из купола и упали на землю.

— Не останавливаться! — кричал Виктор. — Нужно отойти как можно дальше!

Когда они бежали в лес, он краем глаза заметил их палатку, а металлический гул все нарастал, и воздух, казалось, трескался от разрядов чего-то более мощного, чем электричество. Виктор представил себе, как в свою последнюю ночь Дятлов и его друзья так же в слепой панике бежали из палатки вниз по склону Холат-Сяхыл.

Сколько сами они бежали — Виктор не помнит. Но они вконец выдохлись и остановились, свалившись на землю и задыхаясь, жадно глотая воздух и выдыхая густой пар.

— Думаете... мы достаточно далеко... убежали? — спросил Виктор, рвано дыша.

Вадим хотел ответить, но в этот момент его грудь разорвало, и хлынула кровь. Через долю секунды поверх скрежета инсталляции раздался громкий щелчок. Вадим успел только посмотреть на отверстие в своей груди, потом поднял глаза на Виктора и рухнул в снег.

Алиса вскрикнула, бросившись к нему, перевернула его на спину. Снег под ним был ярко-красным от крови.

— Что произошло? — кричала она. — Что, черт возьми, произошло?

— Господи... — сказал Виктор, — наверное, его застрелили...

И тут же ствол дерева рядом взорвался фейерверком щепок. Виктор упал на землю, потянув за собой Нику.

— Пригните голову! — кричал он, пытаюсь разглядеть за деревьями, откуда идет стрельба.

— Кто в нас стреляет? — плакала Вероника.

— Не знаю, они стреляют высокоскоростными снарядами.

Вдруг он заметил какое-то движение вдалеке — кто-то в белом быстро перебежал от дерева к дереву примерно в ста пятидесяти метрах от них. Через несколько секунд фигура снова показалась — полностью в белом, на лице черные очки и что-то вроде маски. Увидев поднятую винтовку, Виктор еще сильнее вжался в землю. Снова раздалась громкая очередь, и на них снова посыпался деревянный дождь.

— Мы в ловушке, — сказала Алиса.

— Он наверняка не один, — заметил Виктор.

Алиса повторила вопрос Ники:

— Кто это такие?

— Думаю, это и есть «Сварог», — ответил Виктор. — Наверное, они вычислили, что мы здесь и что инсталляция вернулась. Им не нужны свидетели...

— Но как им удалось нас обнаружить? Люди сюда десятки лет ходят! Почему именно сейчас и почему именно мы?

— Это Лишин, — произнес Виктор, — видимо, он им рассказал. Мы предполагали, что он боится общаться с нами напрямую, потому что подозревает слежку. И видимо, он был прав. Они, наверное, схватили его.

— И что же нам теперь делать, Виктор? — спросила Алиса. — Они уже убили Вадима...

— Не знаю, — сказал он, посмотрев на Веронику, в широко распахнутых глазах которой читался ужас.

Алиса поднялась на колени:

— Нам надо бежать.

— Алиса, нет!

Но она уже рванулась вперед. Не успела она пробежать и нескольких метров, как раздалась очередная очередь — и пуля прошила ее левое бедро. Она вскрикнула и упала. В следующую секунду — еще одна очередь, и из головы Алисы брызнула фонтаном кровь.

— Боже, боже! — кричал Виктор, чувствуя, как к горлу подходит тошнота.

Поглядев в сторону, откуда шла стрельба, он заметил среди деревьев еще троих, бегущих к ним и наставляющих на них винтовки. Он бросился к Нике, закрывая ее своим телом в жалкой попытке защитить.

— Прости, Ника, — прошептал он.

А потом снег вокруг них словно вспыхнул огнем. Подняв глаза, они увидели три шара над инсталляцией. Их свет озарял весь лес, пронизывал воздух — но на него можно было смотреть, даже не щурясь. Это было похоже на обычный дневной свет, только более разреженный. Эти три шара вращались вокруг того места на земле, где находилась инсталляция, и когда в своем движении они задевали деревья, раздавался глухой треск и деревья ломались как спички. Виктор и Ника видели, как кружится под каждым шаром ураган расщепленного дерева и, ярко вспыхивая, исчезает.

Люди, бежавшие к ним, тоже посмотрели вверх и, очевидно пораженные происходящим, бросились в укрытие. Однако это было бесполезно: они оказались слишком близко к эпицентру, чтобы убежать от него. Одного за другим их сбила с ног некая сила. Была ли то гравитация или что-то совсем другое — это не имело значения, главное было в том, что увидели Ника и Виктор: трое нападавших были растянуты, сжаты и проглочены невидимыми сингулярностями под шарами. Остальным удалось отбежать на несколько шагов, но тут возникла мощнейшая ударная волна от покинувшей

этот мир инсталляции. Они, как тряпочные куклы, взлетели на воздух и повисли на деревьях.

— Вставай! — закричал Виктор, вскочив на ноги и поднимая Нику.

Он почувствовал, как ее тело обмякло в его руках, и только потом услышал прокатившуюся эхом в затихшем лесу последнюю автоматную очередь.

— Ника? — окликнул он.

Она ответила ему тем же непонимающим взглядом, что и Вадим, а изо рта потекла струйка крови.

— *НИКА!*

Он оглянулся, чтобы увидеть, как стрелявший рухнул на землю — нажать на курок он успел из последних сил и сам погиб от полученных ран.

Ника опустилась на колени, и Виктор осторожно положил ее на землю. И, вытащив руку из-под ее спины, в ужасе увидел ярко-красное пятно на своей ладони.

Господи, только не это!

— Ника, все хорошо, я донесу тебя до машины... мы выберемся отсюда... я отвезу тебя в больницу...

Он заглянул в остекленевшие глаза Ники и понял, что разговаривает сам с собой.

Ника умерла.

Глава двадцать четвертая

Виктор долго сидел, обнимая тело Ники. Он уже больше не плакал и только чувствовал застывшие на лице слезы. Где-то в глубине сознания тихий голос шептал ему, что если он задержится еще, то замерзнет насмерть. Но ему было все равно, его не волновало, что с ним произойдет. Он останется здесь, пока не оледенеет, будет сидеть с Никой на руках, с лежащими рядом Алисой и Вадимом, а потом составит им компанию...

Однако постепенно голос внутри нарастал, становясь все настойчивей — он хотел, чтобы его слышали. Виктор положил Нику на землю и попытался встать, но его ноги уже окоченели, и он рухнул лицом в снег. Он готов был сдаться, ему хотелось просто лежать, ожидая, что холод превратится в приятное тепло и он потеряет сознание. Но внутренний голос начал кричать — он требовал, чтобы Виктор еще раз попытался встать.

И Виктор попытался, и в конце концов ему удалось сначала подняться на колени, а потом встать на ноги. В тот момент он не мог рассуждать логически — иначе бы он просто доковылял до лагеря, разжег плитку, чтобы согреться, а потом дотащил тела своих друзей до машины и поехал назад, в цивилизованный мир...

Но ничего этого он не сделал. Шатаясь, он шел все дальше в лес, не зная куда и зачем. Очень скоро он окончательно заблудился. Его качало из стороны в сторону, тело трясло от холода, а в мозгу безжалостно крутилась лента событий и образов последних недель. Смутно мелькнула мысль: не это ли то самое предсмертное состояние, когда перед глазами проносится вся жизнь?

Наконец, он остановился, привалившись к стволу — тяжело и громко дыша. И заметил собаку — ту самую собаку, которую они видели у ртутного озера. Она стояла чуть поодаль, наблюдая за ним своими черными глазами, а ее неестественно вытянутое тело и костлявые ноги не двигались.

— Кто ты такая? — прошептал он.

Собака сделала несколько шагов к нему, потом повернулась и медленно побрела обратно, остановившись только раз или два, чтобы обернуться. А внутренний голос, который уже заставил Виктора отказаться от смерти, заговорил снова, подсказывая следовать за собакой, которая вовсе не собака. И он пошел за ней. Время от времени она останавливалась и оглядывалась на него, словно проверяя, идет ли он за ней.

Виктор плохо помнил дальнейшее — только не связанные между собой белые картины и стволы, стволы. Последнее, что он отчетливо запомнил, — как вдруг среди деревьев открылась широкая поляна, на которой стояли, прижавшись друг к другу, домики...

Рассказывает доктор Басков [11]

— Это была Юрта Анямова? — спросил я.

Стругацкий кивнул.

— А волосы частично поседели оттого, что вы какое-то время находились рядом с шарами во время перемещения инсталляции?

— Думаю, да.

— Ясно, что ваших друзей убил «Сварог» — сказал Комар. — Мои поздравления, Стругацкий, теперь вы вне подозрений.

Стругацкий уловил мрачную интонацию следователя и ответил:

— Спасибо. Хотя неуверен, как долго я протяну на свободе.

— Не долго, — уверил его Комар.

— А как ваши люди, — спросил его Виктор, — те, что попали в Новую больницу? Если «Сварог» узнает, что они видели шары и попали под их облучение... Вам нужно забрать их оттуда и увезти в безопасное место.

— И как прикажете это сделать? — спросил следователь, удивляя меня добродушным тоном. — Как, думаете, можно вывезти трех больных людей из больницы, которая, скорее всего, находится под наблюдением?

Тогда Стругацкий покачал головой:

— Прошу прощения.

— Я тоже, — сказал Комар и тут же спросил: — Вы знаете что-нибудь про гору Ямантау?

Вопрос был неожиданным для меня, да и Стругацкий посмотрел недоуменно.

— Расскажите ему, доктор Басков, — попросил Комар.

И я рассказал Стругацкому все, что знал о комплексе Ямантау:

— Его строят уже тридцать лет, но никто не знает зачем. Он огромный и может вместить по меньшей мере шестьдесят тысяч человек. Это целый город в кварцевой горе, но назначение его неизвестно общественности.

— Похоже на убежище, — заметил Стругацкий. — Но шестьдесят тысяч человек?..

— Существуют четыре возможные причины строительства такого огромного укрепления, — продолжал я, — среди них ядерная война, экологическая катастрофа, падение астероида или кометы... или же неопределенная угроза извне.

— Извне... — повторил Стругацкий.

— Ясно, что мы не знаем и половины той информации, которой владеет проект «Сварог», — сказал Комар.

— Они чего-то боятся, — добавил я, — чего-то, о чем никто не знает... возможно, о чем-то, что становится частично неактивным в присутствии тригональных кристаллов типа кварца.

— А гора Ямантау содержит кварц, — подхватил Стругацкий, — значит, этот комплекс — убежище, но не от стандартных опасностей вроде падения метеорита или ядерной войны. — Он замолчал ненадолго, затем задумчиво покачал головой. — Если вы имеете в виду предстоящее вторжение пришельцев, я в это не верю. Я не верю, что они враждебны нам.

— Судя по тому, что вы нам рассказали, Виктор, — сказал я, — понятие «враждебность» тут вообще не годится. Они ни добры ни злы, так как это исключительно человеческие понятия. Я полагаю, проект «Сварог» знает, что многие из них прибывают по причинам, которые нам не понять.

— Но ведь их присутствие на Земле может оказаться катастрофическим для планеты, — сказал Комар, — и правительству об этом известно, но оно не хочет разглашать информацию.

— Боже мой, но почему? — спросил Стругацкий.

— Возможно, они считают, что этот внеземной разум, как его называют, в итоге окончательно покинет Землю, и тогда российское правительство получит безграничную власть над тем, что останется от планеты. Имея в запасе генофонд шестидесяти тысяч человек, оно сможет заново заселить ее.

— Если это правда, — сказал Стругацкий, — тогда нужно предупредить людей... остальной мир о надвигающейся угрозе.

В этот момент у следователя зазвонил телефон. Он ответил:

— Да, понятно, спасибо, что позвонили мне. — И, нажав отбой, посмотрел на меня и Стругацкого. — Это был прокурор Глазов. Сказал, что трое моих людей были переведены из Новой больницы...

— Переведены? Куда? — спросил я.

— Он не знает, ему не сообщили, — ответил Комар.

— Эти ублюдки пытаются заткнуть всем рты, — сказал Стругацкий. — Я следующий на очереди.

— Мы не можем этого допустить, — обратился я к следователю. — Мы должны потихоньку вывезти Виктора отсюда.

Комар помолчал минуту, затем взглянул на меня:

— Ваша копия досье Лишина... где она?

Я подошел к ящику с документами, вынул бумаги и передал ему.

— Дома у вас есть еще что-нибудь имеющее отношение к этому делу?

— Только несколько файлов на компьютере, которые я скачал из Интернета.

— Хорошо. Когда доберетесь до дома, восстановите конфигурации компьютера до исходного состояния. Я полагаю, вы понимаете, что я имею в виду?

— Конечно, я удалю с жесткого диска все, кроме программ, установленных изначально.

Комар кивнул.

— Вы уверены, что дома больше ничего нет?

Я подтвердил:

— Уверен. Но что вы хотите сделать?

— Я собираюсь увезти Стругацкого. Вам не нужно знать, как я это сделаю, хотя, могу поспорить, вы об этом скоро узнаете.

— Куда вы его повезете?

Комар улыбнулся:

— Вы правда думаете, что я вам скажу?

— Нет, — ответил я, смутившись от собственной глупости. — Полагаю, что нет.

Комар встал, прошел к двери и, чуть приоткрыв ее, поглядел в щелку.

— Отлично, — сказал он. — Ваша секретарша еще на обеде. К сожалению, есть еще кое-что, что я вынужден сделать перед тем, как попрощаться. Вы поймете зачем, когда проснетесь. До свидания, доктор Басков.

Я успел только увидеть взмах руки следователя, и его кулак ударил мне в лицо, после чего наступила темнота.

Эпилог

Это был последний раз, когда я видел следователя Комара и Виктора Стругацкого.

Я очнулся, чувствуя привкус крови во рту и дикую головную боль, которая чуть не взорвала мой мозг, когда вошедшая секретарша завопила, обнаружив меня на полу.

Когда в голове начало проясняться, я смог догадаться, что, каков бы ни был план следователя, ему нужно выиграть как можно больше времени, поэтому, когда вызвали милицию и директора Плетнера, я притворился ничего не понимающим.

Несколько работников больничного персонала рассказали, что видели, как следователь вел Стругацкого по коридору, как показал свой бейдж и рывкнул, что он занимается милицейскими делами, а они пусть занимаются своими. Поскольку спорить с уголовным розыском никому не хотелось, ему не помешали. Позже я узнал, что из прачечной пропал грузовик. Комар, разумеется, знал, что лучше не уезжать на собственной машине.

Плетнер не хотел рисковать, поэтому меня положили в больницу для наблюдения за моим состоянием. Я достаточно быстро шел на поправку, хотя и притворно жаловался на временную потерю памяти и делал растерянное лицо, когда при мне упоминали имя Виктора Стругацкого. Вскоре я обнаружил, что Комар помог мне, прихватив с собой мой диктофон и все пленки с записанными сеансами.

Оказавшись дома, я немедленно сделал то, что велел Комар и запустил восстановление системы на компьютере. Не осталось никаких свидетельств, что я как-то связан со Стругацким и его расследованием

инцидента на перевале Дятлова, — кроме текста, который вы прочли. Его я собираюсь положить в сейф. Я подозреваю, что за мной следит «Сварог», хотя тот факт, что я жив и свободен, означает, что меня не считают опасным. Я подозреваю также, что они выжидают, когда Комар и Стругацкий сделают шаг, который их выдаст. Что это будет за шаг — понятия не имею. Не знаю я и того, когда они объявятся. Но то, что в один прекрасный день они объявятся, я не сомневаюсь. И тогда я опубликую эти документы.

А до тех пор придется ждать.

И мир тоже пусть подождет меня.

Приложение

Загадочные и необъяснимые факты, упоминаемые в книге «Перевал Дятлова», и некоторые другие аномальные феномены

Витимский метеорит (болид) — большое космическое тело, взорвавшееся в районе реки Витим (Иркутская область) 24/25 сентября 2002 года. Было зафиксировано американскими спутниками, но потеряно ими на высоте 30 км от поверхности земли. Энергия взрыва — около 200 тонн в тротиловом эквиваленте. На месте падения болида наблюдались явления, напоминающие тунгусское происшествие, в связи с чем Витимский болид называют также вторым Тунгусским метеоритом.

Гора мертвецов (манси Холат-Сяхыл; перевал Дятлова) — высота 1079 на Северном Урале, где зимой 1959 года при таинственных обстоятельствах погибла группа туристов из 9 человек. 23 января сборная команда из 10 человек (студенты и выпускники Уральского политехнического института (УПИ) из Свердловска и инструктор по туризму, бывший фронтовик) под руководством пятикурсника Игоря Дятлова отправилась в лыжный поход на Северный Урал. Они планировали пройти порядка 350 км по ненаселенной местности, тайге и горам. В начале маршрута один из членов группы заболел и не смог участвовать в походе. 12 февраля группа должна была дойти до конечной точки маршрута — поселка Вижай и отправить телеграмму в институт. Но телеграммы не пришло, и группа в город не вернулась. Первую

поисково-спасательную экспедицию организовал турклуб УПИ. Шесть поисковых групп были высажены с вертолета в разных точках маршрута группы Дятлова. Через несколько дней, 26 февраля, одна из групп поисковиков обнаружила покинутую палатку на отроге горы Холат-Сяхыл — соседней с горой Отортен. На следующий день на полпути между палаткой и лесом под горой были обнаружены замерзшие тела Юрия Дорошенко, Юрия Кривонищенко, Игоря Дятлова и Зины Колмогоровой. Впоследствии поисковики нашли трупы всех остальных членов группы: 5 марта — Рустема Слободина, 4 мая — Людмилы Дубининой, Александра Колеватова, Александра Золоторева, Николая Тибо-Бриньоля. У Дубининой и Золоторева были обнаружены серьезные переломы ребер, у Рустема Слободина — травма головы, нанесенная тупым предметом. Наиболее же серьезная, фактически смертельная травма была у Николая Тибо-Бриньоля — вдавленный перелом черепа. Почти все найденные тела оказались полураздеты и разуты.

Официальное следствие было начато после возбуждения уголовного дела прокуратурой Ивдельского района по факту обнаружения трупов 28 февраля 1959 года и велось в течение трех месяцев. В его ходе было установлено, что палатка туристов была разрезана изнутри, как будто бы находившимся там людям пришлось покинуть ее в страшной спешке. Ничего из вещей, в том числе одежда, обувь, деньги, фотоаппараты и спирт, не пропало. Найденный дневник группы и проявленные отснятые кадры не проливали свет на произошедшее. Судя по всему, поход, несмотря на некоторое отставание от графика, протекал в штатном порядке, без неприятных приключений и ЧП. Следствие установило, что трагедия на Холат-Сяхыл произошла в ночь с 1 на 2 февраля. В конце весны 1959 года следствие закрывает дело. Причиной смерти

называется «действие непреодолимой силы» — загадка осталась даже без официальной разгадки. Погибшие туристы были похоронены на Михайловском кладбище в Свердловске.

На сегодняшний день существует три группы гипотез, пытающихся объяснить поведение и гибель группы.

1. Первая группа версий ищет причину в естественных природных явлениях — лавинах, сходе снежного пласта, редких природных атмосферных и звуковых феноменах. Наиболее цельной на текущий момент является теория опытного туриста В. Буянова. В изданной в 2011 году книге В. Буянов тщательно доказывает, что на палатку туристов навалился сдвинувшийся вниз по склону снежный пласт. Как правило, слабым местом «естественных» версий с лавиной остается оставленная большая часть вещей в палатке, а также характер повреждений тел туристов.

2. Вторая группа версий видит причину гибели «дятловцов» в наличии неких посторонних людей на перевале. Убийцами туристов назывались и манси-охотники, и работники окрестных лагерей, и даже иностранные шпионы. Последняя версия, разработанная В. Ракитиным, несмотря на кажущуюся фантастичность, является наиболее тщательно аргументированной на данный момент. Присутствие посторонних позволяет объяснить спешное оставление палатки полуодетыми туристами (например, под угрозой применения огнестрельного оружия). Понятными становятся и травмы головы и ребер у четырех из девяти членов группы. Однако следует признать, что в материалах дела и в воспоминаниях поисковиков нет ни одного не только прямого, но даже и косвенного доказательства присутствия каких-либо «посторонних» людей на перевале: ни следов, ни гильз, ни остатков бивуаков.

К этой же группе относятся и версии, связанные с деятельностью военных или спецслужб. Причиной гибели туристов назывались испытания ракет (в ивдельской газете за день до даты гибели была опубликована заметка, где говорилось о замеченных в небе «огненных шарах») или другого секретного оружия. По этим версиям, случайно оказавшиеся в неудачном месте «дятловцы» были или травмированы неким экспериментальным оружием, или же убиты командой «зачистки». При всей заманчивости этих версий, сомневаться в них заставляет полное отсутствие секретности поисковых работ, а также массовое привлечение к поискам большого числа студентов УПИ и свердловских туристов. Вряд ли в район полигона, где в разгар «холодной войны» испытывалось новое и секретное оружие, КГБ допустило бы кого-то кроме армейских подразделений.

3. В третью группу версий можно отнести все объяснения, привлекающие для решения загадки мистику, инопланетян и НЛО (естественно, что описанные в газете «огненные шары» приобретают статус решающего доказательства), духов Горы мертвецов, мести мансийских шаманов за вторжение в священное место и т. д. Невозможность увязать в одну версию все имеющиеся факты вызывает обращение к еще более фантастическим объяснениям.

Долина смерти (якут. Елюю Черчех) — мифическая аномальная зона в верховьях реки Вилуй в Якутии, где находятся врытые в землю объекты искусственного происхождения. По преданиям якутов, в этих местах однажды из огромного железного жерла, находящегося в земле, вырвался столб огня, уничтоживший пришедшего с неба врага людей. Местные жители свидетельствуют, что здесь встречаются огромные металлические «котлы»

загадочного происхождения. Их называют также «железными домами» и рассказывают, что внутри них находятся целые комнаты, в которых тепло даже в самые лютые морозы. Старожилы утверждают, что охотники, ночевавшие в этих «домах», впоследствии болели и умирали. Кроме этого, существуют свидетельства о периодически возникающих из земли вспышках света, сопровождающихся сильным гулом, и огненным шарах. В самой «долине смерти» часто наблюдают призраков и иные, необъяснимые наукой физические явления.

Тем не менее ни одна экспедиция не подтвердила наличия в долине «котлов».

На сегодня существуют две версии загадочных явлений в «долине смерти».

1. Скептическая, отрицающая внеземное происхождение встречающихся объектов, которые могут быть обломками космических ракет, потерпевших крушение при запуске, или отделяемых ступеней; повышенная радиоактивность, сохраняющаяся на них, так же логично объясняет «смертоносность» странных объектов. Сюда же входят попытки отнести «котлы» к археологическим объектам культуры неизвестной принадлежности, а вспышки света — к явлениям шаровой молнии.

2. Уфологи же связывают феномены «долины смерти» с Тунгусским метеоритом, который, по их мнению, был сбит некими энергетическими шарами, выпущенными из подземной установки, находящейся в «долине смерти», чтобы не допустить глобальной катастрофы на Земле.

Зона тишины (молчания) — аномальная зона в пустыне на границе мексиканских штатов Дуранго, Чиуауа и Коауила. Знаменита как территория, где не работают радио- и телеприемники, устройства

навигации, мобильные телефоны и часы. Кроме того, существуют свидетельства наблюдения здесь различных явлений НЛО.

Инцидент Вела (Южно-Атлантический проблеск) — зафиксированная 22 сентября 1979 года американским спутником Vela (разработанным во время холодной войны специально для фиксации ядерных испытаний) серия световых вспышек, характерных для ядерного взрыва мощностью 3 килотонны. Ответственные за ядерный взрыв установлены не были. Выдвигалось предположение о совместном проекте ядерных испытаний ЮАР и Израиля. Существует также версия, что эти вспышки связаны с падением крупного метеорита.

Медведицкая гряда — аномальная зона в 15-18 км от города Жирновска Волгоградской области. Рекордное в России (и второе в мире) место по количеству появления шаровых молний, которые возникают здесь не только в грозу, но и без всяких видимых причин. В недрах Медведицкой гряды обнаружены странные тоннели непонятного происхождения и назначения.

Молебский треугольник (Пермская аномальная зона) — зона биолокационной аномалии возле деревни Молебка в Кишертском районе Пермского края. В зоне наблюдались огромные черные фигуры, светящиеся шары, звуковые аномалии и проч., а также фиксировались эмоционально-психологические и физические расстройства у людей, в том числе головная боль, изменение состава крови, временные параличи, лихорадочные состояния, кожные заболевания, частичная или полная потеря памяти.

Петрозаводский феномен — серия аномальных явлений, происходивших в период с сентября 1977-го по февраль 1978 года на северо-западе России. Наблюдалось как НЛО крупных размеров, зависший над Онежским озером и испускавший лучи желто-золотистого цвета, оставившие овальные отверстия в окнах нескольких зданий.

Таосский гул (шум) — феномен низкочастотной звуковой аномалии, названный по городу Таос в штате Нью-Мексико, хотя наблюдается в разных точках земного шара. По свидетельствам очевидцев, это гудящий звук, начинающийся внезапно, словно после включения некоего устройства, и не прекращающийся часами. Воспринимается примерно 2 % человек, не фиксируется антеннами и микрофонами, поэтому источник его не обнаружен.

Тунгусский метеорит — гипотетическое космическое тело, взорвавшееся 17 июня 1908 года в районе реки Подкаменная Тунгуска (бассейн Енисея) с мощностью около 40–50 мегатонн, что эквивалентно взрыву мощной водородной бомбы. Взрывной волной на площади в 2200 кв. км был повален лес. За три дня до взрыва в европейской части России и Западной Сибири наблюдались необычные световые эффекты в атмосфере. Научные исследования взрыва начались только в 1927 году. Однако ни кратера от падения тела, ни обломков, ни частиц инопланетного происхождения, ни следов радиационного заражения обнаружено не было. Единственной находкой стали микроскопические силикатные шарики. На сегодняшний день существуют десятки гипотез, пытающихся объяснить Тунгусский феномен.

1. NASA и физики Института атмосферы РАН предлагают считать, что основной составляющей

метеорита был лед. Его стремительное расширение при попадании в атмосферу носило характер взрыва. Это позволяет объяснить и огромную энергию взрыва, и отсутствие обломков, и минимальное повреждение огнем поваленных деревьев.

2. «Кометная» теория представляет собой модификацию теории «метеоритной». Считается, что вещество комет имеет рыхлую структуру, поэтому при его взрыве от нагревания в плотных слоях атмосферы также не остается обломков.

3. Версия аварии космического корабля была впервые высказана советским фантастом А. Казанцевым еще в 1941 году. С тех пор этот сюжет прочно занял свое место в фантастической литературе (ему отдали дань и Булычев, и Стругацкие, и многие другие) и в развлекательной периодической печати. Теория выглядит очень заманчиво, но для подтверждения необходимо найти хотя бы один обломок.

4. Ученые В. Епифанов и В. Кундт предложили считать Тунгусский метеорит взрывом большого объема природного газа метана, скопившегося в низине. По этой версии, небольшой падающий метеорит поджег газ. Небольшие размеры метеорита объясняют отсутствие обломков, а большие объемы газа — мощность взрыва.

5. Наконец, многочисленные фантастические гипотезы предлагают считать взрыв, например, попаданием на землю метеорита с антивеществом с последующей его аннигиляцией, что решает проблему соотношения мощности взрыва и отсутствия обломков.

Чулымский метеорит (болид) — космическое тело, взорвавшееся 26 февраля 1984 года в земной атмосфере, на высоте около 100 метров в районе реки Чулым (Томская область). В полете наблюдался как огненный шар с ярко-оранжевым хвостом. Мощность

взрыва составила 11 мегатонн; в радиусе более 100 км от эпицентра наблюдались различные световые и звуковые эффекты. Поиск остатков болида, организованный Институтом геологии и географии Сибирского отделения АН СССР, не дал результатов, что позволило сравнить Чулымский метеорит с Тунгусским феноменом. Было высказано предположение, что Чулымский и Тунгусский метеориты (большая часть траектории которых до взрыва совпадала) представляли собой астероидные тела, сопровождавшие комету Галлея.

notes

Примечания

1

Лезвие (или бритва) Оккама — методологический принцип, который сформулировал в XIV в. философ, монах-францисканец Уильям Оккам: «Не нужно множить сущности без необходимости», откуда следует, что если для описания неизвестного феномена существуют две конкурирующие теории, то предпочтение нужно отдать той из них, чье объяснение проще.

Гипотетическое компьютерное устройство, в которое заложена программа начала ядерной войны, способное в зависимости от определенных политических шагов государства-противника или даже самопроизвольно привести в действие алгоритм уничтожения всего живого на Земле.

Официальное издание Конгресса США, содержащее стенограммы прений и документы, относящиеся к существу рассматриваемых вопросов; основано в 1873 г. Во время сессий Конгресса выходит ежедневно.